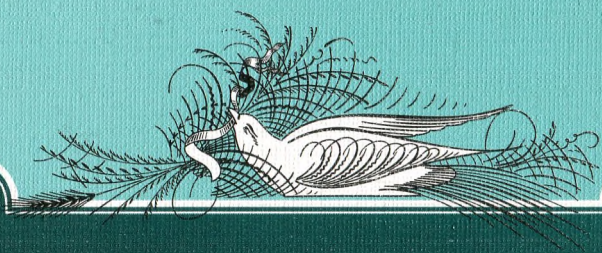

Е. П. СВЕШНИКОВА

О ДЕТЯХ
И ВЗРОСЛЫХ

Е. П. СВЕШНИКОВА

О ДЕТЯХ И ВЗРОСЛЫХ

Тверь
2007

Ш5 (2 = 411.2)
ББК 74.03(2) н.р.
С 24

Книга издана при поддержке деканата филологического факультета Тверского государственного университета

С 24 **Свешникова Е. П. О детях и взрослых : Статьи. Рассказы. Библиография / Научный редактор Е. Н. Строганова; издание подготовлено Е. Н. Строгановой, Т. А. Ильиной, Н. В. Острейковской. – Тверь: Лилия Принт, 2007. – 268 с.**

Настоящее издание представляет собой первое собрание литературных трудов Елизаветы Петровны Свешниковой (1847–1918), критика, публицистки, автора произведений для детского и народного чтения, видной деятельницы народного образования, активной участницы женского движения 1870–1880-х гг. В сборнике помещены статьи, рецензии и рассказы Свешниковой, публиковавшиеся в периодических изданиях второй половины XIX – начала XX вв. Книга восстанавливает забытые страницы литературной и общественной жизни России.

ISBN 5-94205-047-8

© Е. Н. Строганова, редакция, предисловие, подготовка текстов и библиографий, 2007
© Т. А. Ильина, подготовка текстов и библиографии, 2007
© Н. В. Острейковская, подготовка библиографии, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Школа «активного добра»:

О Елизавете Петровне Свешниковой 4

ПРО ДЕТЕЙ И ЗА ДЕТЕЙ

Про детей и за детей. *Из заметок учительницы* 23

Избегасмая сторона воспитания 41

Как детей портят. *Из заметок учительницы* 68

Поездки в Москву 84

Из переписки с сельскими учительницами. *Очерк* 95

О ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Обзоры книг для народного и детского чтения

Издания Московского Общества

распространения полезных книг. Книжки для школ 123

Книги для народного чтения. Издания склада «Посредник» . . . 125

Пушкин в изданиях 1887 г. 144

Книги для народного чтения 156

Рецензии на произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина

Два очерка Щедрина 159

О Щедрина и о последнем очерке его 165

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

Ваня 173

Любимая книга. *Рассказ* 187

Из моих воспоминаний 196

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография работ Е. П. Свешниковой и литературы о ней . . . 213

Книги из библиотеки Е. П. Свешниковой

в Тверском государственном университете:

Библиографическое описание 242

ШКОЛА «АКТИВНОГО ДОБРА»

О Елизавете Петровне Свешниковой

В 1887 г. Тверская земская женская учительская школа П. П. Максимовича лишилась своей бессменной начальницы: безвременно скончалась всеми уважаемая Н. П. Дьяконова, которой предстояло найти достойную замену. Тверские земцы придирчиво перебирали возможные варианты. В Петербург для консультаций отправился сам инициатор создания школы П. П. Максимович, который по рекомендации известных деятелей образования В. Д. Сиповского и А. М. Калмыковой останавливает свой выбор на кандидатуре Е. П. Свешниковой. Мотивируя это решение в письме к тверскому адресату, Максимович передает отзыв Сиповского о ней «как о замечательной, симпатичной, замечательного ума личности, всецело преданной добру и пользе общественной деятельности...»¹ Так в Твери появилась Елизавета Петровна Свешникова, с которой был связан самый динамичный и плодотворный период существования школы.

Немногие дошедшие до нас сведения о предшествующей жизни Свешниковой свидетельствуют, что новая деятельность абсолютно отвечала ее интересам и стремлениям.

Е. П. Свешникова родилась 22 ноября 1847 г. в Полоцке, в семье преподавателя кадетского корпуса. В раннем возрасте она осталась без родителей и с 2 до 10 лет воспитывалась у деда в Петербурге, потом жила в Вологде. Судьба ее характерна для образованной девушки, вынужденной самостоятельно, без помощи родных строить свою жизнь. Во второй половине XIX в. одним из легитимных путей женской социализации была педагогическая работа, поэтому многие девушки, по-

¹ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 1514. Л. 13.

лучив патент на образовательную деятельность, занимались частными уроками или становились гувернантками. Свешникова также сдала экзамен при Вологодской мужской гимназии на звание домашней учительницы. Сначала, подобно многим другим, она только давала уроки, но в конце 1860-х гг. открыла в Вологде частную школу смешанного типа – для мальчиков и девочек. В то время существовала практика раздельного обучения и подобные школы еще были редкостью, таким образом, уже в начале своей деятельности Елизавета Петровна проявила себя как прогрессивно мыслящий педагог².

В начале 1870-х гг. она переезжает в Петербург – подобный исход женщин из провинции носил в то время массовый характер, так как столичная жизнь предоставляла больше возможностей для профессиональной реализации. С этого времени началась литературная деятельность Свешниковой, сначала как сотрудницы журнала «Детское чтение», а впоследствии и других периодических изданий.

В 1877–1881 гг. в газете «Кронштадтский вестник» под псевдонимом *Некто из толпы* она помещала обзоры «текущей литературы», информируя читателей о наиболее примечательных новинках, появлявшихся в печати. Особенно оперативно она реагировала на произведения М.Е. Салтыкова, стремясь актуализировать их для широкой читательской аудитории. Стремлением донести до читателя наиболее важные мысли писателя объясняется обильное цитирование его текстов, которое мы находим в этих рецензиях. Не всегда адекватно интерпретируя отдельные произведения Салтыкова, Свешникова, вместе с тем, глубоко понимала основной пафос его творчества: «Салтыков-Щедрин глубоко и бескорыстно любит Россию, и все любящие ее тоже глубоко и бескорыстно, любят его. Он – лучший выразитель их лучших взглядов. Не западник он, не славянофил, не либерал, не консерватор – вообще не лицо какой бы то ни было партии. Он – вернейший сын своей страны, в высшей степени чутко относящийся ко всякому ее страданию, явному или тайному,

² Проблема совместного обучения являлась предметом обсуждения в педагогической печати и в более позднее время (см.: Гнейст Р. О совместном обучении мальчиков и девочек и о высшем образовании женщин // Женское образование. 1878; Свешникова Е. Избегаемая сторона воспитания // Педагогический листок. 1880. № 4).

ко всякой опасности, грозящей как со стороны врагов, так и со стороны друзей...»³

Наряду с газетными рецензиями Свешникова печатала педагогические заметки и статьи в журналах «Педагогический листок Санкт-Петербургских женских гимназий», «Воспитание и обучение» и др. В 1876 г., когда «Педагогический листок» под редакторством В. Д. Сиповского был преобразован в «Женское образование», Свешникова становится одной из постоянных сотрудниц журнала: она ведет постоянный отдел критики и библиографии (с 1887 г. – только рубрику книг для народного чтения) и продолжает печатать статьи, основой которой служил ее собственный педагогический опыт. В этих статьях, свидетельствующих о нестандартном отношении к ребенку, в полной мере проявились такие качества автора, как «настоящий свободный ум и активное добро»⁴. В системе педагогических представлений Свешниковой каждый ребенок – это индивидуальность, личность, нуждающаяся в особом подходе к нему школы. Она полемизировала с постулатом Руссо и его последователей о том, что изменение неблагоприятных условий жизни ребенка способствует выработке из него «нового человека». Надо не «пересоздавать» инстинкты, но «пользоваться ими и направлять их», не искоренять наследственные черты, но «утилизировать» их – так считала Свешникова⁵. Едва ли не первой в России она начала писать о необходимости полового воспитания детей, что естественно вытекало из ее идеи индивидуального подхода к ним. Новаторский характер ее публикаций рецензенты видели в том, что, вопреки сложившимся представлениям, она вела речь не о педагогическом искусстве, а о «педагогической технике», основываясь на том, что «материал педагога – живой человек – вечно разнообразный, всегда отличный от себе подобных...»⁶

Журнал «Женское образование» был характерным явлением времени, когда в центре общественных дискуссий ока-

³ Кронштадтский вестник. 1881. № 8. С. 1.

⁴ Гревс Ив. В годы юности (За культуру). Отрывок второй // Былое. 1921. № 16. С. 157.

⁵ Женское образование. 1879. С. 311.

⁶ Чена Адр. [Обзор]. Женское образование. 1876. № 3–8 // Педагогический музей. 1876. № 12. С. 743.

зался вопрос о социальной роли женщин. В своей журнальной работе Свешникова уделяла много внимания проблемам женского воспитания и образования, обращаясь прежде всего к вопросам профессионализации. Она сотрудничала с известными деятельницами женского движения Е. И. Конради и М. К. Цебриковой, которых в своей автобиографии называет «самыми близкими друзьями», и явилась одной из тех женщин, кто внес значительный вклад в утверждение эмансипационных идей.

Другая важнейшая ее тема, также отвечавшая духу времени, касалась вопросов распространения грамотности в народной среде. «Порыв к знанию», в 1860–1870-е гг. охвативший все общество, являлся характерной приметой эпохи: «на каждого более знающего возлагали нравственную обязанность учить менее знающих»⁷. Этому посвятили себя многие женщины из образованных сословий, которые не только занимались преподаванием, но активно участвовали в «составлении, распространении, чтении народных изданий, теоретическом исследовании вопроса»⁸.

В условиях общественного подъема 1860-х гг. и в последующие десятилетия просвещение народа представлялось одним из реальных способов уничтожения сословных преград. Проблема народного чтения ощущалась как особенно актуальная, потому что выпуском книг для народа занимались в основном издатели-«промышленники», преследовавшие коммерческие цели, и отдельные попытки интеллигенции вмешаться в процесс формирования читательских вкусов народной аудитории не изменяли общего положения вещей. С 1860-х гг. участие интеллигенции в создании литературы для народа приобретает массовый характер, но только с середины 1880-х гг., когда по инициативе Л. Н. Толстого было образовано издательство «Посредник», это вмешательство становится по-настоящему действенным.

Свешникову, по ее собственному признанию, всегда интересовали вопросы «легкого народного чтения» и «распространения книг, доступных по цене и по объему»⁹. В 1870-е гг. она

⁷ Шепкина Е. Из истории женской личности в России. СПб., 1914. С. 289.

⁸ Рапопорт С. А. Очерки народной литературы / С. А. Ан-ский. СПб., 1894. С. 72.

⁹ ИРЛИ РАН. Ф. 377. Оп. 6. № 3192. Л. 3.

сближается с теми кругами интеллигенции, которые занимались библио-социологической и книгоиздательской работой. В середине 1880-х гг. Свешникова находит единомышленников в кружке молодых людей, назвавших свое содружество «Братством». Братья Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбурги, Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, А. А. Корнилов, И. М. Гревс и другие его участники впоследствии приобрели признание и известность в различных сферах деятельности¹⁰, но в 1880-е гг. все они придавали самое серьезное значение вопросам «духовного развития народа» и «проблемам, связанным со школой и народной литературой»¹¹. В воспоминаниях одного из участников кружка И. М. Гревса сохранилось единственное известное нам мемуарное свидетельство о Свешниковой. Он пишет о ней как об «удивительном человеке <...> по ее духу спокойного, почти бессознательного самоотречения»: «Образованная и сведущая, она всегда довольствовалась скромными видами деятельности <...> Вечно “в работе пребывающая”, богатая памятью и выдержкой, она являлась всегда “на минутку”, с ридикюлем, полным деловых бумаг <...> и всегда приносила матерьял, мысль, помощь и труд. Она <...> казалась сухою и холодную, сама любила себя так называть; но в душе ее таился большой запас любви к другим, всегдашней готовности разделить все с имеющим нужду»¹².

В среде интеллигенции обсуждался вопрос о доступности для малограмотного читателя «большой» литературы. Свешникова полагала, что малограмотный читатель не способен без определенной подготовки приобщиться к литературе образованных сословий и потому нуждается в специальных книгах. Такого рода работой – адаптацией известных произведений литературы для народного читателя – она активно занималась

¹⁰ Ф. Ф. Ольденбург (1861–1914) – педагог, общественный деятель; С. Ф. Ольденбург (1863–1934) – востоковед, этнограф, общественный деятель; Д. И. Шаховской (1862–1939) – общественный и государственный деятель, один из лидеров либеральной оппозиции, литературовед; В. И. Вернадский (1863–1945) – естествоиспытатель, основоположник комплекса современных наук о Земле, создатель учения о биосфере и ноосфере, философ, общественный деятель; А. А. Корнилов (1862–1925) – историк, политик, общественный деятель; И. М. Гревс (1860–1941) – историк, педагог, общественный деятель.

¹¹ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 44 (запись из дневника В. И. Вернадского от 22 мая 1884 г.).

¹² Гревс Ив. Указ. соч. С. 155–157.

в издательстве «Посредник». Сотрудничество стало основанием для знакомства Свешниковой с Л. Н. Толстым.

О требованиях Свешниковой к народной книге можно судить по ее критико-библиографическим обзорам. В журнале «Воспитание и обучение» опубликованы ее рецензии на произведения Толстого, в которых определяются качества, необходимые для народных книг, – «живая речь» и «живая душа»¹³. Лучшим произведением Толстого Свешникова называла рассказ «Упустишь огонь – не потушишь», объясняя это тем, что «ни в одной из всех прочих книг нет такой трезвой красоты мысли в связи с таким безукоризненно прекрасным и понятным языком»¹⁴.

Толстой не оставил публичных откликов о литературной работе Свешниковой, но сохранились его «домашние» отзывы, связанные с подготовкой ее книжек к изданию. Получив рукопись «Брат на брата» (переложение эпизода из романа В. Гюго «Девяносто третий год»), он пишет одному из своих адресатов: «Я вчера прочел <...> вслух при наших и кузминских детях и взрослых. Всех захватило. Язык небезупречный в описаниях, но поправлять не буду <...> И так хорошо»¹⁵. Свое впечатление он подробнее объясняет в письме к другому адресату: «Язык однохарактерный и в разговорах даже очень хорош и чувствуется Гюго, т. е. великий мастер»¹⁶. Толстой придавал большое значение умению передать дух произведения, и корректные в этом смысле переложения Свешниковой он воспринимал, как видим, вполне сочувственно.

Кроме литературных занятий, Свешникову с Толстым объединяла глубокая симпатия к Вильяму Фрею – таким именем называл себя Владимир Константинович Гейнс (1839–1888), русский дворянин, порвавший со своей средой и посвятивший жизнь поискам истины¹⁷. Получив прекрасное образование

¹³ Воспитание и обучение. 1886. № 1. С. 19.

¹⁴ Воспитание и обучение. 1886. № 10. С. 201.

¹⁵ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Юб. изд. М., 1935. Т. 85. С. 210–211. «Кузминские дети и взрослые» – семья сестры С. А. Толстой Татьяны Андреевны, в замужестве Кузминской.

¹⁶ Толстой Л. Н. Указ. соч. Т. 63. С. 254.

¹⁷ О нем: Вильям Фрей // Русские Пропилеи. Т. I. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собр. М. Гершензон. М., 1915. С. 276–362; также: Короленко В. Г. История моего современника: В 2 кн. Л., 1976. Кн. 2. С. 140–141.

и благополучно начав военную карьеру, он в конце 1860-х гг. эмигрировал в Америку, где прошел через неудачный опыт жизни в земледельческих коммунах. В середине 1870-х гг. вместе с несколькими русскими эмигрантами он сам организовал такую коммуну, но и эта затея не имела успеха. В Америке Фрей познакомился с философским учением Огюста Конта и Герберта Спенсера и стал горячим проповедником позитивистской «религии человечества» – теории Конта, подменявшей идею Бога идеей человечества как саморазвивающегося организма и утверждавшей господство в обществе принципов альтруизма.

Приехав в Россию, Фрей нашел сочувствие в определенных кругах интеллигенции, в том числе и в петербургском кружке, к которому принадлежала Свешникова. Она оказалась своего рода посредником в его отношениях с Толстым¹⁸. В отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого хранится ее письмо к Фрею, к которому приложены сделанные ею копии заметок Толстого на одном из писем Фрея. Пытаясь объяснить характер этих заметок, Свешникова выражает собственное понимание личности и значения Толстого: «Они (заметки. – Е. С.) были сделаны им для себя, и он мне сказал, что если найду некоторые из них резкими, то могу их вам не сообщать, т.е. он ни в коем случае не желал оскорблять ваши верования <...> Толстому надо предоставить идти как он идет; избирать новый путь было бы для него, я думаю, слишком мучительно. Он на одном остановился. И вдруг ему увидеть, что это “одно” неверно, что надо еще идти к другому. Он уже стар; это может его испугать (бессознательно для него): “где же конец”. Он желает жить и дожить “не греша” и сторонится – мало того, что сторонится, а просто отбивается – от сомнений, которые с той или другой стороны могли бы еще охватить его. Это инстинктивная самозащита, а не упрямство, как могло бы быть у других. За это вы не разлюбите его, конечно; помимо личной его симпа-

¹⁸ После отъезда Фрея из России Свешникова активно поддерживала отношения с ним, о чем свидетельствуют опубликованные М.О. Гершензоном письма Фрея к русским друзьям. Прочитирую одно из них: «...я получал и получаю очень частые и очень хорошие письма от Елизаветы Петровны <...> они производят на меня чрезвычайно отрадное, освежающее впечатление...» (Русские Пропилеи. Т. I. С. 349).

тичности, доброты, ума, у него не может никогда быть вычеркнут из счета тот горячий порыв, который столько захватил и поднял за собой»¹⁹.

В этом письме интересны и другие размышления Свешниковой, в частности ее возражения Фрею, для которого были равнозначны фигуры Конта и Христа: «Христос, Будда, Магомет являются посредниками; но Конт не является посредником и не стоит рядом с ними, т.<ак> к.<ак> они воплощали в себе известное миросозерцание, а он только указывал на способ миросозерцания. Христианином нельзя быть, не любя и не чтя Христа, буддистом – не любя и не чтя Будды, а Религию Человечества можно признавать или исповедовать, не чувствуя ничего особенного по отношению к Конту. Он даже менее, чем пророк, потому что у него не предчувствие и предвозвестие, а просто он додумался – ум открыл и сообщил другим»²⁰.

В личности самого Фрея Свешникову привлекало отсутствие эгоизма, сосредоточенности на себе, что отвечало ее собственным жизненным установкам: «прогнать от себя “индивидуализм”, жить и чувствовать больше за других, чем за себя»²¹. Этот органичный альтруизм был основой того «спокойного, почти бессознательного самоотречения», о котором писал современник; вероятно, его ощущал и Толстой, назвавший Свешникову в одной из своих дневниковых записей «милою».

В издательстве «Посредник» вышло шесть книг Свешниковой, первая из которых – очерк жизни Франциска Ассизского. Это в определенном смысле символично, так как Святой Франциск являл собою тот тип идеалиста, который был очень близок ей. В одном из критико-библиографических обзоров Свешникова писала: «Разве горячий идеалист Франциск не вернется еще много раз, под тем или другим именем, в истории человечества? Если бы не верить во все это, то нельзя бы жить»²².

Она сотрудничала и в других издательствах, где опубликовала переложения романов И. И. Лажечникова «Басурман»

¹⁹ ОР ГМТ. Фонд Толстого. Ж/д (п. 4). К7-19500. Л. 14–15 об.

²⁰ Там же. Л. 19 об. –20.

²¹ ОР ГМТ. Фонд Толстого. А-7. Б. л. 184/89. Л. 2–2 об.

²² Воспитание и обучение. 1886. № 2. С. 46.

и «Ледяной дом», романа А. К. Толстого «Князь Серебряный», драматической хроники А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук» и др. Все ее книги выдержали множество переизданий, библио-социологические данные свидетельствуют, что они пользовались большим спросом в читательской среде. В отчете о деятельности Трегубской волостной библиотеки (Старицкого уезда Тверской губернии) находим информацию о том, что с 1 октября 1894 г. по 1 апреля 1895 г. свешниковское переложение романа «Басурман» читалось 7 раз, а романа «Князь Серебряный» – 21 раз²³. Такая востребованность во многом объяснялась скудостью репертуара народного чтения, но не последнюю роль сыграли и достоинства работ Свешниковой. Ее вариант «Князя Серебряного» оценивался критиками как «образцовое переложение», «совершенно сохранившее достоинства оригинала»²⁴. Рецензенты подчеркивали особую сложность работы с «образцовым литературным произведением», находя, что составительница прекрасно выполнила свою задачу: «Мы не нашли в ее книжке ни одной недомолвки <...> ни одного лишнего штриха: все сжато, ясно, сильно, и притом вся книжка изложена прекрасным, характерным языком»²⁵.

Свешникова была также автором оригинальных сочинений для народного чтения, одно из которых, с очень характерным названием – «Любимая книга», помещено в настоящем издании. В библиографическом обзоре 1886 г. она писала: «Любимую книга делается для человека тогда, когда она более или менее ясно отвечает на какой-нибудь внутренний вопрос...»²⁶ Спустя несколько лет – в 1903 г. – появился рассказ, наглядно демонстрирующий эту мысль. Это незамысловатая, предельно просто рассказанная история о мастеровом, который благодаря книге понял, как неправильно и бессмысленно его существование. Содержание рассказа выглядит наивно-идиллическим, но не будем спешить с ироническими оценками. Дидактизм

²³ Доклады и отчеты Тверской губернской земской управы по школе Максимо-вича и проч. Материалы по народному образованию за 1886–1896 гг. [Б. м.], [Б. г.]. С. 13.

²⁴ Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения / Сост. Х. Д. Алчевская и др. СПб., 1889. Т. 2. С. 683–684.

²⁵ Женское образование. 1885. № 10. С. 680.

²⁶ Воспитание и обучение. 1886. № 1. С. 18.

и наглядность – неотъемлемые качества такого откровенно воспитательного жанра, который представляли собой книги для народа. Читая даже Толстого, самого талантливого из всех работавших в этом жанре, не можешь избавиться от впечатления излишней упрощенности и схематизма. Для Свешниковой же рассказ о любимой книге, перевернувшей жизнь простого человека, органичен именно потому, что ее собственная жизнь была связана с народной книгой, и сам рассказ – как бы зримое воплощение плодотворности тех усилий, которые предпринимались интеллигенцией для образования народного читателя. О том, насколько важным событием оказывалась в этой среде книга, свидетельствуют эпизоды восприятия отдельных произведений литературы, включенные в критический указатель «Что читать народу?», составленный группой харьковских учительниц. Приведу характерный пример. Ученица воскресной школы прочитала дома вслух книгу Е. Тур «Катакомбы», после чего ее неграмотный отец сказал: «Это первая книга, которую я слушал, – понимаю я теперь, какую силу имеет над человеком чтение»²⁷.

С народным образованием была связана и служебная деятельность Свешниковой. Почти 18 лет она возглавляла воспитательную работу в Тверской женской учительской школе, изначально привлекавшей ее «как одно из таких гнезд, где вырастают будущие учительницы»²⁸. Деятельность Свешниковой оказалась особенно успешной, потому что рядом были единомышленники, с одним из которых – Ф. Ф. Ольденбургом, отвечавшим за учебную работу в школе, ее связывала общая деятельность по изучению народной литературы в петербургском кружке. По словам историка тверского земства Б. Б. Веселовского, «благодаря главным образом усилиям Ф. Ф. Ольденбурга и Е. П. Свешниковой школа поставлена на высоту образцового педагогического заведения»²⁹. Более подробно с постановкой учебного дела в школе Максимовича можно познакомиться, прочитав очерк Свешниковой «Из переписки с сельскими учительницами». Сошлемся также на

²⁷ Что читать народу? Т. 1. С. 597.

²⁸ Образование. 1896. № 1. С. 75.

²⁹ Веселовский Б. Б. Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии. Тверь, 1914. С. 250.

архивный документ – своеобразный отчет об организации школьной жизни, написанный ею 15 июля 1904 г. В нем, во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что в школе «наград и наказаний нет; есть только разговоры, замечания, выговоры», – таким образом устранялись внешние побудительные стимулы к учению и усиливалось чувство личной ответственности. Ученицам стремились дать по возможности разностороннее образование, расширить культурный кругозор и вместе с тем заботились об их отдыхе и физическом здоровье. Приведем цитату из отчета: «В 1903 г. воспитанницы 4-го выпускного класса ездили с начальницей и двумя надзирательницами на неделю в Москву для осмотра ее достопримечательностей. Весной и ранней осенью бывают обыкновенно две-три прогулки за город: пьют чай, устраивают игры, собирают цветы»³⁰. Свешникова ввела практику образовательных экскурсий в Москву, первая из которых состоялась в 1891 г. И этой и всем последующим поездкам предшествовала большая подготовительная работа, детали которой восстанавливаются, например, по письму Свешниковой к Н. Е. Вернадской от 10 февраля 1902 г. Характерно уже само объяснение причин поездки: «Заучились девицы, побледнели, осунулись, надо их встряхнуть, освежить»³¹. Начальница пишет девять обращений к своим московским знакомым с просьбой найти недорогое проживание – и это был только первый этап подготовки, требовавшей еще немалых усилий. Результат, однако, оправдывал затраты времени и сил, что становится понятно после знакомства с очерком Свешниковой «Поездки в Москву».

Наглядное представление об уровне школы и ее нравственной атмосфере дает один из драматических эпизодов января 1905 г. – попытка самоубийства ученицы 3-го класса Марии Куприановой.

В Тверском архиве сохранились три документа, написанные рукою Свешниковой.

1. Письмо от 14 января на имя директора народных училищ Н. Ф. Добровольского – рассказ о том, что произошло накануне, 13 января: как была обнаружена ученица, какие меры

³⁰ ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 6506. Л. 9.

³¹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. № 390. Л. 26.

приняли, как обстоят дела в настоящее время. «Я пока не говорю с нею о происшествии, вызвала из Вышнего Волочка ее мать и жду ее приезда, чтобы тогда выяснить себе причины случившегося. Куприанова теперь на вид спокойна и даже весела».

2. Письмо к Н. Ф. Добровольскому, сообщающее о приезде матери.

«Милостивый государь Николай Феофанович.

Мать Куприановой приехала и, конечно, жаждет разговора с дочерью и о дочери. Может быть, будете добры, приедете теперь же?

Примите уверение в полном уважении

Е. Свешникова.

17 января 1905 г.

Тверь».

3. Протокол заседания педагогического совета от 18 января, на котором обсуждались два вопроса – «как отнестись к поступку Куприановой» и «в какой мере можно считать небезопасным для остальных учениц дальнейшее пребывание Куприановой в школе». Решение педагогического коллектива и сам тон обсуждения можно считать образцовыми с воспитательной точки зрения: «По первому вопросу единогласно признано, что Куприанова поступила бессознательно, под влиянием временного болезненного состояния. Относительно второго вопроса указано, что одноклассницы были бы очень огорчены удалением Куприановой, так как относятся к ней хорошо; подражания ей опасаться нельзя, никто не увидел в ее поступке ничего привлекательного. Постановлено решение оставить Куприанову в школе и обращать особенное внимание на ее здоровье и настроение»³².

Эти документы не только характеризуют атмосферу школы, но и дают представление о ее начальнице как благородном и умном человеке, стремившемся воспитать и поддержать в ученицах и чувство сострадания, и веру в собственные силы. Очень интересны в этом смысле фрагменты писем бывших выпускниц, включенные Свешниковой в статью «Из переписки с сельскими учительницами», которые наглядно демонстрируют плоды школьного воспитания.

³² ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 6506. 26–28.

Наряду со своими непосредственными служебными занятиями Свешникова всегда находила время для литературно-критической и библио-социологической работы. Живя в Твери, она оставалась сотрудницей «Женского образования» (с 1892 г. журнал назывался «Образование»), где помещала обзоры народных книг. В 1892–1898 гг. Свешникова возглавляла Справочно-педагогическое бюро при Тверской губернской земской управе, ведавшее школьной статистикой и вопросами школьного и народного чтения, и создала при бюро библиотеку педагогических и народных изданий, насчитывавшую около 8 тысяч книг³³. В 1905 г. она составила каталог книг, принадлежавших библиотеке школы, тем самым заложив основы их библиографического учета³⁴.

В дар школе Свешникова оставила свои книги, в том числе и библиотеку народных изданий. Культурологическая ценность этих книжек особенно велика потому, что многие содержат маргинальные пометы: работая с ними, Свешникова писала свои библиографические обзоры и составляла библиотечные каталоги. Как целостное образование эта библиотека представляет собой явление уникальное: по всей видимости, это единственная дошедшая до нашего времени «живая» библиотека народных изданий.

Елизавета Петровна покинула Тверь в 1905 г. Еще ранее – в 1903 г. – она предприняла попытку открыть в Твери частное женское учебное заведение. Обстоятельства, вызвавшие ее стремление продолжить педагогическую деятельность вне школы Максимовича, неизвестны, но проект этот не осуществился. В августе 1905 г. Свешникова взяла двухмесячный отпуск и в Тверь уже больше не возвращалась: адресованное в Попечительный совет школы ее прошение об отставке написано в Петербурге и датировано 18 октября³⁵. Свою добровольную отставку она мотивировала «сильным болезненным утомлением»³⁶. Другое объяснение приводит О. В. Кайданова

³³ Доклад Тверской губернской земской управы по народному образованию. 1901–1902. [Б. м.], [Б. г.]. С. 19.

³⁴ Вышинская М. Путеводитель по библиотеке Школы Максимовича (Научная библиотека Тверского государственного университета. Отдел редких книг. Фонд школы Максимовича. Опись 01. Ед. хр. 11. Л. 2 об.).

³⁵ ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 6717. Л. 12.

³⁶ ГАТО. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 6595. Л. 2.

сменившая Свешникову на посту начальницы школы: «...она ушла из школы <...> признав, что не чувствует себя в силах руководить молодежью, охваченной новыми веяниями после 1905 года»³⁷.

Сведения о последних годах Свешниковой, которая скончалась 27 сентября 1918 г., очень скудны. Жила она в Петербурге, в доме С. Ф. Ольденбурга, поддерживала тесные связи с членами бывшего «Братства»³⁸. Короткие письма и записки Свешниковой, адресованные В. И. и Н. Е. Вернадским, свидетельствуют о том, что по-прежнему главными для нее оставались интересы других людей. Лишь в одном письме содержится некое подобие лирического отступления, вызванного необходимостью объяснить свои поступки: «Не была я у вас в субботы. И впредь не обещаю. Вы не можете представить себе, какого огромного труда стоит для меня “идти в гости”. По делу могу идти всегда и всюду, а в гости – нужно невероятное усилие. Всегда так чувствовала, а теперь, конечно, чем дальше, тем сильнее?»³⁹ Елизавета Петровна поддерживала общение и с подругами по женскому движению: в автобиографии, написанной в 1913 г., она сообщает о том, что с осени 1906 г. занимает место кассира на Высших женских курсах. Практически до конца жизни Свешникова не оставляла литературных занятий: содержание педагогических журналов начала XX в. свидетельствует, что она продолжала деятельность как критик и рецензент, но эта часть ее библиографии должна быть существенно дополнена.

Жизнь Свешниковой являет собой яркий пример органичного служения высоким гуманистическим целям. Альтруистическая идея «активного добра» была ее осознанной позицией и основным жизненным принципом. Характерны в этом смысле сведения, которые сообщил в свое время В. Д. Сиповский, рекомендуя Свешникову на должность начальницы школы: «...вогодские труженики, приезжая в Питер, получают от нее не только советы, но бедняки и денежные пособия»⁴⁰. Ту же заботу

³⁷ Кайданова О. Очерки по истории народного образования в России и СССР на основе личного опыта и наблюдений. Берлин, 1938. С. 176.

³⁸ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. № 390 (Письма Е. П. Свешниковой к Н. Е. Вернадской); Ф. 518. Оп. 3. № 1466 (Письма Е. П. Свешниковой к В. И. Вернадскому).

³⁹ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 3. № 1466. Л. 12–12 об.

⁴⁰ ГАТО. Ф. 800. Оп. 1. Ед. хр. 1514. Л. 13 об.–14.

о других, граничащую с аскетизмом, видим и в Твери. В 1901 г. земская управа выделила Свешниковой 1000 рублей на лечение за границей, однако она возвратила их земству, мотивируя тем, что «оказалось достаточным употребить лечение климатическое, без курортов» и такая поездка была доступна для ее личных средств. Свешникова просила употребить деньги «в пользу улучшения гигиенических условий школы П. П. Максимовича — например, приискав способы лучшего устройства вентиляции в ней»⁴¹.

Заканчивая этот краткий биографический очерк, подчеркнем, что его надо рассматривать как штрихи к портрету Елизаветы Петровны Свешниковой. На примере одной лишь этой судьбы в очередной раз становится понятно, какими лагунами изобилует русская история, и история женщин в частности. Во многом это связано с тем, что на протяжении долгого времени исключительное внимание уделялось революционным тенденциям в общественном движении и вне поля зрения исследователей оставалась культурная, просветительская деятельность, не преследовавшая радикальных политических целей. Между тем такого рода деятельность была одной из характерных страниц в истории женского движения 1870–1880-х гг.

* * *

В настоящей книге собрана лишь небольшая часть литературного наследия Е. П. Свешниковой, но представлены все направления ее работы — критико-библиографические статьи и рецензии, педагогическая публицистика, оригинальные сочинения, предназначенные для детского и народного чтения.

При выборе текстов составители руководствовались критерием их актуальности для современного читателя. Важное место в литературной работе Свешниковой занимала педагогическая публицистика, которая актуальна и сегодня, в чем можно убедиться, познакомившись с ее размышлениями об особенностях поведения детей и их воспитателей. Деятельность ее как рецензента народных книг представлена фрагментами из обзоров литературы для народного чтения

⁴¹ Цит. по: Школа Максимовича / Сост. Т. А. Ильина. Тверь, 1992. С. 29. С. 13.

и отзывами на издания Пушкина и Толстого – авторов, читательский и исследовательский интерес к которым не утрачивается с годами. Показательны и рецензии на произведения Салтыкова-Щедрина – как образец литературно-критических текстов, рассчитанных на образованную публику. Беллетристические сочинения Свешниковой были адресованы детям и начинающим грамотеям из народной среды, но искренность и серьезность тона делают их интересными и для современного, не только детского, но и взрослого читателя. О значительности литературной работы Свешниковой свидетельствуют библиография ее трудов и описание книг из ее библиотеки, хранящихся в Тверском государственном университете.

Тексты подготовили: *педагогическая публицистика* – Е. Н. Строганова (Про детей и за детей; Избегаемая сторона воспитания; Как детей портят; Из переписки с сельскими учительницами), Т. А. Ильина (Поездки в Москву); *литературно-критические статьи и рецензии* – Е. Н. Строганова (Книги для народного чтения: Издания склада «Посредник»; Пушкин в изданиях 1887 г.; Два очерка Щедрина; О Щедрине и о последнем очерке его), Т. А. Ильина (Издания Московского Общества распространения полезных книг; Книги для народного чтения: Издания склада «Посредник»; Книги для народного чтения), *беллетристика* – Е. Н. Строганова (Ваня; Любимая книга), Т. А. Ильина (Из моих воспоминаний), *библиографические материалы* – Е. Н. Строганова и Т. А. Ильина (Библиография работ Е. П. Свешниковой и литературы о ней), Е. Н. Строганова и Н. В. Острейковская (Книги из библиотеки Е. П. Свешниковой в Тверском государственном университете). Постраничные комментарии за исключением тех, которые принадлежат Свешниковой и отмечены как авторские, подготовлены Е. Н. Строгановой.

Тексты публикуются по современным правилам с сохранением индивидуальных особенностей авторского стиля.

Составители выражают признательность заведующей информационно-библиографическим отделом Научной библиотеки Тверского государственного университета Н. А. Корж, старшему научному сотруднику Российской национальной библиотеки Д. К. Равинскому, доценту кафедры русского языка Г. В. Бырдиной, сотруднице кафедры истории русской литературы М. М. Мокроусовой и аспирантке Фрайбургского университета В. Крюгер за помощь в подготовке книги.

ПРО ДЕТЕЙ
И ЗА ДЕТЕЙ

«Побольше бы таких заметок; они лучше всяких общих рассуждений могут содействовать улучшению домашнего воспитания. Написанные живо, они легко читаются и производят доброе впечатление. Автор заметок при умении писать обнаруживает недюжинную наблюдательность и правильный взгляд на задачи воспитания».

«Новое Время». 1880

ПРО ДЕТЕЙ И ЗА ДЕТЕЙ*

Из заметок учительницы

Много матерей случалось мне видеть на своем веку, и каких только между ними не было! Одни, не мудрствуя лукаво, предоставляли своим детям расти «как Бог даст»; другие ежеминутно роптали на это «Божье наказание», волновались, сердились, набрасывались с угрозами на своих шалунов и с бестолковой бранью на нянек, пробовавших унять; третьи терпеливо поддавались царившей вокруг них неурядице и только изредка с полуулыбкой говорили: «Мученье с ребятами! хоть бы выросли поскорее!» Четвертые душу свою клали на то, чтобы их Колечки и Лелечки были во всем первыми; пятые заботились больше всего об изящной внешности; шестые говорили: «Уж каковы бы ни выросли, да только бы меня любили! нынче так много несчастных матерей!»; седьмые всем рекомендовали своих сынков и дочек за необыкновенно умных; восьмые, напротив, и за глаза и в глаза детям твердили, что «таких дураков, как они, и на свете нет»; девятые настаивали на необходимости выдержки; десятые ждали, что «все само собой придет». Затем одиннадцатые, двенадцатые и т. д. отличались разными другими желаньями и соображениями, которые перечислять в подробности было бы, разумеется, долго, тем более что я намереваюсь теперь заняться не столько изучением родительских типов, сколько воспроизведением нескольких характеров детей, происходящих от одного сорта маменек — именно от маменек либеральных.

Когда мне какая-нибудь барыня говорит: «Я своих детей ни в чем не стесняю, они привыкли держать себя совершенно свободно, они со мной во всем откровенны» — я почти всегда знаю, что нужно думать об этой барыне и ее детях. Если б в числе моих читательниц нашлись юные и наивные, они бы, пожалуй, отнеслись к такой фразе с удивлением. В самом деле, «в наше время,

* Впервые: Женское образование. 1878. С. 501–511; 1879. С. 305–311.

когда...» и т.д., что же иное можно подумать о нестесняющей матери, кроме того, что она стоит в уровень с духом времени и заслуживает сочувствия и уважения? Но юность и наивность могут предполагать одно, старым же воробьям опытность подсказывает другое. Та мать, у которой дети растут действительно свободными, никогда на это не указывает; даже ей в голову не приходит заявлять другим о том, что сын с нею вполне откровенен и что дочь считает ее своим лучшим другом. Такие отношения к ним ей вполне привычны и потому несколько не подчеркиваются. Если же она не забывает упомянуть о них при первом знакомстве с человеком чужим, то это значит, что дружба и откровенность детей стоят для нее только на степени *pia desideria*¹, что она воображает себя их обладательницей, а не обладает ими в действительности. Раз, один мой знакомый очень верно заметил, что между читателями есть, так сказать, получитатели: они охотно покупают пользующуюся хорошей репутацией книгу, наскоро заглядывают в середину и в конец ее и затем кладут на полку книжного шкафа, предоставляя себе заняться ею потом, в свободную минуту; время проходит, и намерение забывается; между тем попробуйте обратиться к такому фиктивному владельцу книги и спросить, читал ли он ее, — очень может быть, что он скажет «читал!», и скажет не с ясно сознанным намерением обмануть, а просто потому, что в это мгновение в нем воскресает полузабытое желание и в голове пролетает мысль: «Я еще не прочел, но все равно — завтра прочту!» В его воображении несовершеншееся становится совершеншимся. Нечто в подобном роде случается и с матерями. Душа их детей — книга, лежащая перед ними. Им представляется, что стоит только захотеть открыть ее, и она будет прочтена. Сделано ли уже это или еще нет — все равно. Можно заняться этим завтра, через три дня, через неделю, на будущий год. Говоря постороннему лицу: «Дети со мной откровенны, они держат себя вполне свободно», мать, так сказать, напоминает себе о том, что должно бы было быть. На самом деле она, быть может, рабыня детей, не обращающих на нее никакого внимания, или деспотка, от которой они постоянно стремятся скрыться. Я со своей стороны знаю, что выполнение всякого намерения требует некоторого усилия; знаю и то, что положить серьезную и объемистую книгу на полку

¹ Благие пожелания (*лат.*).

шкафа несравненно легче, чем усвоить ее от корки до корки. Поэтому я всегда готова отнестись с полным сочувствием и снисхождением ко всему благому, что матери если и не делают, то, по крайней мере, собираются делать. Но меня раздражает вот что: зачем они в присутствии детей позволяют себе мало вдумываться в собственные слова. Мальчик или девочка слышат, как мать хвастается тем, чего на самом деле нет; они не могут, конечно, проследить весь ход ее мысли, но сознают только одно, что она лжет, лжет в свою пользу, в похвалу себе. Это их развращает, подавая им дурной пример, подтачивая чувства уважения и доверия к словам других.

«Не стеснять» детей и заслуживать откровенность с их стороны – две вещи разные. Последнего легко может достичь всякая порядочная мать; что же касается до первого, то найти тут настоящую дорогу далеко не так просто, как кажется. Под именем привычки к свободе часто прививается привычка к распушенности, а это вовсе не одно и то же, хотя многие ходячие сборники либеральных мнений и производят тут путаницу в понятиях. Очень важно, чтобы человек с детства приучался двигаться самостоятельно, не нуждаясь ни в облегчающей опоре, ни в сдерживающей узде; но, с другой стороны, необходимо достигнуть того, чтоб и опору, и узду он умел находить в самом себе. Эта задача воспитания для большинства формулируется далеко не ясно, и потому к выполнению ее очень часто даже не пробуют стремиться. Я недавно слышала, как одна мать, женщина очень умная, рассказывала некоторые сценки из прошлого своих детей, теперь уже почти взрослых. Несколько лет тому назад, это были, по ее выражению, «ужасные маленькие существа» – жадные, своевольные, эгоистичные. Особенно девочка отличалась способностью мучить всех и постоянно думать только о себе, а больше всего – о своей еде. Ей как будто постоянно казалось, что ее забудут угостить чем-нибудь вкусным, она за всеми наблюдала исподлобья и всех подозревала. Братья – один старше, другой моложе ее – тоже не были образцами умеренности, но все-таки в битвах, возникавших из-за лакомого куска, победительницей почти всегда оставалась она, так как сила ее тогда удваивалась и кулаки работали с невообразимой энергией. Как-то раз случилось, что в доме обедало довольно много гостей; по этой причине на детей было обращено несколько меньше внимания и не для них первых кушанья

накладывались на тарелки. Появилась жареная индейка, которую стали обносить вокруг стола... Вдруг маленькая Ольга крикнула во все горло, вскочила со своего места, опрокинула стул и бросилась кататься по полу. Все перепугались от неожиданности... «Оля, Олинька! что с тобой? ты укололась? порезала палец? обожглась?..» А Ольга между тем, вся красная, кричала без слез, билась и рвала свою салфетку. Несколько минут от нее ничего не могли добиться; насили-насили объяснилось, что причиной такого отчаянного припадка было поступление лучшего куска индейки на тарелку кого-то из гостей. Зоркий взгляд девочки наметил этот лучший или, по крайней мере, казавшийся ей лучшим кусок с того первого мгновения, когда жаркое показалось в комнате. Она следила за ним с жадностью, ждала его — и вдруг он ушел... Ну, она и рявкнула... В другой раз точно такая история повторилась, только в более слабой степени, из-за любимого ее пирожного, тоже кем-то взятого прежде, чем она успела до него добраться.

«Перед подобными выходками, — рассказывает теперь ее мать, — я чувствовала себя совершенно бессильной. Мы с мужем считали своей обязанностью иметь детей вполне эмансипированных и ради этого шли на риск сделать из них деспотов, не знающих преград своему хотению. Хозяевами в доме были они; кроме отцовского кабинета, все комнаты находились в их полном владении: на диване гостиной Ольга располагалась стирать белье своих кукол, а когда ее братьям приходила фантазия устроить железную дорогу, все стулья и столы шли в дело, так что нам бывало не на чем сидеть. Каким образом кабинет оставался свободен от нашествия — решительно не понимаю. Верно, они им не заинтересовались, потому что с детства не имели привычки к нему. Когда они были еще крошечными, кормилицы и няньки не вносили их туда, и отношение к кабинету навсегда осталось отношением к чужой квартире, куда впоследствии случалось заходить, но где никогда не хотелось остановиться и похозяйничать. А что, если б такое желание пришло? Думаю, что ни у меня ни у мужа не хватило бы духу воспрепятствовать. Да и какие бы средства употребили мы, чтобы поддержать авторитет наших слов? В голосе не было подходящих нот, в обращении не нашлось бы оттенка, достаточно сильного для того, чтобы дети заметили. А между тем, нас ведь нельзя было называть родителями-баловниками; изнеживающего баловства

с нашей стороны не было, да и применять его было неудобно: ни мальчики ни Ольга нисколько не нуждались в нежностях и ласках, поцелуев терпеть не могли, отвечали на них вскользь, а разговоров требовали кратких и обстоятельных, которые бы поясняли им то, другое, третье, но в то же время не задерживали бы деятельность, беспрестанно кипевшую. «Поскорей рассказывай!» – повелевали они. Именно повелевали. А нам оставалось только слушаться – и мы слушались: сами хотели иметь эмансипированных детей! И сами тогда же разводили руками и друг у друга спрашивали: что из этого выйдет?.. Так несколько лет прожили... Прожили, не различая ничего впереди и чувствуя, что уносит течением, силу которого не рассчитали заранее».

Когда старшему мальчику минуло одиннадцать лет, его поместили в гимназию. Мать была рада – ей слишком трудно было справляться со своими «зверями», как она их называла, а тут, по крайней мере, один из них на несколько часов уходил из дому, да и потом, вернувшись, отдавал довольно времени урокам. Что касается до Ольги, то ее, как наиболее нуждающуюся в обуздании, решили поместить в пансион с тем, чтобы домой брать только на праздники. Очень сердито глядела девочка, когда ее в первый раз привели в незнакомую обстановку; ни на один вопрос не хотела ответить, только нетерпеливо плечом подергивала, когда до нее дотрогивались, желая приласкать. Она, конечно, была предупреждена о том, что ее здесь оставят, и потому не удивилась. «Прощай, Оля!» – сказала ей мать, собираясь уехать. «Прощай!» – коротко и сухо ответила она. На следующий день встреча их произошла точно в таком же тоне; Ольга смотрела букой и в первые полчаса не хотела ничего говорить с матерью, приехавшею ее проведать; наконец только, в ответ на вопрос, хочет ли домой, не выдержала своей сумрачной роли и закричала, трагически заломив руки: «Хочу! поедем! здесь так скучно!» С тех пор в течение двух недель она каждый день отправлялась в пансион на несколько часов, а к обеду возвращалась. Мать и отец не знали, согласится ли она когда-нибудь остаться там жить, и не настаивали на этом. Наступила суббота – вторая после ее знакомства с пансионом. «Мама, – заявила поутру девочка, – не присылай за мной сегодня – я до понедельника там останусь». – «Хорошо, останься; но почему это тебе так захотелось?» – «Да так! Захотелось!» Потом узнали, что другие пансионерки сообщили между прочим своей

новой подруге о том, что у них по воскресеньям готовится к обеду мороженое, а до мороженого Ольга была большая охотница. И вот она, подобно многим, пошла на приманку «чечевичной похлебки»...

Через какого рода переработку прошел этот характер потом, я не знаю. Могу только засвидетельствовать, что в настоящее время Ольга – девушка лет 17–18, очень неглупая и производящая впечатление чрезвычайно спокойного, покладливого существа. В ней ни следа бурного самовластия, жадности, эгоизма. По-видимому, она только немного ленива, любит отдыхать от не существующих для нее трудов. Слушая, как мать рассказывает про ее детство, она смеется своим ровным смехом и говорит: «Удивляюсь, как ты все это нам позволяла!» – «Тебе бы сечь нас следовало!» – прибавляют братья, в которых мальчишеское расположение к крутым мерам еще продолжает жить рядом с серьезным отношением к учению и с зачатками рыцарски-великодушных чувств, проявляющихся преимущественно в постоянной заботливости о матери, овдовевшей года четыре тому назад.

Сечь не сечь, а до некоторой степени стеснять, т. е. направлять, разумеется, следовало бы, с чем теперь эта мать вполне согласна. Как женщина, умеющая мыслить, она ничуть не приписывает своему методу воспитания теперешние хорошие стороны и сыновей и дочери; напротив, находит, что хорошие стороны эти явились совершенно помимо метода. «Я тогда видела, что стою над пропастью, – говорит она, – но что было делать? Сначала не подумала отнестись к этой дороге критически – пустилась по ней на веру, а потом вернуться нельзя было».

– Но при этом вы находили нужным маскировать перед детьми вашу несостоятельность и неуверенность в себе? – спросила я.

– О нет! Они постоянно слышали, как я говорила, что не умею быть матерью и что мне остается только, сложив руки, ждать того, что выйдет само собой.

Вот этой-то своей правдивости она, быть может, обязана тем, что дети ни разу не имели случая потерять уважение к ней – уважение бессознательное, не выражавшееся ничем в годы их детства, но выросшее вместе с ними и сказывающееся теперь. Если б она, тяготясь тогда их «эмансипированностью»,

в то же время выставляла перед другими эту эмансипированность как желанный результат «системы воспитания», дети бы непременно подслушали фальшь, и такое открытие, сделанное ими, вкралось бы в последующие их отношения к матери. Счастье ее, что она не становилась на ходули!..

Надо еще сделать оговорку: знакомство мое с этими детьми (они все-таки дети, хотя им насчитывается от 15 до 19 лет) очень поверхностно. Я видала их только в их родной семье, могла заметить их близость к матери и друг к другу. Но мне неизвестно, как откликается их прежняя привычка «не стесняться» на отношениях к другим, неизвестно, хороши ли они с товарищами, с прислугой; умеют ли жертвовать некоторыми своими интересами, имеют ли вообще в себе задатки таких сторон, которые бы сделали из них в будущем не только любящих членов семьи, но и полезных членов общества. А то ведь очень часто бывает, что эгоизм человека, живущего единственно ради своего я, расширяет район этого я и включает в него мать, сестру, жену, детей, иногда даже близких знакомых, что обманывает многих и заставляет считать этого человека хорошим, тогда как на деле он остается, напротив, очень вредным паразитом общества.

* * *

– Помогите-ка мне найти гувернантку для моих детей, – говорил мне один степной барин, нарочно за этой гувернанткой приехавший из-за многих сотен верст.

– Сколько же детей у вас теперь?

– Шестеро всех. Двое маленькие – один у кормилицы, другой у няньки на руках, а вот старших четверых хочу к цивилизации пристроить. В настоящее время ими разве Жан-Жак Руссо остался бы доволен. Натуральные люди, дикари как есть...

– Из мирного племени?

– В том-то и дело, что не из мирного. Воинственность необыкновенная! Драки невообразимые! Две девчонки и двое мальчишек, но девчонки ни на шаг мальчишкам не уступают. Того гляди, что друг друга ножом ткнут.

– Вы что же против этого предпринимаете?

– Ничего, совсем ничего. Мы с женой, как вам известно, люди либеральных воззрений. С самого начала положили детей ни в чем не стеснять. Пусть, мол, растут, как природа велит. Пока

один был или двое, сносно шло дело. Тарелку об пол хлопнут, молоко прольют, в волосенки один другому вцепятся – все это небольшие беды. А вот уж как теперь их понабралось в доме, так у жены голова кругом идет. Я-то свой кабинет в отдельном флигеле устроил – мне, следовательно, не очень беспокожно, а ей достается. Не велики они все, старшей десять лет, но сладу нет с ними никакого. Что хотят, то и делают. И пускай бы их! Только вот опасаемся, что когда-нибудь убьют друг друга.

– Ни вы, ни ваша жена никогда не попробуете вмешиваться?

– Пробовали; ничего не поделаешь. В спокойные моменты они разговаривать об этом не станут, говорят: «Не ваше дело; когда деремся, так знаем за что». А уж как настоящее остервенение на них найдет, так тут и соваться нечего. Чем их тогда убедишь?

– Можно, по крайней мере, рассадить по разным комнатам, чтобы поохладились.

– Не пойдут, не слушаются. Знают ведь, что силы не употребят с ними. Я, было, раз попробовал старшего в столовую запереть, заманил его туда. Так он окно разбил: не сумел отпереть – так разбил, да и выскочил, невысоко ведь у нас. Хорошо еще, что не догадался в буфете посуду перебить, вот бы делато наделал!.. А дочка целое платье материно ножницами настригла, тоже попробовали ее раз в спальню для охлаждения посадить. Ну, конечно, вперед и остерегаешься насильственных мер – знаешь, что за них приходится карманом расплачиваться. Понимают они, плуты, как нужно чувствительный убыток нанести. Слова им поперек не скажи, глаза так и заблестят. Если сами неприятное другим делают – это ничего. И не то, чтоб они злы были, а только привыкли всегда о своем удовольствии думать, ни о ком и ни о чем больше.

– Трудно же будет гувернантке с ними.

– Трудно.

– Читать они умеют?

– Старшие двое читают и по-русски, и по-немецки; другим тоже не мудрено выучиться: они, точно обезьяны, перенимают у тех. Все способные, я это беспристрастно говорю. Их обучение не будет сложной задачей.

– А их воспитание?..

Степной барин вскочил со стула: «Гения мне нужно-с, гения-воспитательницу, понимаете? – закричал он с трагикомии»

ческим жестом. — Я затем свои палестины покинул, чтоб ее обрести, — ее, которая бы возвратила моих дочерей мне и жене моей, а затем всему цивилизованному миру. Помилуйте, ведь кого мы в лице их создали? Будущих угнетателей человечества, героев самодурства, всемирных завоевателей без войска?..»

Он смеялся над собой, над своей женой, над детьми, но за его смехом стояла забота нешуточная: найти такого человека, который бы научил это будущее поколение управлять собственной неограниченной свободой и не употреблять ее во зло другим. Нашел ли? Не могу отвечать ни утвердительно, ни отрицательно. Уехала теперь в их семью одна учительница, русская, имеющая хороший диплом и знающая иностранные языки; но разве есть такие дипломы, которые бы служили ручательством в уменье воспитывать?

Как мать Ольги, так и этот барин, приезжавший искать гувернантку, хороши тем, что, сделав ложный шаг, не отрицают его. С одной стороны, это доказывает их ум, а с другой стороны, подает надежду на то, что их дети, в конце концов, все-таки не очень пострадают от грозящей им опасности стать деспотами и самодурами. Другое дело там, где родители, по упрямству или по непониманию, не хотят отступить от того мнения, что все вредные и невредные безобразия, проделываемые их «нестесняющимися» ребятами, совершенно естественны и потому законны. Мне сейчас вспомнился один давнишний вечер, после которого я много смеялась и про который здесь к стати рассказать.

Это было в провинции. Одно из видных в губернии лиц праздновало свои именины. Зеленые столы раскрывались один за другим, гости — мужчины и дамы — усаживались играть. Исключением осталась только я, избегавшая карт, да еще одна молоденькая барыня, которую я в первый раз видела. Так как нам обеим было бы очень скучно сидеть по разным углам и так как ни у той ни у другой не было недостатка в молодости и живости, то мы и не замедлили познакомиться, шутя над своим одиночеством среди большого кружка. Правда, что хозяйка тоже не играла, но это была чрезвычайно вялая, молчаливая личность, на любезность которой не следовало много рассчитывать; гораздо было лучше занимать друг друга по своему усмотрению. Поболтав между собой час или полтора, мы заразились общим картежничеством и, ради шутки, затеяли тоже

достать карты: моя собеседница хотела меня посвятить в тайны старинного «пикета». Хозяйка, услышав о нашем желании, принесла нам одну игру и спросила: «Ничего, что не новые?» Разумеется, ответ был такой, что для нас «все равно». Начали играть. Вдруг минут десять спустя подбегает хозяйский сынок, толстый, черноголовый мальчишка лет семи: «Это мои карты!» – «Постой, голубчик, нам их твоя мама дала». – «Это мои! я не дам!» И он очень быстро и решительно загреб все, что в эту минуту было на столе. Смеясь, попробовали мы просить его снисхождения, но он оказался неумолим: «Не дам! не дам! это мои!» И унес. Мать сидела тут же: «Миша никому ничего своего не дает, – очень хладнокровно пояснила она, – я унесла у него карты – думала, что он не заметит. Нужно спросить у мужа другие». Ее, впрочем, попросили не хлопотать. И эта просьба была исполнена. Немного позже я вместе с моей новой знакомой ушла в небольшую уютную комнатку, находившуюся в стороне от залы и гостиной, где стоял дым сигар и было очень душно. Чтоб еще больше освежиться, мы попросили себе туда по стакану воды. Вслед за нами пришла хозяйка, а за ней и Миша. Он осмотрелся во все стороны и увидел нашу воду. Она его соблазнила. Недолго думая и совсем неожиданно для нас смелый юноша лезет на приступ: одной рукой он опирается на колено гостьи, другой тянется к ее стакану. «Ах, Миша, Миша! ты мне все платье испортишь!» – с искренним сожалением восклицает она. Надо сказать, что за минуту перед тем мальчик ел белый хлеб с сардинкой, так что у него не только руки, но и вся рожица была выпачкана в масле. «У меня платье еще светлее вашего, да и то на нем никаких пятен не видно», – недовольным тоном замечает мать, считающая нужным вступить за «стесняемого» сына, который, между тем, и ухом не ведет: достает стакан, пьет из него и прежним путем, т.е. через колени гостьи, возвращает его на стол. Я находилась в стороне от действующих лиц и искренно расхохоталась: так смешно было огорченное личико моей нарядной барыни рядом с победоносной фигуркой маленького «вредного человека» и кислым видом высокой, «проглотившей аршин» хозяйки. Видно было, что одна из этих женщин мысленно посылает очень нелестный эпитет материнской снисходительности другой, а эта другая угадывает его и спешит ответить то же мысленно... К моему смеху тотчас примкнула потерпевшая: «Как я рада, что у меня нет детей, –

сказала она, – с ними я бы постоянно теряла голову!» – «Терять голову нечего, – наставительно заметила мать Миши, – известно, в прежние времена детей в страхе держали, наказания для них выдумывали. А нынче, слава Богу, никто так не воспитывает. Свободно растут. И детям легче, и родителям».

Нужно ли говорить, что эффект этого заключения сразу заставил меня простить и забыть всю утомительность бестолково проведенного вечера?.. «И детям легче, и родителям!» – не выразился ли в этом уровень взгляда многих слишком ленивых и бессильных для того, чтобы управлять воспитанием, и в то же время желающих санкционировать свою леность и бессилие требованиями современности? Разумеется, дело не в том, что ребенок случайно выпачкает ценное платье какой-нибудь гостью, поспешит прежде всех схватить вкусный кусок или закричит с досады, видя свое желание невыполненным. Все это еще не составляет с его стороны преступления и само по себе не грозит ничем серьезным в будущем; нужно только, чтобы окружающие взрослые не относились к этому вполне безразлично и умели дать противовес эгоистическим и деспотическим инстинктам. Если, с одной стороны, нынешние отцы сознали всю некрасивость прежнего самодурства, заявлявшего: «Мои дети – моя собственность, делаю с ними что хочу», то, с другой стороны, они не должны допускать развития такого самодурства и в молодом поколении. Прежде все воспрещалось, теперь все дозволяется (по крайней мере, многими из родителей); это переход от одной легкой системы воспитания к другой, не менее легкой; о нем нельзя сказать, чтобы он был продиктован разумом, создала его беспечность, ни во что не вникающая и пробующая поймать на лету дух времени. Да и что такое для нее дух времени? Это мода, это то, о чем можно сказать: «нынче все так думают».

* * *

Ребенок мыслит образами. Образы эти он берет из запаса своей памяти, по большей части очень восприимчивой, хотя вместе с тем часто утрачивающей многое бесследно. Тем ярче рисуется в ней все уцелевшее, и из этого материала строится фундамент для будущих отвлечений и обобщений. Наследственность играет тут, несомненно, огромную роль. Так ребенку, имеющему позади себя несколько поколений, привыкших

к строго логическому мышлению, без труда дается подбор представлений, близко подходящих одно к другому. Он, сам того не замечая, сгруппирует однородные предметы и разъединит противоположные. Он запомнит истинное и отбросит ложное (т. е. ложное в смысле несообразности). Там, где другие, менее одаренные от природы дети нуждаются в объяснении, — что, без сомнения, возможно только в более позднем возрасте, — для него довольно намека, легкого толчка, воспринимаемого почти без участия сознания. Точно так же дитя, унаследовавшее от родителей музыкальный слух, приветствует гармонические звуки несравненно раньше, чем кому-нибудь может прийти в голову познакомить его с самим словом «музыка». От количества хранящихся в памяти образов отчасти зависит степень силы детского соображения. Говорю «отчасти», потому что здесь имеет еще значение здоровье ребенка и другие индивидуальные особенности. От качества образов зависит направление воображения, а вслед за ним и направление сознательной мысли. В одной педагогической книжке («Хрестоматия для учителей», пособие для наглядного обучения — О.Н. Попова) находим следующие строки: «Детское воображение нужно беречь, может быть, больше всех остальных сил души. Если оно выросло на дурном материале, на грубых представлениях, на чудовищных диких сказках, на известных понятиях, то и все последующее сознание ребенка будет работать в ошибочном и нелепом направлении. Но дайте ребенку честный, благородный, нравственный материал, дайте ему безошибочное, верное знание, закрепите в детской памяти представления о подвигах великодушия, человеколюбия, неустрашимости, преданности, патриотизма — и сознание, работающее над таким благородным материалом, сплетет в детской душе сеть таких же благородных представлений».

Разумеется, при этом не надо терять из виду, что не только чтение и устные рассказы дают материал; живые примеры дают его несравненно больше, только недостаток их заставляет прибегать к суррогатам и пополнениям. Самая нелепая сказка не принесет никакого вреда, если для нее не подготовлено почвы и, наоборот, целый ряд книг, последовательно подобранных, полных хороших мыслей, может пройти бесследно там, где жизнь не научила улавливать этих мыслей среди цепи приключений, из которых они вытекают.

При воспитании каждой отдельной детской личности надо уяснить себе, во-первых, по какому именно направлению хотим ее вести; во-вторых, какие задатки для этого направления унаследованы от семьи и какие следует вновь посеять; в-третьих, с какими из враждебных направлению задатков нужно бороться. Когда все это уяснено, опасность грозит только со стороны слишком одностороннего увлечения. Усердствуя в нагромождении одних образов и настойчиво заслоняя другие, иногда этим самым готовят реакцию в будущем. Так, например, представим себе, что, стремясь к подавлению гастрономических инстинктов, ребенка кормят исключительно невкусной, хотя и сытной пищей, если же и вкусной, то очень однообразной. Разве достигнут этим цели? Само собой разумеется, что, пока он мал, в нем не могут возникнуть представления о лакомствах, которых он не знает, не могут, следовательно, возникнуть и соответствующие желания. Но дитя вырастает; ему представляются случаи попробовать многое, до сих пор неизвестное, и сравнение говорит, конечно, не в пользу старого режима. «Как бы хорошенько поесть! как бы выпить!» – мечтает юноша и в этом отношении сходится с некоторыми из своих сверстников, на том только и выросшими.

Между тем другой к тому же самому удовольствию относится совершенно спокойно, знает ему место; это потому, что гастрономия для него не подчеркивалась ни в смысле «цвета жизни», ни в смысле запретного плода. Купеческий сынок, добравшийся до «капитала», тоже дает особого рода простор своим фантазиям и осуществлению этих фантазий: он расплачивается за многолетние стеснения. В его памяти сложено множество вариаций на тему «деньги все могут сделать»; материала же, из которого бы удобно было почерпнуть объяснения на встречающееся тут словечко «все», почти не существует. Его родители не предвидели опасности, по их собственной вине явившейся для их сбережений, если же и предвидели, то не додумывались до средств предотвратить ее и полагались единственно на волю Божию. Людям интеллигентным, «вверху стоящим, как город на горе», не следовало бы идти по стопам Тит Титычей², а между тем они идут иногда, воспитывая

² Персонаж комедии А.Н. Островского «В чужом пиру похмелье», чье имя стало нарицательным обозначением самодура.

слишком односторонне. Что же касается до небольшой доли односторонности, то едва ли даже возможно ее избежать. Знаю я одну мать, которая шагу не ступит без соображения с «принципами», у нее все предписано, все размерено. Из своего сына она хочет выработать стойка в лучшем смысле этого слова, и, может быть, ей это удастся, потому что она сама стойка. Но ее такую сделала жизнь, помимо чьих бы то ни было соображений, так что нельзя сказать, чтоб стоицизм был у нее глубокой фамильной чертой. Муж ее — любитель жизни легкой, эпикуреец невысокого сорта. Она знает ему настоящую цену и заботится о том, чтоб из сына не вышло второго экземпляра. И вот мальчику прививаются черты материнские, а отцовские в нем искореняются, что несомненно пойдет ему на пользу. Но, может быть, путь к этому лучше было бы избрать менее тернистый; теперь же восьмилетнему ребенку приходится из-за принципов матери дышать спертым воздухом тесной комнаты, питаться плохой пищей кухмистерских, хранить рассудительность взрослого человека перед окнами соблазнительных игрушечных лавок. Не то, чтобы она не в состоянии была нанять отдельную квартирку, нет, она хоть и небогата, но столько-то у нее нашлось бы. Ей именно не нужно, чтоб он имел для себя помещение, где чувствовал бы себя полным хозяином; не нужно, чтоб вступал в соприкосновение с прислугой, которая служила бы только им двоим (отец живет отдельно). «Здесь, — говорит она, — у Пети тоже есть свой угол, но он помнит, что за стеной другая меблированная комната и другие жильцы; играя, забавляясь каким-нибудь шумом, он соображает степень этого шума с тем, чтоб «не помешать чужим»; в отдельной квартире ничто не мешало бы ему шуметь в свое удовольствие всегда, когда я не за делом и не могу потребовать тишины во имя своих занятий; едва ли также могла бы я оградить от некоторой эксплуатации с его стороны прислугу, если б та его полюбила и из любви стала бы выполнять его прихоти». Прихоти Пети! Это так странно звучит для тех, кто знает бледного, серьезного мальчика, дружески пожимающего руки взрослых (товарищей-детей у него, кажется, нет) и очень обстоятельно поясняющего, например, что собачек он любит и желал бы держать собачку у себя, если б было можно, но этого нельзя, потому что хозяева меблированных комнат не позволяют. «Если мне позволить, надо и всем позволить», — совершенно резонно добавляет он.

Мать любит его и, вообще говоря, довольна им, но она никогда его не хвалит в глаза, а всегда порицает. «Петя должен сделаться во много раз лучше, чем теперь, и тогда только я назову его хорошим», – говорит она. Знакомых у нее немного и выбраны они тщательно, так что никогда ни от кого из них мальчик не рискует услышать хоть одну фразу вразлад с тем, что ему постоянно внушается. Но в его отсутствие с матерью его иногда спорят и доказывают ей, что она идет несколько дальше, чем следует. Пища кухмистерских может неблагоприятно повлиять на здоровье, и без того слабое; слишком ревностное охранение границ мирозерцания сузит свободу мысли. Уменьше отказывать себе во всем, переносить лишения грозит обратиться в скряжничество; удаление от всех и только теоретическое знакомство с любовью к людям способствуют выработке нетерпимости, непривычки взвешивать относительное значение тех или других недостатков и качеств. Она возражает, что все это и многое другое ею обдуманно, ей известны опасности ее пути, но, тем не менее, она стоит за него как за самый удобный; по ее мнению, будущее должно принести результаты вполне благоприятные. Очень вероятно, что надежды оправдаются, хотя не менее вероятно и то, что слишком большая исключительность жизненной обстановки оставит свой след. Петя выйдет хорошим человеком – нельзя себе представить, чтоб мог выйти дурным, – но он был бы еще лучше, если б стоял ближе к большому количеству людей, чем стоит теперь. Мать его умеет дать ему материал для стольких хороших мыслей и привычек, что ей вовсе нечего бояться противовеса; напротив, противовес внес бы больше устойчивости и совсем устранил бы опасность сколько-нибудь значительных отклонений в будущем. Что касается до чтения, то само собой понятно, что оно играет в этой маленькой семье видную роль. Время, употребленное на него, не пропадает даром, потому что каждая прочтенная книга вызывает разговоры и обсуждения, иногда подробные, иногда высказывающиеся вскользь, но вообще всегда подходящие к мерке широких и разумных взглядов.

Теперь укажу на одну девочку – дочь модистки, стоящей во главе магазина, излюбленного наиболее богатыми, наиболее нарядными, наиболее причудливыми барынями. Девочке шесть лет, туалет ее – образец самой изящной простоты. О совершенстве его, по-видимому, никто не заботится, кроют его

из первых попавших под руку лоскутков, шьют между делом; красота является в нем как-то сама собой, благодаря искусству рук, через которые он проходит и которые не умеют делать дурно. С 12 часов утра до 10 часов вечера ежедневно перед глазами этого ребенка происходит прилив и отлив дамских лиц, более или менее прекрасных, более или менее прикрашенных. Все эти лица, все эти фигуры с их тренами³, буффами, кружевами и перьями отражаются в многочисленных зеркалах, где рядом с ними Нина привыкает видеть себя – курчавую головку, длинную бледную шейку, безукоризненное платьице и шегольски обутые ножки. Дамы говорят тут исключительно о нарядах: заказывают, получают уже сделанное; при заказах льстят модистке, упрашивают ее о чем-то, при получениях иногда восхищаются и благодарят, иногда раздражаются, бледнеют, краснеют, волнуются, сыплют отрывочными французскими фразами, которых Нина не понимает, но о содержании которых догадывается. Часу во втором дня немка-бонна водит девочку гулять, отправляются они по большей части в Летний сад; зимой, когда холодно, ограничиваются прогулкой по Невскому или по ближайшим из примыкающих к Невскому улиц. Свободная, грациозная, необыкновенно мило одетая, Нина обращает на себя внимание многих: «*Charmante enfant!*» – говорят про нее; она, конечно, знает эти два слова, но делает вид, что не слышит, похвала как будто придает ей крылья – еще живее и прелестнее начинают смотреть ее глаза. Дома бонна завоевывает внимание своей питомицы только под вечер, когда уже сказывается физическое утомление; тут наступает очередь слушания рассказов, по большей части нравоучительных. Почти во всех фигурируют дети бедные, но вместе с тем умные и добродетельные; рассказывается напр.<имер>, как философски относилась одна бедная девочка к насмешкам подруг над ее полинялым платьем или как трогательно поступил один богатый мальчик, отказавшись на целую неделю от десерта за обедом и попросивши употребить деньги в пользу детей, очень способных и очень желавших учиться, но не имевших на что купить книг. Слушает Нина и сочувствует, затем укладывает спать своих кукол, обещает им назавтра новые бантики, говорит «*bonsoir*» своей маме, крепко обнимая ее при этом, и уходит в свою постельку. «Очень

³ Трен (фр.) – шлейф.

доброе дитя», – с улыбкой выражается о ней бонна, отвечая на похвалы разных барынь, восхищающихся прелестным ребенком. «Да, моя Нина добрая», – подтверждает счастливая мать. И действительно, Нина, по-видимому, не имеет в себе ничего дурного: очень редко капризничает, никогда не лжет (немножко хитрит только, хоть тогда, например, когда делает вид, что не слышит приятных слов «*charmante enfant!*»), не берет ничего без спросу, просит у мамы копейку для каждого нищего, которого видит на дворе. А между тем, кто поручится за то, что милый ребенок будет впоследствии одною из тех личностей, каких желательно видеть как можно больше? И не только что, «кто поручится», а кто найдет возможным ожидать этого? Исчезнут ли наслоения представлений, до сих пор преобладающих в ее уме? Научится ли она считать что-нибудь важнее вопроса о внешности и найдется ли для нее интерес выше интереса вызывать восхищение? Конечно, она узнает со временем, что жизнь каждой из дам, проходящих перед ее глазами, содержит в себе не одни те моменты, в которые она их видит, все-таки воображение ее, вероятно, чаще всего будет вышивать узоры по канве издавна знакомой; к этой канве подойдет со временем всякий благоухающий любовью и приключениями роман, а затем дорожка окончательно намечена: среди семейных интересов или вне их, но, во всяком случае, мелочная, чуждая всяких высших идей жизнь!

Петя и Нина – два полюса. Воспитание принципиальное и воспитание, так сказать, случайное, хотя в то же время тут есть заботливость о ребенке, и даже много заботливости, проявляющейся в найме бонны, в изяществе туалета и т. д. Мать Пети думает над обстановкой детства своего сына и создает эту обстановку сообразно с тем, что кажется ей лучшим; ошибается она или нет при определении лучшего – вопрос до некоторой степени спорный, суть в том, что ей известно, откуда и куда она идет. Мать Нины, наверно, никогда ни на минуту не останавливалась и не остановится мыслью над тем, какого рода впечатления получают ежедневно ее дочерью. Мать Пети – исключение, мать Нины – одна из многих. В деле воспитания всем воспитывающим приходится в один прекрасный день становиться лицом к лицу с известной поговоркой «что посеешь, то и пожнешь». А между тем одни об этом совсем не думают, другим же очень трудно иметь это постоянно

в виду, так как далеко не всегда и не все обладают необходимым для обдумывания спокойствием. Когда, например, худо живется, когда давят материальные невзгоды, а людские низости и несправедливости еще подливают отравы, — ясность мысли сохранить мудрено. И вот часто случается, что под влиянием подобного настроения даже те немногие из родителей, которые могли бы быть родителями вполне хорошими, допускают в детских умах накопление слишком односторонних представлений, питающих преждевременную разочарованность, не проверенное опытом сомнение во всем и вообще предубеждения, которые всегда вредны, — даже тогда, когда источник их сам по себе чист и заслуживает симпатии.

Руссо и его последователи мечтали о том, как бы совершенно извлечь дитя из неблагоприятных условий, среди которых оно стоит в обществе, и выработать из него в полном смысле нового человека. Такие мечты оказались несостоятельными. Оставя их неприменимость на практике и взвешивая только теоретическое значение, пришлось натолкнуться на ценность наследственности, передаваемой как длинным рядом цивилизованных или нецивилизованных поколений, так и ближайшими единичными личностями. Дитя вовсе не *tabula rasa*, и пересоздать его инстинкты не так-то просто. Гораздо целесообразнее не пересоздавать их и не вырывать с корнем, а пользоваться ими и направлять их. Пусть капиталы, уже существующие, не остаются мертвыми, а идут в оборот. Пусть воображение ребенка разрабатывает преимущественно такие представления, которые наиболее подходят к складу его ума и вместе с тем наиболее прямым путем могут вести его к хорошим привычкам. Из него не выйдет, конечно, нового человека, потому что такой едва ли может где бы то ни было выйти, но он будет одним из лучших представителей той умственной и нравственной высоты, на которую можно рассчитывать в данное время и при данных условиях.

ИЗБЕГАЕМАЯ СТОРОНА ВОСПИТАНИЯ*

Как-то раз, не очень давно, в нашем маленьком кружке – не то о мировых скорбях печалуемся, не то просто болтающем, пока болтается, – мелькнул среди других разговоров вопрос о том, какими это путями каждый из людей добывает первые понятия о взаимных отношениях мужчины и женщины, рано ли просыпаются половые инстинкты, какими умственными и нравственными брожениями это сопровождается и не следует ли, в видах разных «оздоровлений», попробовать внести немножко света в такую совсем темную область; темную, вероятно, потому, что почва представляется скабрёзно-скользкой. Как будто в почве дело, а не в характере отношения к ней!.. Ехать на какое-нибудь болото с целью *partie de plaisir*¹, разумеется, никому не может прийти в голову, но из этого не следует, что запах болота должен пугать и желающих осушить его. По отношению к вышеупомянутому вопросу мы все, люди взрослые, имеем за собой опыт, показывающий, что в большинстве случаев в нашем детстве было что-то неладное, ненормальное, от чего бы нам наших собственных детей предохранить не мешало. И до такой степени не мешало бы, что никакой мысли о скабрёзности тут даже и места нет, как нет ей места при изучении врачом анатомии.

Половые инстинкты сами по себе не болезнь и не стыд. Болезнь и стыд в их распушенности. Нужно, значит, найти такие условия обстановки, при которых распушенность как можно менее могла бы разгуляться. Есть ли родители, которые бы желали приготовить для своего сына или для своей дочери целый ряд напрасных увлечений, ошибок, разочарований, страданий, не только нравственных, но часто даже физических? Разумеется, таких родителей нет. Есть ли еще такие, которые бы сознательно вели своих детей к разврату? Такие есть, но их

* Впервые: Педагогический листок. 1880. № 4. С. 227–256.

¹ Увеселение, увеселительная прогулка (фр.).

мало. Большинство желает видеть свое молодое поколение здоровым, счастливым и нравственным. *Желает* – да, но что же *предпринимает* для достижения целей? Изредка – надеется на Бога или, по крайней мере, говорит, что надеется: «Бог даст вырастут хорошие». Еще ждет каких-то возрождающих чудес от школы и удивляется, когда ожидания не оправдываются: спрашивает: «Чему же учили?». Почти никогда не оглядывается само на себя и в бездеятельности себя не обвиняет. Всегда кончает примирением – апатичным или брюзжащим, слезно плачущим или поминающим лихом, но все-таки примирением, и с тем, что есть, и с тем, что из этого дальше будет. А есть то, что нередко 11- и 12-летние девочки загораются краской стыда при самых безразличных разговорах с мужчинами, «обожают» учителей, отыскивая между ними «его» и сочиняя для себя романы, в 15 бывают готовы кинуться на шею и поклясться в вечной верности первому желающему, в 17–19 переживают более или менее неприятные разочарования, и затем, если представляется случай, делают еще пробу: выходят замуж – хорошо, если сколько-нибудь удачно, т. е. если оказывается возможность сжиться с человеком, хотя бы и без большой удовлетворенности с обеих сторон. У мальчиков идет несколько иначе: один от другого заражаются пагубными привычками и в высшей степени грязными разговорами, считают неприличным краснеть «как девочка», хотя втайне пылают, как и она, от предвкушения, от желания окунуться... во что? – уж, разумеется, не в жизнь голубинового гнезда, мечтающегося ей, а в самый разгар своеобразной полигамии, созданной общественной жизнью стран, только в принципе отрицающих гарем. Лет в 17–18 (у иных раньше, у иных позже) является, впрочем, и у мальчика временная мечтательность, склонность к какой-нибудь «одной», у него с нею общие интересы, общий кругозор – ему начинает казаться, что это на всю жизнь, по крайней мере, на все то количество времени, которое он перед собой расположен видеть и которое считает жизнью (известно, что зеленой молодежи и 30-летний возраст часто представляется далеким пределом, за которым идет уже старость). «Одна», впрочем, не выдерживает срока, и это нередко случается по причине уважительной: между тем как мужчина как раз в этот возраст идет быстрыми шагами вперед, открывает для себя новые точки зрения, увлекается отвлеченностью, женщина остается на распутье, а иногда даже как будто

отодвигается назад, ему от нее приходится вырываться, с нею образуется разлад; она огорчается и этим раздражает, к тому же просыпаются опять знакомые вкусы, эффектно именуя себя на этот раз «жаждой свободы», подхватывают юного человека в свой водоворот и уносят. Уж оттуда когда-то еще бедный выплывет!.. Окончательная пристань (или почти окончательная) опять-таки брак, гнездо, но только хорош ли будет в таком гнезде выводок? Не принесет ли с собою на свет задатков болезненности, нервности, неумения справиться с многоформенной борьбой за существование?

Таков в общих чертах вид картины, допускающей, конечно, множество вариаций, но почти постоянно верной себе в преобладающем мотиве искусственного разъединения полов и затем стремления к запретному плоду. Неужели не лучше было бы убивать это стремление в самом зародыше? (Говорим только о данном случае, а не о «запретных плодах» вообще). Совместные школы могли бы тут сослужить важную службу, и напрасно к ним относятся с ложными страхами. К этим словам следовало бы, по заведенному шаблону, сейчас же пришить наглядный пример Америки, которая, кажется, в самом деле заслуживает, чтобы за нею шли по многим (но не по всем) путям, и в том числе по пути совместного обучения. Не имея с нашими антиподами непосредственного знакомства, мы, однако, оставим их в покое и поищем фундамента для своих желаний где-нибудь поближе. Прежде всего, воспользуемся одним имеющимся у нас в руках дневником, для печати не предназначавшимся и потому, быть может, для нее ценным. Из встречающихся в нем воспоминаний выберем места, имеющие прямое отношение к нашей теме, затем пополним эти места другими «картинками с натуры» и увидим, что из этого выйдет. Итак, начинаем.

«Должно быть, мне было года два, когда Петю Д-н называли моим женихом, наверное, меньше двух с половиной, потому что в этом возрасте я была уже привезена в Петербург, а женихом моим его называли в большом саду, сад же этот был в В-е, одном из городов западной России. Помню, что я сидела на руках у няньки, старой белорусски с тюрбаном на голове (любимое ласкательное выражение ее было «моя рыбаца»), и что возле нас стоял этот самый Петя в синем кафтанчике с красным кушаком и в четырехугольной кучерской шапке, стояло еще

несколько взрослых, и из них кто-то кому-то сказал: «Это ее жених». Все смеялись, всем было весело, и мне тоже было очень весело. Может быть, эта веселость имела даже какой-нибудь исключительно приятный характер (усиливалась, например, впечатлением ясного дня, чистым воздухом сада и т.<ому> под.<обными> физическими причинами), оттого и врезалась в память так глубоко... Потом, когда я была уже в Петербурге, насчет меня опять как-то пошутили: «у нее в В-е жених остался», но я не сохранила в воспоминании ни того, при какой обстановке это сказало, ни моего собственного чувства по отношению к этим словам. Довольно и того, что они остались у меня в ушах. Петя же сам по себе памятен мне не больше, чем другие мальчики и девочки, которых, вероятно, тогда видала, вернее, не памятен нисколько. Ни лица его, ни голоса, ни игры не знаю; если же и рисуется передо мной неуклюжая фигурка в саду, то единственно благодаря произнесенной в тот момент фразе, и даже не фразе собственно, а, вероятно, тону ее, задевшему детские нервы... Затем, лет до шести, в этом направлении не получилось как будто ни одного толчка. Меня выучили декламировать «Сон Татьяны», и это мне очень нравилось: медведь оживал передо мной, я его видела, чувствовала, но в то же время помнила, что это только сон. Гармония пушкинского стиха охватывала с необыкновенной силой и запоминалась без малейшего труда. А вслед за «Сном Татьяны»... «Конек-Горбунок!» К стыду моему, он оказался еще более могущественным надо мной, покорило вконец, он научил меня читать, когда мне было только что четыре года; я не могла от него отстать, хотела ежеминутно упиваться его звуками, а старшие занимались своим делом и, смеясь, говорили: «Читай сама – вот тебе книжка! а не умеешь, так жди до вечера». Ребенку ждуть! Когда желания так неодолимо-страстны, когда нетерпение так велико, когда жизнь горит ярким пламенем, требующим ежеминутной пищи!.. Я упрашивала назвать мне буквы: одну, другую, третью. Кой-как припоминая, кой-как догадываясь, разбирала слово за словом – и про ивановых братьев, и про рыбу-кита, и про Царь-девицу, и про старческие взывания к ней: «Бесподобная девица! согласишься быть царицей. Я тебя едва узрел – сильной страстью воскипел. Соколины твои очи не дадут мне спать средь ночи, и во время бела дня, ох! измучают меня!..» Все это мне почти равно нравилось, кажется, впрочем, про рыбу-кита больше все-

го; из мест же, касающихся Царь-девицы, особенно занимало мнение о ней Иванушки-дурачка: «Хм! так вот та Царь-девица! Как же в сказках говорится, что куда красна собой Царь-девица – так, что диво! Эта вовсе не красива: и бледна-то, и тонка, чай, в обхват-то три вершка; а ножонка-то, ножонка! Тыфу ты! словно у цыпленка!..» Из походов царя чрезвычайно забавлял конец: «Царь велел себя раздеть, два раза перекрестился, бух в котел! – и там сварился!» Девичье предпочтение молодому перед старым, нежелание идти «за дурного, за седого, за беззубого такого» и развеселый свадебный пир с красавцем Иванушкой – все это принималось совершенно просто, без задних мыслей, без малейшей приостановки. Думаю, даже вполне убеждена, что при дальнейшем знакомстве с литературой это могло бы и так остаться, но... некстати является иногда усердие охраняющих нас родителей и воспитателей. К шести годам ко мне привились две новые черты образованности: меня научили писать по-русски и читать по-французски. Последнее досталось совсем без труда, так как практическое знание французского языка – в размере ребяческого круга понятий, конечно, – шло рядом с знанием русского. Стоило раз-другой показать буквы, и процесс чтения, уже знакомый, сразу применился к новой области слов. Насколько помнится, первые упражнения были сделаны над какой-то детской книжкой, а затем мне тотчас же дали в руки «*Mes prisons*», перевод итальянской автобиографии известного Сильвио Пеллико². Это не было результатом какого-нибудь сознательного выбора, а просто книга подвернулась случайно. Думали, что все равно, на какой бы книге ребенку ни практиковаться, лишь бы не на романе. Роман считался альфой и омегой вреда. Впрочем, я еще не знала этого.

В первый же раз, когда новая книга открылась передо мной, в ней встретилось незнакомое мне слово внутри оборота речи, тоже непонятного. Слово это было – «*amant*», вся фраза – «*comme un amant maltraité de sa belle, je laisse la politique où elle est, et je parle d'autre chose*». Все предшествовавшее и следовавшее затем я понимала, хотя по-своему: арест в Милане и допросы рисовались передо мной, вероятно, не настоящим

² Пеллико Сильвио (1789–1854) – итальянский писатель и общественный деятель. Участвовал в заговоре карбонариев, 15 лет провел в заключении, впоследствии отошел от политической жизни; главное сочинение – «*Мои темницы*».

арестом и допросами, но все-таки рисовались; фраза же со словом «амант» не находила в моем уме никаких соответствовавших представлений. Я спросила, что значит это слово и как перевести всю фразу. Мне сказали: «Ты еще мала, не надо тебе этого понимать, читай дальше». При этом на губах говорившей скользнула какая-то двусмысленная усмешка. Если б вместо такого ответа я услышала спокойный перевод заинтересовавшего меня места, оно прошло бы для меня совсем бесследно, тем более что высказанная тут мысль не имеет в себе ничего нечистого: «Как любящий человек не хочет говорить об оскорбившем его предмете его любви, так я не хочу говорить о политике». Ребенок не стал бы в это вникать, довольствуясь внешним удовлетворением своего любопытства. Слово «амант» следовало определить как синоним слова «амі», прибавив притом, что в разговоре оно неупотребительно. Вот и вся педагогическая мудрость, требовавшаяся данным моментом. Если у старших оказался недостаток в ней, на младших пенять нечего. Младшие, то есть я, пустилась на розыски. Раньше меня учили добираться собственными силами до «Конька-Горбунка», теперь оставалось применить мою сообразительность к иным путям. Французско-русский лексикон имелся на письменном столе дяди, употребление этой книги было мне знакомо из некоторых предшествовавших опытов – отчего ж было не воспользоваться первой свободной минутой и не отыскать интересное слово? Лексикон без всякой строгости открыл свои страницы любопытствующей девочке и обязательно сообщил, что «амант» значит «любовник». Я торжествовала, потому что добралась. Торжеством своим не замедлила и похвастать: «Знаю, что значит! знаю!.. Любовник! В лексиконе нашла». Надо мной засмеялись: «Глупая! ведь говорят тебе, что для тебя это рано. Ну что ты узнала? Разве поняла? Разве можешь объяснить, что это такое?» Сконфузили меня. Как это я, в самом деле, не понимаю русского слова? (Под впечатлением внушения я отдала себе отчет, что действительно не понимаю его – повторяю, как попугай). Но как же бы понять? И отчего не хотят объяснить? Объясняют же другие слова, и всегда понимаю. Если не пойму этого, то так и останусь глупой... Эпитет «глупости» применила, значит, к своему «незнанию».

Узнать, однако, оказалось трудно, даже совсем невозможно. Ни у кого из старших, хотя бы у горничных, я не хотела спраши-

вать, чтоб не услышать опять обидного «мала еще!», из младших же, на мое счастье, не было вблизи никого, кто бы способен был просветить. Слово «амап» встретила я потом еще раз в той же книге, и опять оно меня заинтересовало, но я уж не спросила разъяснений, тем более что в этом месте было нетрудно отыскать приблизительный смысл: речь шла о какой-то молоденькой Занце, плакавшей оттого, что ее амап назвал ее обманщицей. Вероятно, это был ее жених, решила я про себя, волнуясь и смущаясь своим открытием, как проникнутой тайной, и, должно быть, с той минуты слово «жених», до тех пор совершенно для меня безразличное, приобшилось также к запретным плодам, число которых как-то само собою потом рослось, группируя в себя все слова, имеющие отношение к «любовнику» – первому указанному мне. Встречайся я в то время с каким-нибудь Петей или Мишей, подкажи кто-нибудь слово «жених» в применении к ним, очень не мудрено, что я перенесла бы на них свое возбужденное чувство – стала бы их «стыдиться» и в то же время стремиться к ним, думать о них. Полная уединенность моего детства охранила от этого. В гостях у меня бывали только две девочки, сестры, сама же я ни у кого не бывала. Правда, раз в год, накануне Рождества, меня возили на елку к какому-то Саше, единственному балованному сынку богатых родителей, там дарились гостям хорошие игрушки, бонбоньерки с конфетами, там было вообще что-то волшебное, никакой роли среди будничных моих чувств не игравшее; все равно как периодически повторяющийся приятный сон встречался этот Саша мною с удовольствием, но погружаться в мечтания о нем, в переживания этого сна было не по натуре...

Книга «Mes prisons» мне очень понравилась – больше всех детских. Окончив обязательно читать ее в классах, я охотно стала перечитывать уже для себя. В то же время услышала как-то раз чтение вслух из какого-то романа «Отечественных записок» или «Современника». Совсем заслушалась и, конечно, стала просить, чтоб дали книгу мне, что не изорву и т.д. Впрочем, это само собой разумелось, что книг я никогда не рвала, потому что читала очень быстро – дня в два-три кончала с толстыми томиками (пользуясь только временем, свободным от уроков), маленькие же глотала моментально. Ответ на просьбу получился крайне неблагоприятный. Опять то же: «Мала еще! такие книги совсем не для тебя». И какие это *такие* книги?.. Ас-

социация идей подсказала: «книги, в которых говорится о любви, о любовниках, о женихах и т. д.» Значит книги, которые открывают целый новый мир? которые пойму, пойму несомненно хоть и говорят, что «мала»... Что за интерес вечно читать про маленьких? – они и без того мне отлично представляются.. Лучше читать про больших: как они живут, как и я буду жить.. В первую же удобную минуту, когда никого из «начальства» не было дома, я стащила первое, что попало мне под руку из книг *настоящих*, книг для больших. Не знаю, что именно это было но только с тех пор новый мир действительно открылся передо мной. Никаких определенных толкований в нем для меня не нашлось, но сколько новых интересов, новых точек зрения!.. сколько жизни за пределами детской!.. и вся эта жизнь будет когда-то моей, примет меня в себя как равноправного члена! Я вырастала в собственных глазах, мысленно входила в роли героинь, любила, ненавидела, мстила, прошала, в безмолвных слезах удалялась в монастырь или говорила сильные, патетические речи... Так в течение лет двух перезнакомилась я со всей русской «изящной словесностью» того времени: перечитала, верней, пережила романы и повести Тургенева, Гончарова, Писемского (до «Взбаламученного моря» включительно), Григоровича, Жадовской, Станицкого³ («Мелочи жизни» – очень мне нравившиеся), Вонярярского, Крашевского, Корженевского. Только с Достоевским позже познакомилась и с Гоголем также; поэтов: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова – узнала тогда же тайком. Жуковского читала официально – давали мне. Кроме того, прочла много переводов с иностранного, печатавшихся в «Отеч.<естественных> зап.<исках>», в «Современнике» и еще в «Пантеоне» за прежние годы.

Оглядываясь теперь назад, анализируя тогдашнее, утверждаю, что никакого развращения от всех этих книг я не получила, но что развращало, так это именно атмосфера тайны и лжи, среди которой приходилось жить. Иногда я даже давала себе слово перестать читать запрещенные книги (они так и назывались «запрещенными»), чтобы прекратить утомительное, унижительное прятанье и вечный страх быть уличенной. Но искушение оказывалось выше сил. Если уже действительно находили романы вредными, то зачем же не убирали их подальше?

³ Псевдоним писательницы А. Я. Панаевой.

Ведь знали, с какой жадностью я хватаюсь вообще за всякую книгу, и должны были догадаться, что не прочесть все плохо спрятанное – я буквально *не могу*. Должно быть, и догадывались, потому что иногда, в минуту какого-нибудь другого резкого недовольства, совсем к этому делу не относящегося, прибавляли: «Ведь ты и лгунья – ты читаешь романы потихоньку... Видишь, краснеешь...» Разумеется, краснела. И как глубоко страдала в то же время, потому что ложь казалась мне отвратительной и ужасной, а выбраться из нее я не имела сил. Ничьи упреки не могли сказать мне ничего нового, они только сильнее будили тот внутренний голос, который и без того не давал покоя. С чувством тупой, гнетущей боли я повторяла себе, что не могу себя «уважать». Может быть, оттого-то мне так и нравилось мысленно уходить в роли разных героинь и представлять себя не собой, а другими, симпатичными, честными, сильными... Конечно, ставя себя на места тургеневских Лиз, Елен и прочих, я вместе с тем должна была воображать тут же рядом Лаврецких и Инсаровых. Опять повторяю: это не развращало нисколько, по крайней мере, я этого не помню. К практической почве не применялось ни одно сведение, не применялось в такой мере, что, когда про одну девочку – дочку нашей прачки – мне сказали между прочим, что у нее нет и *никогда не было* отца, я приняла это без малейшего сомнения. При следующем же нашем свидании Оля (девочка, про которую говорю) упомянула к чему-то: «Мой тятя мне подарил новую шубу». – «Твой крестный?» – спросила я. – «Нет, родной тятя». – «Какой же родной? Ведь у тебя, говорят, отца нет и не было?» – «Как нет? у всякого есть. Тятя к маме ходит. Ты глупая!..» – презрительно кинула Оля и тотчас же, рассердившись, ушла домой. Я совсем не поняла, с чего она вдруг обиделась и за что глупой назвала. Никогда не чувствовал большого влечения к испитой фигурке и хитро сжатым губкам этой 9-летней солдаткиной дочки, как ее называли наши горничные, я решила, что ни разу больше не попрошу послать за ней: зачем же, в самом деле, она бранится? Последнего разговора с нею я не передала никому, инстинктивно угадав, что в нем тоже есть что-то «запрещенное».

Лет в двенадцать открыла я как-то раз Четьи-Минеи – огромные толстые славянские книги, лежавшие на столе в бабушкиной комнате. Это увидели и, к изумлению моему, не запретили. Надо сказать, что, кроме бабушки, никто таким чтением

у нас не занимался, так что даже не существовало в умах точного представления, о чем именно там пишется. Предполагалось, что «жизнь святых» – должно быть что-нибудь безвредное, подходящее к общему строгому характеру старческого уголка, обставленного иконами, освещенного мерцающими лампадками. Бабушка внучку даже похвалила: «Читай, матушка, читай святое дело». Внучка не заставила себе повторять, благо славянский язык не испугал (с ним знакомство велось уже много лет по Евангелию, из которого обязательно прочитывалось по две главы по утрам будничных дней и по пяти по праздникам, этим заменялась отчасти молитва перед учением, никогда у нас не употреблявшаяся). Перед воображением, знакомым только с более или менее мелкими героями и героинями романов, поднялись во весь рост величавые образы настоящих мучеников и мучениц, умертвителей своей плоти, отрицателей всей жизни земной ради жизни небесной – жизни духа. С лаконизмом, сильным своей простотой и наивностью, повествуют летописцы о распятиях, сажаниях на кол, сожжениях на медленном огне, вбиваниях гвоздей под ногти, распиливаниях живых тел. Эти сцены бьют по нервам людей и не таких юных и впечатлительных, какою была тогда я. Не мудрено, значит, что рядом с ними мне вдруг все показалось бледным, а в собственном будущем не стало рисоваться ничего, кроме «подвига». Я знала, что теперь преследования христианства нет, но знала и то, что форм борьбы с грехом много. В моей голове именно так и стояло «с грехом», а не «со злом». Одним из главных видов греха, даже положительно главным, была любовь – та самая любовь, по которой изнывали мои прежние книжные кумиры и которая после знакомства с голыми картинами разных подвижнических искушений, приобрела совсем новый для меня колорит. Недавний синоним «высокого» стал синонимом «грязного». Собственно, это последнее слово совсем еще отсутствовало в моем лексиконе (говорю, разумеется, о данном применении его) и заменялось понятием «грешного». Смысл подразумевался один и тот же. «Грешное», однако, влекло к себе – описания прочитывались с невольной жадностью – и в то же время отталкивало. Последнее обуславливалось преимущественно страхом последнего суда, впрочем, не столько страхом, сколько стыдом при мысли, что на этом суде разоблачатся все тайные помыслы, как они разоблачились у преподобной Феодоры, биографом ко-

торой дано длинное, последовательное и до мелочей точное повествование о ее «прохождении по мытарствам». Ни малейших сомнений насчет правды всего этого не зарождалось...

Тут подоспело одно знакомство: я стала два-три раза в неделю видеться с девочкой годами двумя меня старше – рано вытянувшейся смазливенькой блондинкой, с локонами и ангельскими глазками и с манерами молодой кошечки. Она взяла меня под свое ведение, овладела мною, как рабой-наперсницей. Была она сирота, выросшая в благотворительном приюте и в 13 лет взятая «вместо дочери» богатыми бездетными стариками, представителями почтенного дворянского рода. Одели Ниночку (настоящее имя ее было Анна) в кашемиры и в кружева, пригласили к ней учительницу французского языка и учителя танцев, собирались также развить в ней таланты музыкальные. Вместе с тем возили ее по праздникам в церковь, не только ко всенощным и обедням, но даже к вечерням и заутреням. Часто и по будням обязывали участвовать в молении домашнем с акафистами и поклонами. Говела Ниночка два раза в год в ближайшем монастыре, после причастия заходила вместе со своими старичками в гости к архимандриту, тоже старичку, почтительно целовала его иссохшую руку и скромно выслушивала его похвалы... Она ли была очень умна, я ли очень глупа, только все добронравие ее принималось мною за чистую монету. Если прибавить к этому, что она была что называется «рукодельница» – прелестно мастерила всяких шерстяных собачек и птичек, вышивала *бархатным* швом и гладью, вязала затейливые кружева, в чем во всем я самым добросовестным образом стремилась ей подражать, – то мое поклонение и принижение перед ней становится понятным. У меня, правда, имелся своего рода запас знаний из разных историй, географий, арифметик и т.<ому> под.<обного>, но Ниночка, по-видимому, этого ни в грош не ставила и постоянно держалась со мною того милоснисходительного тона, который вам сразу показывает, что вы – нуль, и больше ничего. Читать она никогда не читала, но, узнав от меня про Четьи-Минеи, заинтересовалась ими. Стали у нас устраиваться чтения вдвоем – я чтицей, она слушательницей. Старички утешались, на нас глядя. В моих же глазах вскоре после того святые образы начали несколько опошливаться. Как это случилось, не знаю, только помню, что рядом с чтением пошли у нас разговоры на темы «грязные». Раз как-то Ниночка спросила

меня, какого святого я больше всех уважаю, на мое недоумение пояснила, что сама выше всех ставит Михаила, и праздники его празднует, и ручки его на иконе с особенным удовольствием целует. Постоянно стала об этом Михаиле говорить, и оказалось, что подразумевается тут Миша-послушник, чернокудрый молодой келейник того самого архимандрита, к которому после монастырских обеден заходили обыкновенно чай пить. С Мишей шли у нее переглядки и заигрыванья, Миша с семинарской галантностью подносил ей просфоры, а она со своей стороны потихоньку накладывала ему чуть не полстакана варенья и чай, когда он вечерком приезжал с архимандритом к ним в дом и оставался по обыкновению сидеть в передней в качестве лакея. Должно быть, чтоб не возбудить во мне зависти, Ниночка и мне навязала поклонника, тоже из послушников, какого-то рыжего Александра, которого я, по правде сказать, по близорукости своей никогда и не рассмотрела хорошенько, тем больше что его скоро посвятили куда-то в дьяконы, перед чем он вышел из монастыря и женился. Семинаристы, кончившие курс не из лучших, часто поступают таким образом на низшую монастырскую службу до приискания мест. Очень может быть, что Александр этот так же мало знал меня, как и я его; по крайней мере, я ни просфорами, ни какими иными знаками его внимания не пользовалась. Нина время от времени находила случаи переброситься несколькими словечками с ним, так же как и с Мишей, и после того всегда сообщала, что он спрашивал обо мне или посылал мне поклон. Должно быть, врала. Несмотря на мое тогдашнее полное доверие к ней, я что-то сомневалась насчет Александра, и вообще эта история мне не льстила, хоть я и остерегалась выдать такое отношение свое и принимала очень усердное участие в глупой, пошлой болтовне. Иногда, впрочем, гонор заговаривал во мне так резко, что Нина принимала смиренно-поучительную мину и говорила: «Это у тебя оттого, что ты разных романов читалась, про графов да князей. А Миша и Александр – люди бедные, ты ими пренебрегаешь. Это большой грех... Они носят “ангельский образ”... Для меня гораздо приятнее доставить утешение монаху, чем про каких-нибудь господ мечтать. В моей любви к Мише ничего дурного нет, потому что сам Бог велел о его служителях заботиться – и принять их, и угостить. Александр считает тебя тоже, верно, простой девушкой, благочестивой, но он, бедный, ошибается! ты модами заражена – мы тебе

не партия». Слушая подобные речи, я чувствовала себя виноватой и старалась смириться.

Вслед за Мишей и прочими монастырскими служками вниманием Нины стал пользоваться молодой, статный, «кровь с молоком», лакей Иван, служивший выездным у моей бабушки, ловко и бережно подсаживавший старушку в карету или в сани и лихо командовавший кучеру: «Пошел!» Нина делала ему глазки и толковала мне, что я не умею ценить своего счастья, находясь так близко к красавцу и оставаясь равнодушной к нему. Странно, что за весь этот период лет двух-трех, когда мы были почти неразлучны с Ниной (видались с нею почти каждый вечер), я гораздо больше помню ее, чем себя; как-то терялась я за нею, не делая самостоятельных шагов, а только повинаясь и подражая. Подражание доходило до того, что я переняла ее выражения, ее манеры и была однажды очень сконфужена своей великосветской тетушкой, с неприятным изумлением заметившей, что ее племянница «ломается» и делается похожа на «эту мешанку»: «Мне было совестно за тебя в церкви; генеральша П... смотрела на тебя... ты совсем не умеешь себя держать...» Сама эта тетушка, когда-то царица балов, была образцом величавой грации и аристократической простоты, известный финансист находил у нее «ум министра», а два архиерея вели с нею постоянную переписку. Я особенно чтילה ее за это последнее обстоятельство, всегда с большим удовольствием бывала у нее, внимательно слушала ее авторитетно-деловые разговоры – не со мной, конечно, а с «большими», ценила ее редкую, чрезвычайно мягкую и ободряющую ласку и вообще считала эту величавую особу в значительной степени «идеалом». И вдруг неожиданный выгсвор!.. Я так верила ей, что с этой минуты Нина, кажется, немножко понизилась в моих глазах, а быть может, она понизилась и позже. Повторяю: я не отдаю себе теперь ясного отчета в тех годах. Они вырвали меня из мира высоких стремлений и окунули в пошлость, подделаться к которой вполне я не могла, хотя считала необходимым. Нину все называли милой и умной (потому-то меня так и удивило презрительное «эта мешанка», кинутое тетушкой, но разве и в ее презрении было что-нибудь определенное, кроме сословного чувства?), Нина сама считала себя милой и умной. Я же, вместо всяких достоинств, обладала феноменальной дикостью и боялась открыть рот при старших, а равных, кроме Нины, никого тогда не встречала. Мне каза-

лось, что такая невыгодная для меня разница зависит преимущественно от того, что Нина все знает и понимает, а я, хоть смотрю 16-летней, но знаю мало, смутно, и все как-то по книге, не из жизни. Даже Четьи-Миней не дали мне тех последних слов которыми, по-видимому, владела моя подруга. Спрашивать нее было стыдно, потому что я притворялась понимающей и не хотела наталкиваться на вариации выражения, преследовавшего меня с самого раннего возраста: «Мала еще!..»

Как раньше меня заинтриговало слово «amant», так случилось гораздо позже со словом «наложница». Именно около того времени, когда я при 14-летнем возрасте имела 16-летний вид, один из моих дядей, последовательно рассказывая за чаем про свои визиты к соседям, прервал этот рассказ неожиданной вставкой: «Ах, представьте, какой у Анд-ва мальчишка скверный – лакеишка его! Отворяет; спрашиваю: “Дома барин?” – Говорит: “Нет-с”. – Говорю: “Кому же записку оставить, чтоб поверней в руки барину передали?” – Говорит: “Я передам”. А сам в какой-то замасленной рубаше, руки в саже, рожа дерзкая. – “Нет, – говорю, – брат, давай-ка мне кого-нибудь поумней тебя постарше; есть кто-нибудь дома?” – Вдруг он: “Наложница дома”. – Я на него как крикну: “Щенок ты! смеешь так разговаривать! вот погоди – я барину скажу, похвалит он тебя”. Покраснел весь, поправляется, говорит: “Экономка дома”. Я встретился потом с Анд-вым, да уж ничего не сказал ему; что его тревожить, мальчишка и так будет помнить!..» За столом возник спор: в самом ли деле следует промолчать перед Анд-вым или предупредить его, чтоб он научил парня держать язык за зубами. И все это из-за слова, положительно мне неизвестного! Я ломала голову: «Наложница... потом экономка... Всякая ли экономка наложница? и чем это слово могло задевать Анд-ва? Мальчик сказал что-то нелестное о женщине? Почему же толкуют не о ней, а об Анд-ве. Он при чем тут? Или ему было бы неприятно, что у него живет дурная женщина? Тогда незачем колебаться предупредить его. Он должен же знать, какие люди у него живут. И за что набрасываться на мальчика, если тот, может быть, сказал правду? Но правда-то тут в чем? – вот вопрос». Вспомнилось мне, что есть такое слово где-то у Пушкина, но что там я не обратила на него внимания. Требовалось, значит, отыскать его: авось, общий смысл содержащей его фразы поможет осветить...

Слово было разыскано (все-таки тайком, конечно), но свету не дало. «Наложницы» выходило здесь синонимом невольниц, рабынь. А там «наложница» – экономка. Из-за чего ж в таком случае сыр-бор горел?..

Обидно подумать, что на разрешение подобных вопросов тратилась пытливость юных лет. Если б старшие относились к делу воспитания разумнее, если б не создавали на каждом шагу запрещенных плодов, то, конечно, полуребяческой мысли не пришлось бы так подолгу останавливаться там, где остановки ей не только не полезны, но вредны. Невозможно предохранить ее от столкновения с разными житейскими подробностями, да и не нужно особенно охранять. Пусть бы только комментарии к этим подробностям не назревали внутри, а свободно выбалтывались и постепенно получали настоящую окраску. Впоследствии, когда мне самой приходилось иметь дело с детьми – моими племянниками и племянницами, я, помня свое детство, никогда не оставляла ни одного «щекотливого» вопроса без ответа спокойного и насколько возможно более удовлетворительного. Так, однажды у меня спросили, что такое побочный сын. Я очень обстоятельно объяснила, что разные страны, разные народы имеют и разные формы законного брака, т. е. договора, условия, заключаемого между мужчиной и женщиной и обязывающего их с этих пор жить вместе, делить богатство и бедность и сообща воспитывать детей, если дети у них будут; в случае смерти одного из супругов или обоих, состояние, какое останется, переходит к детям; если кто-нибудь захочет их обидеть, отнять у них наследство, доставшееся от родителей, то на это можно жаловаться, и закон заступает за детские права. Когда же бывает так, что мужчина с женщиной живут вместе, не вступив предварительно в брак, т. е. не выполнив законных форм, то и дети, которые у них рождаются, не считаются законными – не имеют права на отцовское наследство и даже могут быть брошены отцом; в таких случаях заступаться за них трудно, так как нигде не существует записей, которые доказывали бы, что их мать была женой их отца. Разумеется, между честными людьми подобных историй не случается, но ведь честность далеко не общее свойство, и потому незаконным или, иначе, побочным детям часто приходится плохо. Мои собеседники вполне поняли меня, и я уверена, что эта тема, освещенная с юридической стороны, осталась для них вне всякой пикантности.

Возвращаюсь теперь к прерванному и расскажу один случай, при котором в первый раз сознательно шевельнулось во мне женское чувство, до тех пор спавшее, несмотря на множество мыслей, раздражавших и по временам буквально угнетавших мозг до невозможности заняться чем-нибудь другим. Вставлю здесь еще одно *NB*. Из меня непременно хотели сделать музыкантшу, хотя способностей музыкальных я почти не имела и в конце концов достигла только механической беглости; упражняться над гаммами заставляли сряду часа четыре, иногда пять в день, эти часы были главным временем вредных мечтаний, так как в музыке участвовали только глаза и руки: глаза по привычке читали ноты, руки исполняли, тоже по привычке голова же нисколько не участвовала в деле, чего нельзя было ни в каком случае устроить во время переводов с иностранного и других письменных упражнений. Был вот какой «случай». В первый день Пасхи, часу в третьем, сразу съехалось много лиц с визитом к нам в дом. Все это были более или менее тузы, с орденами на груди и лысынами на головах. Я их всех как-то боялась, потому что они обыкновенно поддразнивали мою дикость спрашиваясь о моих успехах в музыке и рисовании, насмешливо качали головами при неодобрительных отзывах и вместе с тем ради поощрения, трепали по плечу или по щеке. В этот раз обо мне также не забыли спросить, и я была вытребована из своей комнаты, чтоб «христосоваться». С игривыми шуточками перцеловали старики стоявшую перед ними девочку, которая между тем думала только, как бы поскорей убежать. Собственно от поцелуев смущения не чувствовалось ни малейшего, в этой неизбежной, по моему тогдашнему мнению, пасхальной церемонии худшее было то, что приходилось являться перед всеми в гостиную. Наконец, кажется, кончено; рябой, высокий, сухощавый председатель какой-то палаты, с лукавой добродушной улыбкой на тонких губах и с юмором в мягкой малороссийской речи, похристосовался уж во второй раз, утверждая, что он молодеет, над ним засмеялись, стали про него что-то рассказывать, на меня перестали обращать внимание, и я поспешила сделать «налево кругом», чтоб «удрать». «Куда? куда? а с Николаем-то Семеновичем христосоваться!» – закричали мне вслед голоса. Я остановилась на середине следующей комнаты и, обернувшись, недоумевала, что теперь следует делать: вернуться в гостиную, что ли?.. Николая Семеновича я не видела

за толпой, но он мгновенно выделился и быстро пошел ко мне. Это был человек еще совсем молодой, только что кончивший университетский курс. В качестве чье-то временно прикомандированного чиновника особых поручений вращался между орденами и лысынами, но, не имея характера Молчалина, никому не прислуживался и смотрел человеком, который «сам по себе», чему в значительной степени могло способствовать его независимое состояние: Николай Семенович имел дом и ездил в собственной коляске. Часто бывал он у моих родных; я видала его за обедом, мне нравились его темные, глубокие, серьезные глаза и еще то, что меня этот гость не только не дразнил, но даже и не заговаривал со мной, ограничиваясь всегда молчаливым поклоном... Теперь он, как бы вытолкнутый восклицаниями стариков, поспешно шел ко мне – я думала христосоваться. Он или кто другой – для меня было все равно, я ждала этих поцелуев только, чтоб окончательно отвязаться; меня гнело отвратительное чувство, когда «на ногах словно гири железные, кипятком налита голова, странно руки торчат бесполезные, на губах замирают слова»⁴... Наши глаза встретились: он глядел на меня в упор, и в этом горячем, красноречивом взгляде я мгновенно прочла целую речь – он оскорблялся, возмущался за меня, говорил мне, что я уже не ребенок, что не должна позволять фамильярностей, что мне пора себя уважать... Я очень изумилась, поняв все это, и вместе обрадовалась. Не знаю, выразилось ли мое чувство на моем лице, – думаю, что да. По крайней мере, мне показалось, что он тоже обрадовался моей понятливости, и когда, вместо трехкратного поцелуя в губы, молча наклонился поцеловать мою руку, то крепко сжал ее, а затем в его взволнованном, почти суровом выражении мелькнула ласковая-ласковая улыбка... В свою комнату я прибежала совсем счастливая. Счастливая именно тем, что «большая». Лицо, открывшее это мне, оставалось на дальнем плане, и только мое я – я взрослой женщины – рисовалось передо мною. Это не был проблеск первой любви, был просто расцвет женственности. Лет мне насчитывалось, пожалуй, пятнадцать, так что, значит, ребячество оказывалось довольно запоздалым, несмотря на множество прочтенных романов и на толки с Ниной...

⁴ Неточная цитата из стихотворения Н.А. Некрасова «Застенчивость» («Ах ты страсть роковая, бесплодная...»).

Запоздалость эта сказывалась во многом и прекрасно уживалась рядом со скороспелостью. Например, я заодно с Ниной увлекалась эротической стороной песен Кольцова (художественные достоинства их стали мне понятны гораздо позже) и твердила подчеркнутые гимназистом – поклонником Ниной слова: «Обойми, поцелуй, приголубь, приласкай; еще раз – поскорей – поцелуй горячей»⁵; в то же время очень усердно повторяла одной своей старушке-родственнице, чтоб она непременно подарила мне на именины «Contes des fées» Перрольта и еще. «Степку-Растрепку»⁶! Желание было совершенно искренним и сильное!.. С обеими этими прелестями (впрочем, теперь-то совестно валить их в одну кучу – они ведь далеко не одного кабрибра) первое знакомство было сведено в раннем детстве, лет в семь-восемь. Только тогда не удалось вполне насладиться книжки были чужие, данные на день, на два. С тех пор стремление к приобретению их превратилось в *idée fixe*, которая и жила в одном уголку мозга, сама по себе, не справляясь с другими сторонами умственного развития. Надо прибавить, что когда в конце концов явилось удовлетворение и Перрольт вместе со «Степкой-Растрепкой» улеглись среди прочих моих собственности, никакого удовольствия я не ощутила: стоило раз взглянуть в эти страницы, чтоб почувствовать их неуместность теперь и разочароваться. Часто ведь человеку приходится разыгрывать роль крыловской Белки, получившей воз орехов только тогда, когда уж зубов не стало⁷...

«Однако что есть ценного и поучительного в таких обрывках воспоминаний? – скажет, пожалуй, читатель, – нечто вроде этого сохранилось у каждого в собственном уме, и, если не полениться туда заглянуть...» Вот в том-то и дело, что «если не полениться»; и еще: «если найдется на это время», и еще: «если признать нужным». Девяносто примеров из ста доказывают, что опытами своими и чужими вообще очень полезно пользоваться, а между тем лень, недостаток времени и неполное сознание необходимости постоянно мешают. Мы именно желали бы вызвать в наших читателях оглядку на пережитое и на перечувствованное, чтоб

⁵ Стихотворение А. В. Кольцова «Последний поцелуй».

⁶ Имеются в виду книга Шарля Перро (Perrault) «Волшебные сказки» и популярный, многократно переиздававшийся перевод книги немецкого писателя Генриха Гофман-Доннера «Struwelpeter» (буквально: «Петька-растрепка»).

⁷ Речь идет о басне И. А. Крылова «Белка» («У Льва служила Белка...»).

строить те или другие выводы на прочном фундаменте фактов, а не на отвлеченности «общих мест». Каждая отдельная человеческая личность складывается из многих данных: некоторыми награждает наследственность, другими – обстановка детства, третьи воспринимаются уже человеком взрослым из окружающей его среды и вместе из глубины его собственного сложившегося сознания. Воспитателям нужно уметь вглядываться в первые и влиять на характер вторых. Черты наследственности обоюдоостры (самоуважение порядочного человека и самомнение гордеца, умение сдерживать бесплодные порывы негодования и холодная индифферентность, ставящая свою «хату с краю», осторожность и трусость, бережливость и скупость и т.д.), воспользоваться можно почти каждой чертой характера, исключая только черту глупости, – эта совсем безнадежна в отношении ее забота воспитания должна ограничиться тем, чтоб ее, так сказать, обезоружить – сделать безвредной как для других, так и для самого несчастного ее обладателя. Что касается до создания условий обстановки детства, то тут воспитанию открывается простор довольно широкий и роль значительная. Говорим «воспитанию», а не «воспитателям», потому что сил единичных для этого мало. Конечно, и они приносят свою долю пользы, но всегда нужно желать большего.

По отношению к главному предмету нашей статьи более, чем по многим другим вопросам, необходимо общее соглашение, отдельные старания исправить не приведут здесь почти ни к чему. Детей, получающих домашнее воспитание, сравнительно мало, и, кажется, о них можно сказать, что от возможности развратить воображение они стоят дальше, чем воспитанники и воспитанницы заведений даже открытых, а закрытых тем более. Это и понятно: дети, постоянно остающиеся в семье, довольно изолированы вообще от всех посторонних, как мальчиков, так и девочек; если еще притом не подчеркивать им ничего, не допускать по отношению к ним *приличных* наставлений вроде того, что мальчикам стыдно играть с девочками и т.п., то очень легко их надолго предохранить от всяких скользких предположений. Между тем, как только ребенок поступает в учебное заведение, он сейчас же наталкивается на половое обособление; разумеется, сначала не отдает себе отчета в нем (предполагая, что раньше до него не коснулась никакая мысль об этом) и только отмечает себе, что брат и сестра – какие-то противополож-

ные полюсы (слова такого не употребляет, вероятно, но ведь не о слове и речь). Товарищеские наталкивания ведут дальше, а затем и получается та картина, которая набросана в начале нашей статьи. Случилось нам как-то раз в провинции встретиться с гимназисткой лет 13–14, крупной, неуклюжей, загорелой поповной, незадолго перед тем привезенной из дальнего уезда, где она кончила курс в прогимназии, и определенной прямо в 4-й класс. Требовалось о чем-нибудь побеседовать с нею, чтоб сделать удовольствие ее маменьке и вместе чтоб удовлетворить собственное любопытство насчет этой коренастой фигуры, плотно поместившейся в кресло и глядевшей невозмутимым, довольно твердым и вместе несколько сонным взглядом. «Чем же вы занимаетесь теперь в гимназии?» – явился стереотипный вопрос. «Все больше о мужчинах говорим», – грубым контральто и с полным апломбом прозвучал ответ, уж совсем не стереотипный, – напротив, в высшей степени неожиданный. Дочь природы сказала; не будь она так неладно скроена, ее оригинальная по своей прямоте фраза не имела бы в себе столько комизма и допускала бы продолжение странного разговора: но с нею не было возможности это позволить себе – про себя смеяться над юностью, пользуясь ее неведением жизни, слишком неловко. Пришлось пропустить интересное сообщение мимо ушей и направить речь на другое.

Те, кому случалось бывать на детском балу и следить за ним наблюдательным взглядом, знают впечатление, производимое этим полурасцветшим букетом. Многим эти балы нравятся. Чадолюбивые родители и родственники, со своей точки зрения, приучают здесь сынков и дочек к «карьере», к ловкости, к одному из видов погони за призом. Но... рядом с *многими* существуют *немногие*. Между ними, например, Достоевский. В своем «Дневнике писателя» (прекрасный был этот «Дневник» в течение всего первого года, сколько глубокого было в нем!), в первом номере за 76-й год говорит он о рождественской елке и танцах в клубе художников. Проникает в них (Достоевский сам любит это слово – потому и берем его) взглядом романиста-психолога, человека нервного и чуткого:

«Сначала танцевали дети, все в прелестных костюмах. Любопытно проследить, как самые сложные понятия прививаются к ребенку совсем незаметно, и он, еще не умея связать двух мыслей, великолепно иногда понимает самые глубокие жиз-

ненные вещи. Один ученый немец сказал, что всякий ребенок, достигая первых трех лет своей жизни, уже приобретает целую треть тех идей и познаний, с которыми ляжет стариком в могилу. Тут были даже шестилетние дети, но я наверно знаю, что они уже в совершенстве понимали: почему и зачем они приехали сюда, разряженные в такие дорогие платьица, а дома ходят замарашками (при теперешних средствах среднего общества – непременно замарашками). Мало того, они наверно уже понимают, что это вовсе не уклонение, а нормальный закон природы. Конечно, на словах не выразят; но внутренне знают, а это, однако же, чрезвычайно сложная мысль. Из детей мне больше понравились самые маленькие; очень были милы и развязны. Постарше уже развязны с некоторою дерзостью. Разумеется, всех развязнее и веселее была будущая середина и бездарность, это уже общий закон: середина всегда развязна, как в детях, так и в родителях. Более даровитые и обособленные из детей всегда сдержаннее, или если уж веселы, то с неприменной повадкой вести за собою других и командовать <...> Девочки <...> понятнее мальчиков. Почему это девочки, и почти вплоть до совершеннолетия (но не далее), всегда развитее или кажутся развитее однолетних с ними мальчиков? Девочки особенно понятны в танцах: так и прозреваешь в иной будущую “Вуйку”, которая ни за что не сумеет выйти замуж, несмотря на все желание. Вуйками я называю тех девиц, которые до тридцати почти лет отвечают вам: *вуй да нон*⁸. Зато есть и такие, которые, о сю пору видно, скоро выйдут замуж, тотчас как пожелают. Но еще циничнее, по-моему, одевать на танцы чуть не взрослую девочку все еще в детский костюм; право нехорошо. Иные из этих девочек так и остались танцевать с большими, в коротеньких платьицах и с открытыми ножками, когда в полночь кончился детский бал и пустились в пляс родители».

Слово «циничнее», содержащее в себе сравнение с общим впечатлением, является у Достоевского как-то само собою, хотя раньше он и не определил этого впечатления. Оно, значит, должно подразумеваться, не может не подразумеваться. И точно: «циничность» – истинное клеймо экспериментов, сознательно или бессознательно проделываемых над детской при-

⁸ Вуй и нон – так Достоевский передает в русской огласовке *oui* и *non* (фр.) – да и нет.

родной чистотой. Они, конечно, прикрыты и замазаны, но ведь это все равно...

* * *

Теперь представим себе детские взаимные отношения в корень измененные. Думаем, что для этого, прежде всего надо вообразить повсеместное преобладание школ смешанных. При вступлении в эти школы для детей продолжалась бы нормальная жизнь семьи, только узкие кружки сестер и братьев раздвинулись бы в более широкие круги товарищества без различия пола. Нет почвы, прочнее и разумнее сближающей, чем почва общего дела. Разумеется, наблюдение нужно, наблюдение понимающее, не стоящее за одни внешние «приличия», а вникающее в смысл явлений. Но где же и когда оно не нужно? Разве не требуют его безобразные, безнравственные привычки, которые так распространены в мужских пансионах? Разве не приходится прислушиваться и к гимназическим, а тем более институтским разговорам «о мужчинах»? Не очень давно нам рассказывали об одной девочке, исключенной из института именно за крайне неудобную форму такого разговора. Это сирота, 12 лет; дома росла она почти без всякого призора: правда, у нее был еще тогда отец, но вечно пьяный; подросток брат, тоже начинавший уже потихоньку тянуть из забываемых бутылок, развратничал у нее на глазах и забавлялся, уча тому же ее. Когда отец лишился ног, родные разобрали младших детей (семья была большая), отчасти устроили их по заведениям, и в том числе эту Варю. Через год она оказалась исключенной: нечто, слышанное собственными ушами начальницы лишило ее всякого права на снисхождение. Доставили девочку домой, по-видимому, не особенно огорчив ее этим; впрочем, быть может, сильно развитое самолюбие ее не выдало огорчения. Месяца через два больной отец умер, и Варя опять очутилась в благотворительных стенах, но только уже не института, а просто приюта... Если попробовать взглядеться во все это то целесообразность подобных воспитательных мер способна возбудить сомнения. Чего хотели и чего могли достигнуть исключением? Ведь фраза была уже произнесена, пущена в обращение, значит, нельзя вычеркнуть ее из впечатления тех, в чью собственность она перешла. Сгладить ее, пояснить, окрасить в новый цвет — вот что следовало сделать. И сделать непременно.

но тихо, спокойно, серьезно. Обмыть рану и перевязать, а не бить по ней. Наверно, исключение заставило заговорить об этой злополучной фразе всех девочек и во всех классах, только потихоньку, так, чтоб уж никто из могущих исключать не выслушал. Если, как мы видели выше из дневника, одно случайно подвернувшееся словечко «amant» могло натолкнуть ребенка на длинный ряд смутных мыслей, то, конечно, целое событие еще более способно на это. Пусть бы начальница позвала к себе Варю и ту девочку (или тех), с которыми шел у нее разговор; пусть бы сказала им что-нибудь вроде следующего: «Я слышала, о чем вы между собой говорили; вы думаете, может быть, что я стану бранить вас, – совсем нет, я хочу объяснить вам, почему именно не желаю, чтобы такие речи велись в нашем заведении. Вы знаете из опыта своего собственного и из наблюдений, что дети не могут вырасти без попечения о них со стороны взрослых. Видали вы маленького ребенка, который тянется к свечке, тащит к себ склянку с чернилами или поднимает плач, когда ему не дают мороженого? Вы, конечно, не думаете, что в таких случаях было бы лучше дать ему обжечься огнем, облиться чернилами или заболеть от вредного для него кушанья? Объяснить ему в его возрасте ничего нельзя; остается прямо помешать ему, остановить его, хотя в то время он очень огорчится и расплачется, по-своему представляя себе, что с ним поступают несправедливо.

Ребенок вырастает, достигает, например, ваших лет; многих прежних опасностей для него не существует, зато есть другие. Вот хоть эта: он может услышать от кого-нибудь недавние Варины слова: “Сделайте то-то и то-то, так делают большие, это очень приятно”. А между тем приятность тут точно такая, как крошечному ребенку от мороженого, даже еще хуже: ведет она к болезни, и очень серьезной. Вы не хотите быть больными? Не хотите создать себе на всю жизнь печальное, жалкое существование? В таком случае, не слушайте Варю, и вы сами, Варя, не делайте того, что находите “приятным”. Многие внутренние органы не развиты у детей так, как у взрослых; если заставить их исполнять работу, к которой они еще непригодны, то этим приносится вред, и он сильно отзывается на всем организме. Если ребенка часто пробуют ставить на ноги прежде, чем он может на них держаться, ноги делаются кривые, слабые и служат плохо; если кормят неподходящей пищей, получается

болезненность желудка, остающаяся на всю жизнь; если вы будете делать то, чему учит Варя, у вас пострадает один важный внутренний орган, который у взрослых людей служит к проведению детей; Варя вам уже объяснила его назначение, но вы все забыли, что ведь дети рождаются только у больших, — значит тут не в том дело, чтобы узнать это назначение, а в том, чтобы дать этому органу, как и другим, сформироваться, окрепнуть, вырасти здоровым. Затем, я вас всех очень прошу не распространять нашего разговора дальше; вы понимаете, что я должна и хочу заботиться о здоровье всех моих воспитанниц.

Нет сомнения в том, что подобное отношение всегда полезнее, чем «натиск и быстрота». Детей очень легко заинтересовать в деле их собственного воспитания, но только не следует в этом пересаливать, ежеминутно разъясняя им свои шаги. Серьезные случаи порицания должны быть как можно точнее мотивированы, таким путем приобретается доверие; а раз оно приобретено и упрочено, дети уже не торгуются из-за мелочей и не надо им позволять торговаться, если бы даже захотели. Во-первых, очень скучно отвечать на ежеминутные «зачем?» и «почему?» (слугами детей совсем не нужно себя делать без крайней надобности); во-вторых, часто им самим легко додуматься до причин; в-третьих, иногда, когда они не в силах додуматься, то и объяснить бывает трудно. Именно в мелочных случаях труднее, чем в крупных, потому что приходится брать в расчет разные житейские соображения, не со всех сторон доступные детям. Для примера возьмем соображения о том, что «дорого» и что «дешево»; ясно, что ребенок, еще не знающий цены труда и времени, часто является в толках об этом только попугаемым; тем менее компетентен он в суждениях о тех или других людях и т. д. Его можно, а иногда даже должно, делать свидетелем таких суждений, но никак не участником, пусть прежде выработает в себе многосторонность взглядов.

Однако мы отклонились в сторону. Речь шла о том, что серьезные наблюдения требуются и теперь в школах разнородных не меньше, чем требовались бы в школах смешанных. Одну смешанную школу (частную) мы знали и следили за ней в течение двух лет. Дело шло в ней прекрасно, и это не единичное мнение. Большинство детей было в возрасте от 8 до 12 лет, принадлежали они преимущественно к кругу вообще довольно жеманному, напевающему детям о «женихах» и

«невестах», о том, что «нехорошо мальчикам с девочками играть», что мальчику «стыдно играть в куклы», а девочке «в лошадки» и т. п. Тем не менее, взаимные отношения установились совершенно легко и просто. Классные занятия уравнивали всех, и когда наступала минута отдыха, равенство это оставалось в полной силе. Первой ученицей (т. е. не первой по месту или по баллам, так как ничего такого не практиковалось, а первой по общему сознанию) была девочка. Она сама это чувствовала, и этим вливалось в нее особое радостное настроение, выражавшееся в бессознательной готовности поддержать других, помочь, объяснить, утешить светлой, ласковой улыбкой; была в ней и черточка гордости – хорошей, чистой гордости вожака-передового, отважно и красиво выходящего вперед «своих», которых он хочет ободрить. Зависти в отношении к ней никто из товарищей не чувствовал, потому что она сама не давила своим превосходством и учительница тоже превосходства ее не подчеркивала, не делала неприятным для других. Сам собою создался пьедестал, на который ее поставили, значит, стали несколько «боготворить», девочки и мальчики вместе, и девочки не меньше мальчиков; выражалось это в формах чисто детских: в выборе любимых ею игр и т. <ому> под. <обном>. В числе мальчиков был один тоже очень способный, моложе ее одним годом и позже начавший учиться; он шел за ней с горячим соревнованием, дружески гордясь ее успехами. Перед его поступлением в школу учительницу предупреждали, что это мальчик чрезвычайно испорченный, лживый, забияка и т. д.; может быть, все это и было так – но вместе с тем не имелось недостатка в природном уме, и этот ум при поступлении мальчика в школу сразу обогатился множеством новых впечатлений, которые отвлекли от прежних проявлений характера и вызвали новые черты: забиячество перешло в особого рода рыцарство, взявшее на себя охранение слабых – девочек и мальчиков безразлично; лживость как-то сконфузилась, стусевалась и превратилась в скрытность, прорывавшуюся по временам покаянными припадками, видимо, стоившими больших усилий; вообще произошло «смягчение нрава». Отчасти это зависело от хороших отношений учительницы с учащимися, а отчасти и от присутствия в среде товарищества женского элемента, до тех пор мальчику совсем незнакомого (в семье у него сестер не было, а было только несколько «братьев-разбойников», и стар-

ше, и моложе его). Между девочками насчитывались две-три равные ему и по физической силе, так что относиться к ним свысока он ни с какой стороны не мог.

Под впечатлением общих в то время разговоров о начавшейся войне школьные забавы окрасились особенным колоритом: вместо игр в колдуны и т.<ому> под.<обное> пошла игра в войну. Девочки приняли в ней деятельное участие. Сначала шло так, что просто делились все на два враждебные лагеря, а потом стали выделять санитаров и маркитанток; почти всегда на эту роль назначались субъекты более «нежные», способные заплакать при неосторожном толчке или просто при неудаче. Учительница не вмешивалась в дело, дети прекрасно справились сами, и ни разу среди этих примерных боев не произошло никаких неудобств: игра оставалась игрой и не переходила в драку, на что нередко жалуются учительницы школ исключительно «мальчишеских». По окончании классов, расходясь по домам, разбивались на группы: девочки с девочками или девочки с мальчиками. Случалось, что мальчики провожали девочек и наоборот, и родители ничем не протестовали против этого, тоже привыкнув постепенно к простоте отношений и подчиняясь ей, как подчиняются у нас всегда и хорошему и дурному, исходящему из какого-бы то ни было центра, не позволяющего входить в свой монастырь с непрошеным уставом. Одна из родительниц увещевала своего дурно учившегося сына тем, что он должен «перед девочками» постыдиться, другая тоже пробовала говорить что-то в этом роде своей дочке, но поучения их оставались бесплодными, затериваясь в более сильном чувстве общего равенства перед школой.

А чувство-то тут и важно, раз оно привито, вытравить его трудно. От одной молодой девушки, в детстве учившейся года четыре в смешанной школе, мы слышали рассказ о том, как ей лет в 11–12 пришлось познакомиться с ровесницей-гимназисткой, не замедлившей посвятить ее в разные пошлости и, между прочим, в свое «обожание» к учителю музыки. Сообщения эти выслушивались с интересом, но плодов не приносили по причине неподготовленности почвы. Школьная привычка брала свое, и как мальчик, так и взрослый мужчина, не представлялись ничем особенным. С другой стороны, предлагаем взглянуться в противоположную крайность, в привычные чувства учащихся в заведениях закрытых. Говорим по опыту, что никакими «спа-

сительными» разговорами там невозможно влиять; в чинном с виду приюте, между пятнадцатилетними девочками, рядом с которыми всегда толкуются и десяти- и двенадцатилетние, сказалась при нас откровенная фраза: «Я люблю жалостные истории и картинки, где целуются». Стоило там послушаться мужскому голосу (хотя бы голосу молодого дворника), чтобы по всем этим настроенным организмам пробежало электричество, чтобы некоторые лица тотчас как будто опьянели, другие приняли усиленно-наивное выражение, третьи вспыхнули.

Зло это глубокое и серьезное, и вниманием обделять его не следует.

КАК ДЕТЕЙ ПОРТЯТ*

Из заметок учительницы

Много ли еще там понимают?» – говорят про детей лет пяти и меньше. Действительно, они понимают немного, но тем сильнее воспринимают чувством. У них нет тех промежуточных колебаний, недоумений, сомнений, которые у взрослого человека встают между впечатлением собственно и восприятием его. Оттого-то им так легко сделаться избалованными и оттого же, с другой стороны, детям, забитым в раннем возрасте, так трудно стряхнуть с себя эту забитость впоследствии. Воспринятое в детстве воспринимается с большой силой и в полной цельности, а потом оказывается, что жизнью требуется многое из воспринятого вытравить. Задачи воспитания этим усложняются, и мы встречаем такого рода усложнение постоянно, на множестве примеров. Нередко приходится говорить на эту тему со «старшими», которые с теорией всегда более или менее соглашались, но на практике применяют ее далеко не всегда. Особенно много слов потратила я по этому поводу с одной гувернанткой и вот теперь хочу обрисовать в своем очерке ее отношение к ребенку.

Женщина она уже была немолодая. Гувернантовала двадцать лет сряду в разных домах, и от всех домов получала самые лучшие аттестаты. Добросовестность имела примерную, даром хлеба есть не хотела, и в этом отношении заслуживала уважение полное. Когда она поступила к моим родственникам, ей поручили старшую из двоих детей – семилетнюю Веру, болезненную, нервную, изнеженную, но очень умную и глубоко добрую девочку. Наталья Петровна совсем не сумела за нее взяться. Кодекс готовых, однообразных, выработанных 20-летней практикой правил оказался совсем непригодным. Тут, напротив, требовалось применяться, изобретать новое, фантазировать, варьировать. Наталья Петровна не умела ни сдерживать

* Впервые: Женское образование. 1882. № 5. С. 325–330; 1883. № 8. С. 513–523.

горячих взрывов, ни откликаться на такое же горячее раскаяние. Перед взрывами она терялась – мелодраматически ахала или бессильно сердилась, а когда следовало успокоить, начинала пилить. А главное – она всем жаловалась на свою воспитанницу, на то, что не может с ней справиться. Уж, конечно, это не было средством приобрести влияние, и в конце концов обе стороны дошли почти до ненависти друг к другу. Кстати в это время случилось, что нянька младшей девочки, Саши, должна была оставить место, чтоб уехать к мужу в деревню. Наталья Петровна очень любила Сашу, и ей предложили взять ребенка исключительно на свои руки. Она согласилась очень охотно, по усердию своему предложила оставить при себе и Веру, но, вероятно, не пожалела, когда от Веры ее освободили.

Саше в это время только что минуло три года. Девочка крепкая, здоровая, веселая совершенно покорила сердце старой гувернантки, которая стала ее обожать, как, быть может, «обожала» в дни своего институтства. «Саша, ангел мой! солнце мое!» – с такими восклицаниями Наталья Петровна целовала пухленькие щечки и ручки. «Вы представьте, как она умна!» – говорилось каждому гостю, и вслед за тем шел рассказ, имевший целью доказать успехи этого ума. «Красавица! все спрашивают в саду: неужели вы ее каждый день завиваете? Я говорю: как можно! у нее волосики сами вьются!» Мать не поддерживала таких разговоров, но и не прекращала их: ее соблазняло удовольствие слышать, что ее дочку так хвалят. Только я, в качестве строгой тетки, протестовала и спрашивала: «Вы до которых лет будете молиться на Сашу? повторять, что она и умна, и красива? Ей теперь три, но ей будет пять, десять, пятнадцать; когда-нибудь вы сочтете за лучшее молчать перед ней об ее достоинствах, чтоб не сделать ее смешной; зачем же не начать теперь? Она не будет через это несчастнее: при ней останутся и любовь, и ласки». Наталья Петровна улыбалась с блаженно-гордым видом: «Сашечку и на улице все называют красавицей». – «Ну и довольны того, что на улице называют, вы-то не повторяйте». – «Она всех в саду красивее». – «Вы находите, что ей лучше расти с таким сознанием?» – «Дитя еще она». – «Поэтому-то и не нужно вкладывать в нее бесплодных мыслей». За обедом Наталья Петровна всеми способами маневрировала, чтобы Саше положили первой, чтобы ей выбрали лучший кусочек: «Сашечке крылышко, Сашечка любит крылышко».

Не знаю, как делалось без меня, но при мне мать чувствовала мой педагогический взгляд и возражала: «Тетя тоже любит крылышко – я положу ей, а другое уж Верочке положила». Саша вообще спокойная, раньше никогда не волновалась из-за своего первенства, постепенно, однако, ей стало сообщаться настроение ее путеводительницы, и она начала протягивать к каждому блюду свою тарелку: «Саше! – просит! милая!» – умилялась Наталья Петровна. Как ребенок здоровый, Саша имела всегда хороший аппетит; тем не менее, в конце каждого завтрака и обеда Наталья Петровна обводила присутствующих торжествующим взглядом и твердо возвещала: «Саша прекрасно покушала!» Иногда эта стереотипная фраза врывалась в минутный промежуток какого-нибудь интересного общего разговора, и тогда всем невольно становилось смешно. Наталья Петровна с некоторым недовольством пожимала плечами и произносила с достоинством: «Я сказала о Саше!» Чтоб загладить смех над человеком почтенным, девочку начинали ласкать, передавали с рук на руки, Наталья Петровна расцветала, спешила рассказать что-нибудь замечательное. Иногда это «замечательное» было далеко невысокого сорта. «Вообразите, – рассказывала она, например, – какая она сильная! Сегодня Софья (горничная) хотела спрятать ее синее платье в комод, а она не захотела давать – так рванула, что почти весь рукав оторвала!.. И Софью прибила!.. Такая становится!..» – «Мама, ведь Саша нехорошо сделала, – горячо запротестовала Вера». – «Даже очень нехорошо, Саша!» – серьезно вставила мать. Наталья Петровна схватилась: «Ах, да! нехорошо! Я ей говорила, что в другой раз в угол ее поставлю. Только какая она сильная!» – «Кто вам мешает радоваться и на ум ее, и на красоту, и на силу? – убеждала я иногда. – Но зачем же вы это перед ней высказываете? Вы ее делаете первой в доме, ее я растет; потом придется бороться с ним, и вы приготовляете для нее неприятные, может быть, даже тяжелые минуты в жизни».

И еще бы этому я было не расти! Оно систематически выдвигалось на первый план с утра до вечера. Саша просыпалась рано. Тотчас же в детской начиналось хлопанье дверью, раздавались повелительные: «Молока для Саши!», «Софья, Сашины чулочки!» и так далее. Наталья Петровна, по характеру смиренная, совестливая, наклонная ступешевываться, вообще личность из разряда куриц, совершенно преобразовалась, священнодей-

ствуя «для ребенка». Она как-то надувалась и считала это своим долгом. «Зачем вы всех будите?» – спрашивала я у нее уже не столько серьезно, сколько чтоб позабавиться достоинством ее ответов на все подобные вопросы. «Ах, что вы! разве я для себя? Сашечка проснулась». – «А вы с ней шепотом беседуйте, чтобы чувствовала, что не она одна в доме; молоко ей пускай принесут, и чулочки, и платье – только все потихоньку». Сама Наталья Петровна утром пила обыкновенно чай и любила чай горячий. Но с тех пор как она сделала себя неустанной жрицей избранного божества, чай простывал три раза, прежде чем она успевала выпить свою порцию. То Саша хотела сухарика, и за этим сухариком требовалось пойти в буфет, то Саше нужно было принести другую куклу, то у Саши происходила стычка с Верой, и Наталья Петровна бросалась утешать свою любимицу. «Ведь Саша была умнее прежде: никогда не мешала няне ни завтракать, ни обедать», – говорила уже не одна я, а говорили все. «Она и теперь очень умна. Золото мое! Она добрая, ласкает меня, вчера свою конфетку мне принесла». – «Наталья Петровна, да ведь это естественно, вы ее так любите, как же бы она к вам не ласкалась? Конечно, она по природе хороший ребенок, но вы ее портите, вы вменяете ей в достоинство всякие пустяки». – «Как же не вменять в достоинство? Другие дети не такие милые. Поди сюда, солнышко, дай ручку поцеловать».

От Веры требовалось, чтобы она сестре уступала во всем, под тем предлогом, что та – маленькая. С последним младшая не соглашалась, говорила: «Саша большая», но предоставляемыми правами завладевала охотно. Согнать Веру со стула, отнять у нее из рук игрушку стало самым обыкновенным способом действия. Вера, сначала оскорблявшаяся и поднимавшая плач, постепенно была как бы покорена убежденностью Натальи Петровны; ее нервная натура поддалась чужому фанатизму, и она сама примкнула к обожанию «маленькой». На этой точке прежняя враждебность воспитательницы и воспитанницы сгладилась. Их примирило то, что они имели возможность говорить друг о друге: «Она так Сашу любит!»

Само собой разумеется, что туалет «красавицы» был тоже не последней заботой у всех окружающих. Это очень пленительно – одевать дитя точно куколку. Стоит не Бог знает как дорого, по крайней мере, в сравнении с туалетами взрослых. Маленькие чулочки, маленькие башмачки, маленькие платьица,

а затем всякие пояса, перчатки, вуали предлагаются лучшими магазинами в таком изящном виде! Все это накапливается в немалом количестве, и удивительно, как быстро ребенок научается в этом разбираться. Опять признак ума, опять повод к радостям. Хотя, строго говоря, признак сомнителен: история еще не доказала, чтобы все красиво одевающиеся дамы отличались выдающимся умом. Саша принимала обнови так весело, разбирала их достоинства так искусно, что для Натальи Петровны это служило темой неистощимых похвал: «Ведь она все видит! С коричневым платьем ей надо и чулочки коричневые. А разве к белому она их наденет? И как она понимает, когда что хорошо или худо крахмалено!» Забывалось, что все внушения Софье делались в присутствии ребенка, который тут-то и почерпнул много житейской мудрости своего рода.

Привычка к мелочности – привычка очень печальная, она отнимает в жизни много времени и портит самые лучшие взаимные отношения людей. Ее прививали Саше, как прививают многим детям, излишком заботливости, суетливости вокруг нее. Недостаточно нагретое или немножко перегретое молоко делалось предметом очень длинных и очень серьезных разговоров; бифштекс без крови приводил Наталью Петровну в отчаяние, потому что «ребенку надо питательное»; каждый возвращенный из стирки фартучек рассматривался с величайшим вниманием по отношению к плойке оборок. А что было, когда девочка немножко заболела! и особенно, когда причиной болезни подозревался какой-нибудь кусок, по мнению Натальи Петровны, не в полном совершенстве приготовленный, хотя, надо прибавить, она буквально всегда была неправа в своих обвинениях. «Помните, в Екатерининском наказе сказано: “лучше оправдать десять виновных, чем обвинить одного невинного”, – внушала я полушутя старой институтке, которая почему-то из всей истории лучше помнила “век Екатерины” да еще римских Ромула и Рема. – Вы постоянно обвиняете невинных, отстаивая интересы своей Саши». – «Уж вы всегда так!..» – конфузливо отмахивалась она. «В Риме был еще Нерон, его мать испортила, и он потом ее убил; вот и вы Сашу портите – она вас потом убьет». – «Что вы! что вы! Бог с вами! страшное выдумываете». – «А уж если не убьет, так бить будет, и скоро – через год, поверьте, все станут говорить: какая дурная девочка!»

«Все станут говорить» или «все говорят» служило время от времени единственной острасткой для Натальи Петровны. Но опять беда, она буквально эту самую острастку повторяла Саше: «Перестань скорее, Сашечка, увидят, что ты делаешь, скажут, нехорошая девочка!» Детский мозг совершенно логически приходил к заключению: не надо, чтоб видели. Раз это сказалось. В доме был котенок, которого Саша привыкла порядочно мучить под видом игры с ним; мать запрещала, Наталья Петровна по обыкновению мирволила: «пусть дитя поиграет». Переехали на дачу, в первое же утро на балкон явился откуда-то прекрасный большой кот и разлегся хозяином. Саша тотчас к нему, сначала походила вокруг него, полюбовалась, потом попробовала потащить за заднюю лапу или за хвост. «Сашечка, Сашечка, что ты! нельзя этого!» – с испугом бросилась к ней Наталья Петровна. «Разве видят?» – обернулась Саша. Но в это самое мгновение кот так схватился за ее руку и зубами и когтями, что она закричала что было голосу. Сейчас на сцену явилась примочка арники, а когда все поуспокоилось, со стороны матери последовало Саше внушение: «Вперед никому не делай больно – все равно, видят это или нет». Насчет того, что девочка будет бить свою воспитательницу, то действительно, мои предсказания вполне уже сбылись. Когда я в последний раз видела Наталью Петровну, она только повторяла: «Такая стала! такая стала!» Саше было в это время пять лет. «Это ничего, что она “такая стала”, пока с нею еще можно справиться; но ведь вы, я думаю, какими-нибудь иными способами ее продолжаете портить?» – «Ах, уж не знаю! кажется, не порчу». – «Портит, – улыбнулась мать, – только я надеюсь, что потом как-нибудь это дело исправится». И действительно, может быть, «как-нибудь» исправится. А может быть, и нет. Если б всегда «как-нибудь» исправлялось, то на свете не было бы столько испорченных воспитанием людей.

* * *

Бестактность – нечто неуловимое. Конечно, это чаще всего недостаток ума. Будь это всегда недостаток ума, не о чем бы и говорить. Дело в том, что встречаются люди очень неглупые и, тем не менее, способные грешить бестактностью. У них это почти всегда или недостаток выдержки, умения управлять собственными словами и поступками, или же возведение в систему какого-нибудь неверного приема, которому приносятся

в жертву все летучие соображения, обыкновенно складывающиеся у людей под живым впечатлением тех или других обстоятельств. В деле воспитания бестактность очень вредит. Дети судьи строгие; чтобы сохранять за собой их любовь и уважение, нужна оглядка. Требуйте от них все, что они могут дать, не требуйте ничего лишнего. Эти два правила применимы ко всем характерам, ко всем задаткам, но, чтоб из них вышел толк, нужна наблюдательность, нужна гибкость понимания. От одной натуры следует требовать больше, от другой меньше; что было возможно вчера, в одном случае, при одних обстоятельствах, то оказывается совершенно непригодным сегодня, потому что день на день не приходится. Воспитатель должен постоянно изменять оттенки своего направления. Он, например, хочет заставить ребенка выслушать какую-нибудь неприятную истину, какой-нибудь настойчивый совет. Надо уметь выбрать минуту. Большая половина внушений обыкновенно пропадает, потому что внушающие не берегут своих слов и сыплют их не вовремя. Если б еще только слова пропадали! Нет, с тем пропадает и детская привычка слушать, придавая значение тому, что старшие говорят. Получается такое впечатление: всего не переслушаешь. И это верно!

Воспитатели, дающие слишком много простора себе — своей воле, своим разговорам, иногда своему методу, пропускают много таких моментов, которыми было бы в высшей степени удобно воспользоваться. Например, для них обыкновенно пропадает момент искреннего раскаяния. Они пилят себе, не замечая его. Представим себе такую сцену. Старший брат, лет семи-восьми, ударил маленького, четырехлетнего. Ударил так себе, ни за что ни про что, потому что рассердился. Маленький закричал что было силы, тем больше что, схватившись за лицо, увидел на одном из своих пальцев красную точку. У старшего были большие ногти, которые и оставили на щеке царапину. Выступившая из этой царапины капля крови размазалась. Она испугала обидчика не меньше, чем обиженного. В отчаянном крике мгновенно соединились оба их голоса. Тетка, бывшая в комнате и видевшая сцену, бросилась к маленькому, обхватила его обеими руками, в то же время крайне энергично обращаясь к его брату:

— За что ты его, злодей? убить рад! что ты делаешь с ребенком?

– Дайте я его поцелую, дайте! – рвался старший в отчаянии, готовый теперь кусать и царапать тетку, лишь бы не чувствовать себя отделенным от своего Коли.

– Прочь ступай! Не дам ребенка!

– Я его поцеловать хочу! Только поцеловать! Он мой брат!

– Не дам! не дам! не дам!

Между тем маленький кричал теперь тоже, уже не от боли (боли, впрочем, и сначала не было, а только испуг), верное эхо своего всегдашнего руководителя, он тоже повторял: «Поцеловать! дайте поцеловать!»

Руки тетки не пускали его, ташили в другую комнату. Вошел отец:

– Что случилось?

– Александр в лицо Коле вцепился, теперь целоваться лезет... Не дам!

– Папа, – бросился Саша, – я обниму Колю, я его поцелую... Позволь, папа!

– Ну конечно, надо помириться. погоди, тетя его сейчас вытрет, вы и обниметесь.

– Петр Иванович, я ребенка не дам!

– Саша ему теперь ничего не сделает, он сам видит, что был виноват.

– Петр Иванович, вы напрасно вмешиваетесь. Меня никогда не надо учить. Я не могу позволять, чтоб Александр бил...

– Да он не будет бить теперь, Софья Петровна.

Внушить это Софье Петровне, добрейшей Софье Петровне, как все ее называли, было невозможно, но ее внимание несколько отвлеклось от детей пререканиями с зятем, и дети не замедлили воспользоваться. Минуту спустя они играли как ни в чем не бывало, между тем как между старшими еще продолжался спор.

– Я вам говорю, что он и меня готов был разорвать, – волновалась тетка.

– Ему семь лет, он тоже ребенок, – внушал отец. – Он ударил и сам испугался. Вам стоило спокойно сказать: «видишь, что ты сделал». История кончилась бы точно так же, как теперь, объятиями и миром, только гораздо раньше и без такого возбуждения.

Кто знает человеческую природу, тот не может сомневаться, что с Софьи Петровны и с подобных ей все такие внуше-

ния соскакивают «как с гуся вода». Назавтра повторяется то же, хотя несколько в другом виде. Не существует, и не может существовать таких общих правил, которыми бы предвиделись и предупреждались все мелочи, все видоизменения отношений. А в мелочах больше всего и сказывается бестактность.

Приведем еще пример того, как момент раскаяния, сожаления проскакивает незамеченным. Дело происходило в одном из больших заграничных отелей. Семья русских, отобрав внизу, в табльдоте¹, возвращалась к себе во второй этаж. Чинно шли мать и отец, за ними следовала гувернантка, русская же, с двоими детьми. Младшая из девочек, *enfant terrible*², вместо того чтобы двигаться в процессии, вырвалась в первую же минуту (хотя ее всегда старались вести за руку, и, может быть, именно потому, что старались) и убежала вперед по коридорам и лестницам. За нею и все поднялись. Думали, что найдут ее у двери одного из трех номеров, занимаемых семьей: номера находились все рядом. Подходят, видят еще издали, что ее нет.

– Александра Ивановна, вы, верно, забыли запереть свою дверь? – спрашивает мать у гувернантки. – *Helène* вошла.

Александра Ивановна, высокая, худая, желтая особа, засуетилась:

– Нет, Анна Александровна, я заперла, вот ключ у меня.

– А у меня мой ключ, я тоже заперла; где же *Helène*?

Нажали ручку третьей двери; она не поддавалась, ее всегда оставляли запертой изнутри, так было и теперь.

– Все заперто! – Анна Александровна вложила ключ своей комнаты и отворила.

– А, Елена, плут, ты уж здесь! – крикнула старшая сестра, сейчас же заметив мелькнувшее в комнате платье девочки.

– Как ты прошла? – спросила мать.

Елена, розовая, с блестящими глазами, весело хохотала.

– Да вот так, прошла, прошла!

– Вот она откуда проскочила! – сделала опять открытие старшая сестра.

Двойная дверь между номером Анны Александровны и соседним, чужим была приотворена.

¹ Стол с общим меню в пансионатах, курортных гостиницах, ресторанах.

² Ужасный ребенок (*фр.*).

– Там теперь никого нет... Я видела, что выехали, – болтала совсем счастливая Елена. – Я попробовала, там не заперто... я туда, а оттуда сюда...

– А Александра-то Ивановна как, я думаю, о тебе беспокоится, – прервал отец, заметив отсутствие гувернантки.

– Александра Ивановна! В самом деле, где же она? – оглянулась Анна Александровна. – Она, верно, убежала искать Лену, вообразила, что та сейчас в лес исчезнет.

– Теперь Александра Ивановна пропала! Александру Ивановну надо искать! – все больше и больше радовалась Елена. – Отец пошел в коридор.

– Я сейчас ее верну, – сказал он.

Но вернуть оказалось не так-то легко. Он пошел до площадки, приостановился, спустился этажом ниже и опять вернулся в свои номера. Где ж искать по лабиринту отеля? По которой из трех лестниц гувернантка спустилась? Куда именно она побежала за Еленой?

– Вот какого ты переполоху бедной Александре Ивановне наделала, – говорила Анна Александровна.

– Мама, да зачем она прежде не посмотрела, не здесь ли я?

– Это правда, ей не следовало так пугаться, но ты должна ей быть благодарна, она испугалась за тебя же.

– Мама, побежим искать ее? Она подумает, что меня раздавили. Мы с Аней побежим, мама, можно?

– Куда же теперь бежать? Надо ее здесь дожидаться.

– Мама, но ведь она очень встревожилась! Она нездорова сделается. У нее болезнь сердца, знаешь?

Девочка уже не забавлялась своей шалостью, она с искренней и серьезной озабоченностью повторяла фразу, которую ей нередко говорила мать шепотом, чтоб остановить ее порывы: Александра Ивановна была действительно человеком болезненным и впечатлительным.

– Мама, как она долго не приходит! С ней ничего не сделается?

Вместо смехуу девочки надвигались теперь слезы. Анна Александровна и сама волновалась внутри себя, но успокоивала дочь. Минут пять прошло еще, прежде чем гувернантка вернулась.

– Александра Ивановна, я это не нарочно! я играла! – бросилась к ней Елена, мгновенно расцветая.

Сухой жест оттолкнул девочку.

– Не нарочно! все назло делает, чтоб пугать! Вырывается из рук... несется... куда? Где ж ты пряталась?

– Нигде не пряталась, – уже резкой и тоже сухой нотой отвечал ребенок, выпрямляясь и вызывая.

– Она здесь была, Александра Ивановна, через соседний номер прошла, – поспешила разъяснить и успокоить мать, – не надо было вам так волноваться не посмотревши.

– Конечно, я виновата? Она никогда ни о ком не думает. Прочется... Там на дворе омнибус... я поскорей бегу туда... в сад потом... А она тешится!

– А я-то еще ее жалела! – раздраженно крикнула Елена и изо всей силы бросила в стену подвернувшимся под руку мальчиком.

– Вот прелесть растет! – послала еще Александра Ивановна, уходя в свою комнату и захлопывая дверь.

Почему Александра Ивановна так поспешно напустилась, не вникнув, было ли в поступке ребенка что-нибудь действительно дурное? Потому что у нее не было привычки сдерживать свое раздражение. Другой вопрос: почему родители держат при своих детях личность, имеющую привычку раздражаться? Потому что в глазах родителей личность эта имеет много других достоинств: очень предана семье, живет ее горестями и ее радостями, по-своему очень любит детей, ни на минуту не теряет из виду их здоровья, не научит их лжи (сама она до педантизма честная и правдивая), всегда будет при них и без них помогать всякому, кто только нуждается в помощи, а такой пример – ценная черта. Словом, она – человек хороший, несмотря на крупные недостатки.

Конечно, у нее никаких методов не существует. Она сердится, даже злится, и успокаивается, когда чувствует себя спокойной. По отношению к ней дети тоже бывают иногда раздражены, а иногда очень ее любят. Ровности мало, но, по крайней мере, отношения живые. Несравненно хуже там, где из-за узко понимаемых методов дети чувствуют над собой постоянное давление точно какого-то фатума. Бестактность, вступившая на такой путь, может принести вред огромный. Она высушивает, извращает. Помню одного гувернера-эльзасца³. Его рекомендовали как гувернера образцового. Он поглотил всю мудрость

³ Альзасец, т. е. эльзасец, от латинского названия Эльзаса: Альзация (Alsatia).

педагогике. Говорили, что он не только педагог, но и философ. Воспитанники его имели к нему и страх и отвращение. Он их не бил, и он их мало учил (это было не его дело: на то приходящие учителя, а он наставник – воспитатель), но он их донимал. Донимал разговорами, донимал последовательным порядком требований. В его кодексе правил не полагалось никогда никакого порыва... Приехала институтка-сестра, которую мальчики ждали, ждали!

– Поздоровайтесь, отойдите, не взвизгивайте, не надо хлопать руками.

Если б не огоньки в смеющихся глазах, можно бы подумать, что воспитанники философа-альзасца принимают сестру за постороннюю девицу. И надо еще сказать, что этот альзасец высоко держит знамя тесной семейной связи. Он красноречиво, хотя несколько однообразно, проповедует о том, что родители и дети, брат и сестра, муж и жена должны чувствовать одинаково, всегда спешить на поддержку друг друга и т.д. Его собственный любимый разговор – о его матери и сестрах. Им он посылает свой заработок, для них, по его словам, он готов «на смерть». Зачем же не позволяет он свободно выражать радость по случаю приезда сестры? зачем всегда и везде стесняет проявление чувства? Конечно, этим он вполне закрывает перед собою дверь к пониманию внутренней стороны детей, которые перед ним. А не понимая, не зная своего матерьяла, как же над ним работать? «Черствый человек!» – говорят о нем. Может быть, черствый, а может быть, и нет. Когда один из мальчиков был болен, он не хуже Александры Ивановны просиживал ночи у постели, хоть это вовсе не было для него обязательным. Человек бестактный – вот что верно. Не улавливающий, *в какой мере и когда* требовать; имей он дело не с отдельной семьей, а с целой толпой, с целым классом детей, живущих в каком-нибудь учебном заведении, его влияние падало бы на них еще тяжелей. Он бы стремился всех обезличить. Ему бы ни разу не пришло в голову, что толпа состоит из единиц и что задача стоящего перед этой толпой воспитателя – задача артиста. Воспользоваться струнами всех разнообразных натур, извлечь из каждой струны лучшие, соответствующие ей звуки, предоставить отдельным личностям развиваться насколько можно больше и в то же время уметь дисциплинировать, т.е. научить всех движению стройному, дружному. Альзасец наш вместо

того сосредоточился весь на дисциплинировании, поняв его исключительно как подведение под одну мерку. Сколько везде таких уродователей! Большинство из них действует, впрочем, не по одной бестактности, а сознательно, для упрощения своего дела. Но мы теперь не пойдем в их сторону, а вернемся назад, к Александре Ивановне и к подобным ей. Мы их очень скоро оставили, а между тем в их жизни с детьми есть много обыденных сценок, которые так и напрашиваются на замечания.

Например, сцена первая. Ребенку была когда-то подарена необыкновенно шумящая игрушка, всем в доме она надоела, во тем более нравилась она ее владетелю. Наконец что-то другое явилось на смену, ребенок ее забыл. И прекрасно бы, так бы она и канула в вечность. Но тут подвертывается фраза Александры Ивановны (собственно не Александры Ивановны, а другой гувернантки, так как это в другом доме, но эта сторона подробностей значения не имеет).

— Вот как ты теперь хорошо играешь! Тихо! А прежде стук, шум! Все уши зажимали. И выдумал же дядя тогда такую несообразность тебе привезти.

Ребенок стоит, жадно раскрыв глаза, и вдруг загорается желанием:

— Дайте мне ее! Где она?

— Нет, теперь не увидишь! Довольно!

Такой ответ успокоителен? Понятно, что после него начнутся крики, слезы. А он варьировается:

— Кричи, кричи. Думаешь, покричишь, так и дам! За капризы.

Когда дело доходит до высшей степени отчаяния, начинаются утешения:

— Да зачем это тебе? Ты так хорошо играл. Смотри, курочка ходит, петушок. Играй, будь умница.

Ни малейшего действия. Подсунутые курочка и петушок летят в сторону. Пробуется обман:

— Нет твоей гремучки. Мама ее кучерову Петруше подарила. Петруша на улице играет, ему ничего, что шум такой, а в комнате не годится шуметь.

Обман остается обманом, ребенок ему не верит, инстинктивно чувствуя, что всего предшествующего разговора не было бы, если б в шкафу не было предмета спора. Кончается тем:

— Какой ты несносный! Отступись, дам! Только, пожалуйста!

не кричи больше. Скоро мама придет, расстроится от твоего крика. Играть не буду с тобой, ты нехороший.

Все это фразы лишние. Крики, конечно, унимаются сами собой, мгновенно, раз требование достигло цели; угроза не играть не страшна: «не играй, я один буду». Из-за чего же сыр-бор горел, однако? Не из-за того ли, что сначала явилось неловкое напоминание, а потом длились ненужные отказы, должно быть, ненужные, если кончилось уступкой.

Сцена вторая в том же роде. В деревне. Приготовились идти гулять в лес. Уже на крыльце, совсем уходя и, видимо, не придавая значения своим словам, одна из девочек вскрикивает:

– Ах, как жаль, я не знаю, где мой рабочий ящичек. (Вещица миниатюрная, дорогая, нарядная, подаренная недавно на именины).

– А я знаю, – поспешно откликается Александра Ивановна, – он у меня спрятан.

– Пожалуйста, милая, вернемтесь! я его хочу с собой взять: я в лесу шить буду.

– Нет... знаешь... где же в лесу? Мама велела...

– Пожалуйста! Я хочу! непременно хочу!

– Мама велела, чтоб ни одна вещь из ящика не потерялась.

Нет, я не дам его в лес!

– Дадите! я не иду иначе.

– Полно, Соничка... я его тебе дома дам, после, да и не помню хорошенько, куда я его поставила.

– Помните, помните. Вывертываетесь. Зачем же сказали, что он у вас, когда дать не хотите?

Каким-то образом, однако, устраивается так, что Соничка отправляется в лес без рабочего ящика, кажется, благодаря вмешательству других детей.

– Ужасно избалована! – жалуется на Соничку Александра Ивановна.

Конечно, избалована, но тем больше умелости нужно с нею и тем меньше лишних, поспешных, необдуманых слов, чтоб не приходилось вывертываться.

Сцена третья. Старшая девочка шалит, гримасничает, показывает язык. Младшая, лет четырех, смотрит на нее внимательно большими, раскрытыми глазами. Александра Ивановна пробует унять и сейчас же раздражается:

– Хороший пример показываешь! но только Варя не такая!

Она, видишь, удивляется. Она никогда так не будет делать.. Боже упаси, чтоб она была такая же, как сестрица!... Варя умна. Варя понимает, что у нее сестра глупая... точно камень... как будто не ей говорят. Варя никогда камнем не будет. Совсем две разные. Как можно сравнить!

Она обнимает и целует Варю, которая мимоходом переносит на нее свои большие глаза и слегка улыбается улыбкой внутреннего удовлетворения.

– О, Варя-то не будет делать? – несколько насмешливо восклицает старшая. – Увидите!

– Конечно, не будет... Очень ей нужно подражать такой глупой, как ты...

Час спустя, «глупая» забыла свои дурачества и с деловым видом уносит книгу, чтобы готовить урок. Варя, оставшись в детской, пользуется первым моментом, чтобы постараться в совершенстве воспроизвести все гримасы, все ломанья. Оказывается, что она не удивлялась, а любовалась.

– Соня так делала, – говорит она.

– И ты хочешь быть такой же, как твоя сестра? – пугается Александра Ивановна, – но ничего этим не достигает.

Если она так боится этих дурачеств, в сущности невинных, то пусть бы не приводила детей к потребности делать и продолжать их «назло». Пусть бы умела вовремя, в самом начале, произвести диверсии, например, послать Соню в другую комнату с каким-нибудь поручением, только непременно серьезным и интересным (почти всегда можно такое выдумать), или рассмеяться вместе с Соней над двумя-тремя первыми ее «рожицами», сказав притом, что недостает костюмировки, и предложив за костюмироваться, или вставить какую-нибудь фразу, способную отвлечь внимание в другую сторону, или под каким-нибудь предлогом пойти на несколько минут самой и увести Варю (спектаклей не дают без публики), словом, сделать что-нибудь противоположное тому бессильному ворчанью, которое всегда подбивает на поддразниванье и которое портит соприкасающийся с ним детский характер.

Сцена четвертая. Тетка пошла в свою комнату, устраивать какую-то переборку в шкафах и комодах. Племянникам сказала, чтоб сидели, занялись чем-нибудь. Они вздумали написать тете письмо. Приложили множество стараний. Старший стоял за аккуратность бумажки, хорошо сложил ее, написал на

ней: «Я тетю люблю», другую такую же бумажку приготовил для брата, с большим терпением объяснил и показал ему, как написать прямые и круглые палочки так, чтобы составилось слово «тетя», устроил самодельный конверт, заклеил, надписал, сделал даже кружочек с каракулями внутри, что должно было изображать почтовый штемпель. Окончив труд, дети радовались чрезвычайно. На цыпочках побежали к комнате тети, постучали: «Тетя, письмо вам!» Они делали свои голоса серьезными. Тетя отперла, взглянула на конверт, равнодушно сказала: «Хорошо, дети, после! положите!» – и опять обратилась к своим толкам с горничной. «Посмотрите же, тетя! откуда это вам?» – продолжали свою шутку дети. «Не мешайте, детки, вы очень хорошо сделали». Им не это было нужно; им нужно было, чтоб она мгновение поверила или будто бы поверила. Они даже не отдавали бы себе отчета в этом «будто бы», но все равно радость их была бы полная. Они со своей стороны тоже не обмануть хотели, а хотели позабавить, порадовать. Женщина с тактом непременно сразу вошла бы в их мысль и доставила им невинное развлечение вместо того, чтоб облить их холодной водой. Это бы стоило ей столько же времени и было бы гораздо лучше.

Но разве скоро перечислишь все ежедневно наворачивающиеся мелочи, и серьезные, и забавные? Вероятно, еще не случится нам к ним вернуться. Целью настоящей статьи было только напомнить ту истину, что надо наблюдать и в то же время не спешить обобщением наблюдений; надо понимать и помнить, что воспитатели имеют дело с материалом живым, гибким; надо иметь привычку ежеминутно соображать «что к чему».

ПОЕЗДКИ В МОСКВУ*

В России уже начинают прививаться путешествия с образовательной целью¹, но их еще мало, и они представляются слишком сложными и затруднительными для выполнения. Ввиду этого не мешает, быть может, поделиться опытом и рассказать, как устроились и во что обошлись две поездки из Твери в Москву (расстояние по железной дороге 156 верст) — одна в начале июня прошлого 1894 года, другая в 1891 году. Начнем с рассказа о первой, а потом прибавим, чем отличалась от нее вторая.

В Твери есть женская учительская школа, с лишком двадцать лет тому назад основанная П. П. Максимовичем и впоследствии перешедшая в ведение губернского земства. Девушки, оканчивающие в ней курс, почти все идут на места сельских учительниц и остаются на этих местах вполне прочно, с детства привыкнув смотреть на учительство как на предстоящий путь всей жизни. С течением времени одни выходят замуж (около трети общего числа), другие же создают себе семью из своей школы, привыкают, глубоко привязываются и отдают подрастающим деревенским поколениям все свои силы. Само собой разумеется, что такому составу учащихся еще более, чем какому-нибудь другому, необходимо иметь при окончании курса запас впечатлений ярких, картинных, надолго остающихся в памяти, чтобы было из чего черпать. Для учительских семинарий и учительских институтов всякое наглядное пособие исполняет двойную роль: оно облегчает усвоение не только самому учащемуся, но и будущим ученикам его.

От Твери до Москвы рукой подать: пять-шесть часов езды по железной дороге в пассажирском поезде. Москва — один из двух

* Впервые: Образование. 1895. № 4. С. 207–214.

¹ Первые опыты школьных экскурсий были предприняты С. А. Рачинским, который основал школу для крестьянских детей в родовом селе Татеве Бельского уезда Смоленской (ныне Тверской) губернии. Его статья о школьном походе в Нилову пустынь была опубликована в журнале «Русский вестник» в 1887 г.

центров России, в Москве – Кремль, старина, музеи, картинные галереи; очевидно, что знакомство с Москвой, хотя бы самое беглое, но проведенное под известным руководством, должно считаться одним из самых «образовательных» знакомств для русского юношества вообще, а для будущих учителей и учительниц в особенности. Затруднение является со стороны денег. Какую бы дешевую прогулку ни брать, цифра тотчас грозно вырастает, как только ехать надо не одному человеку и не двум, а целым десяткам лиц. Полный билет от Твери до Москвы и обратно стоит 4 р.<убля> 54 к.<опейки> – один билет! А их надо больше двадцати, и многие мечты этим охлаждаются.

В 1891 году в Москве была французская выставка, и пронесся слух о некоторых льготах, кем-то где-то встреченных по железным дорогам. Школа Максимовича решила навести справки, нельзя ли как-нибудь и ей воспользоваться льготой. На письмо начальницы школы, просившей дать даровые или насколько возможно более дешевые билеты (целью выставялась, конечно, не французская выставка, т.к. ею была только подана мысль, а сама Москва). От В. А. Половцева получилось обещание разрешить нам проезд за четверть цены. Это очень обрадовало и дало толчок к дальнейшим хлопотам о содействии. Попечительница одной из московских городских школ Е.Н. Орлова с согласия других лиц, от которых это зависело, предложила даровое помещение в школе после весеннего окончания занятий. Музеи, обыкновенно слишком переполненные в дни, разрешенные для бесплатного входа, обязательно пообещали открыть бесплатно же свои двери в любые из остальных дней, причем заведующие прямо советовали не приходить в дни наплыва толпы, т.к. это помешало бы толковому осмотру. Зоологический сад, французская выставка тоже не потребовали платы. Словом, отношение всюду было встречено самое приветливое.

В последних числах мая, когда закончились занятия в учительской школе и выпускной класс (26 человек) получил свои свидетельства, молодой рой будущих учительниц не разлетелся сразу по своим родным углам, как бывало до тех пор, а все вместе двинулись в Москву в сопровождении начальницы, двух надзирательниц и одной учительницы. Тридцать человек везли с собой пудов 26–27 багажа в двух или трех больших корзинах и в нескольких тюках. Городское училище могло дать только пус-

тые стены, а все необходимые вещи надо было привезти с собой. На каждого человека было взято следующее: постельник (тиковый мешок для сена или соломы), подушка, две простыни, одеяло, два полотенца, одна смена белья (у кого нашлось, то и обуви), две тарелки, ложка, ножик, вилка, чайная чашка. Кроме того, ехали две большие кастрюли, большой самовар, чугунок для воды, две суповые оловянные чашки, щипцы для сахара, несколько скатертей, солонки и тому подобных хозяйственных предметов. С вокзала в Москве двум ломовым извозчикам поручили довести все эти вещи и весь мелкий ручной багаж по данному адресу (извозничьи билеты остались в залог исполнительности), девицы же пошли по Садовой, мимо Красных ворот и Сухаревой башни, затем по Лубянке, через Кремль – довольно долго стояли на дворцовой набережной, любуясь видом и рассматривая его подробности, – на Большую Никитскую, где ждала нас квартира.

Надо сказать, что для пяти или шести девиц поездка по железной дороге была новостью сама по себе, так как в своих родные села, лежавшие не по линии, они ездили обыкновенно на лошадях. Таких непривычных вагон порядочно утомил, а затем и всех вообще очень сильно утомили три часа непрерывного путешествия по каменным плитам, хотя перед этим устроили на вокзале общий чай, чтобы несколько укрепиться (чай, сахар, ситный хлеб² и сыр были с собой, за кипятком и приборы заплатили полтора рубля). Поезд пришел в Москву около часу дня, вещи отправили и чаю напильсь к половине третьего, а до Никитской добрались не раньше половины шестого, так как остановки и разъяснения не могли не взять много времени, да и шли все очень тихо, чтоб не разбиваться и не оставлять отстававших. Из кремлевских соборов зашли только в один Благовещенский, и то лишь на несколько минут, предоставляя подробный осмотр другому времени. Зашли также в часовню у Иверских ворот.

Так как все запаслись еще из Твери записными книжками, то в первый же вечер началось записывание для памяти многого виденного. Вечер длился, впрочем, недолго: общая усталость требовала сна. Готовить еды не хотелось – напильсь опять чаю, набили соломою постельники.

² Хлеб, обычно ржаной, испеченный из муки, пропущенной через сито.

Со следующего утра начался систематический осмотр достопримечательностей. Прежде всего вернулись, конечно, к Кремлю, к его соборам и дворцам. Обошли все по два раза, так как при первом обзоре глаза разбегаются, сосредоточить внимание трудно, молодое увлечение рвется вперед и разбрасывается. Второй обзор идет спокойнее, трезвее, оставляет более глубокие следы в сознании. От десяти часов до половины четвертого пришлось провести на ногах, с напряженной мыслью, и понятно, что после этого дай Бог было только прийти домой, хотя раньше предполагалось пройти из Кремля в Храм Спасителя. Вспоминается при этом одна забавная подробность. Человек пятнадцать, особенно утомившихся, выбрались из Оружейной палаты раньше других, еще досматривавших последние комнаты, и рядком присели отдохнуть тут же на край тротуара, на пустом, чисто выметенном дворе. Сторож, вероятно, смущенный необычностью картины, подошел и сказал, что сидеть тут нельзя, а если угодно, так стойте. Бедные девицы, конечно, встали и сбились в кучку, дожидаясь остальных и не зная, кому чем они помешали, как не знал этого, вероятно, и сторож, желавший добросовестно исполнить свою обязанность, но не имевший инструкций на такой непредвиденный случай.

Вечером, между семью и восемью часами, сходили еще в Кустарный музей, а оттуда, по общему желанию, прошли опять к памятнику Пушкина; на этот раз сопутствовали и вечерашние отсталые, с самого утра хлопотавшие о том, чтобы непременно поскорей возместить свою потерю. Многие объявили, что они каждый день будут ходить сюда смотреть, но, конечно, это было намерение неисполнимое: времени впереди оставалось немного (уехали из Твери с тем, чтобы проездить неделю), знакомиться же предстояло еще с очень многим. Впрочем, на следующий день свидание с памятником действительно еще состоялось, но уже случайно, так как к французской выставке понадобилось ехать по конно-железной дороге от Страстного монастыря. Хотя было заранее решено ходить всюду пешком в видах сбережения денег, на этот раз расстояние казалось слишком велико, и к тому же хотелось испытать способ путешествия «по конке». Вагоны брались с бою, и при таком условии, очевидно, трудно было попасть всем вместе, ехать же порознь было неудобно. Кондуктор, к которому обратились с вопросом, как быть, указал на какого-то стоявшего вблизи господина, ска-

зав, что он «может распорядиться». И действительно, господин этот, попросив подождать минут десять, распорядился дать отдельный открытый вагон с тридцатью местами, как было нужно. Выставка имела вид еще не вполне устроенный, но она все-таки давала понятие о характере таких выставок вообще и, вместе с тем, в некоторых отделениях своих могла познакомиться с предметами, до тех пор никогда не виданными нашей тверской молодежью. Таковы, например, были художественные бронзы Барбедьена³, от которых никому не хотелось оторваться: каждая вещица призывала внимание, на каждую любовались если не так, как на прекрасный предмет искусства (это, разумеется, не могло быть вполне оценено), то как на восхитительную игрушку. В машинном отделе машины сами по себе были тоже малопонятны, но модели пароходов и т.<ому> под.<обные> вещи рассматривались с большим любопытством. В педагогическом отделе объяснения спрашивались относительно всего самые подробные. Картинная галерея осталась в стороне, непосещенной, потому что ее бы совсем не поняли и она могла только запутать неясность отношения к незнакомой живописи. Вслед за французской выставкой, т.е. за несколькими осмотренными отделами ее, осмотрели в тот же вечером и азиатскую выставку, где, собственно, было мало азиатского, за исключением двух-трех комнат, на которых преимущественно и остановились. Судя по впечатлениям, высказывавшимся в тот же вечер по возвращении домой, девицы остались менее довольны этим днем, чем предшествующими, хотя ждали от него очень многого. Это и понятно: выставочный калейдоскоп всегда страшно утомителен, а в результате дает осязательные приобретения только специалистам, определенно знающим, что смотреть и как смотреть для той или другой поставленной себе цели.

Художественная Третьяковская галерея (четвертый день) с лихвой вознаградила огорчение, принесенное минутной неудовлетворенностью. Насколько трудно было непривычным людям сгруппировать разбросанные впечатления от выставок, настолько же цельным, полным, ясным явилось умственное обогащение, после того как перед глазами прошли залы Крам-

³ Барбедьен Фердинанд – французский фабрикант, владелец одной из самых известных в мире фабрик бронзы.

ского, Репина, Верещагина, Маковского и других, более или менее крупных талантов. Это было настоящим откровением: никто из наших девиц и никогда не думал, что живопись может говорить так же сильно, увлекать так же глубоко, как поэма, как драма, как лирика. Перед «Явлением Христа народу» они стояли в Румянцевском музее совсем холодно, стараясь понять умом, но не откликаясь сердцем. Здесь же для каждой нашлись вещи по душе, захватившие и покорившие каждую по-своему, а вместе с тем открывшие неожиданную для них перспективу наслаждения искусством, до тех пор неизвестным. «Христос в пустыне» и «Неутешное горе» Крамского, «Царевна Софья» Репина, «Царь Петр и царевич Алексей» Ге, «После дождя», «Березовый лес», «Хуторок» Куинджи, многочисленные жанры Маковского, Прянишникова, Перова, изумительные по своей жизненности «Двери» Верещагина и многие другие картины нашли своих поклонниц. Смотрели, возвращались – никому не хотелось уходить, хоть головы и утомились очень сильно. Вышли все посидеть в маленький, раскинутый перед домом цветник, съели свой завтрак – по булке, потом еще вернулись, до тех пор пока не прозвонил колокольчик, извещавший, что галерею закрывают, пора проститься. Очень может быть, и даже наверное, многое из виденного тогда было потом забыто; но нет сомнения, что на всю жизнь должен остаться след совершенно нового круга пережитых мыслей и чувств, а в этом главное. Припоминается мне давно виденная сцена: в Ватикане, в галерее картонов Рафаэля, человек двадцать молодых воспитанников иезуитской коллегии, в красных сутанах, группировались вокруг художника, который пришел вместе с ними, чтобы им дать разъяснения. Он излагал свою лекцию сжато и сильно, они слушали с горячим вниманием, и как выразительны были их итальянские лица, как цельно отдавались они этому восхвалению Рафаэля – их родного гения! На фоне старых, выцветших, но все еще необыкновенно сильных картин рисовалась эта новая, живая картина, они прекрасно дополняли друг друга, и смотреть на них было истинным удовольствием. Но мы отвлеклись от Москвы и возвратимся к ней.

Пятый день решено было употребить на осмотр дома бояр Романовых, музеев исторического и политехнического; успели побывать только в двух первых местах. Благодаря случайной рекомендации, провожатым в историческом музее явился один

из хранителей и знатоков его, так что разъяснения получились превосходные – ясные, содержательные, обращающие внимание на суть дела и скользящие мимо мелочей, невозможных для запоминания при одном дне всего или, вернее, при нескольких часах беглого обозрения. Девушки остались очень довольны. После обеда им было предложено сделать очень дальнюю прогулку – в Ботанический сад, от Никитской это на другом конце Москвы, но никто не испугался. Прошли Кузнецким мостом, чтобы знать модную московскую улицу, а затем Лубянской и мимо Сухаревой башни, виденной еще в день приезда. Ботанический сад, по случаю каких-то работ в нем, был закрыт на целый месяц для публики, но, тем не менее, приезжих гостей очень любезно согласились впустить, и главный садовник подробно показал все интересное.

Наступил последний срок – седьмой день путешествия. Утром сходили в Успенский собор, еще раз постояли на набережной, некоторые желающие с одной из надзирательниц поднялись на колокольню Ивана Великого, вернулись домой, позавтракали, уложили свои пожитки, сдали их опять ломовикам и пошли к вокзалу, на этот раз самыми прямыми путями. Вечером были в Твери.

По выражению многих участниц поездки, она вся прошла «как сон», и подробно уловить оставленные ею в умах следы было бы крайне трудно. Некоторые лица вынесли из нее довольно много прочного, у других впечатления скоро ступедали, но, во всяком случае, оставалось вне сомнения, что в общем эти семь дней дали приобретений не меньше, а больше, чем любая классная неделя. Само собой разумеется при этом, что для руководивших такие дни должны были стоить и стоить напряжения большего, чем при обычном течении жизни, но утомление выкупалось настроением.

По возвращении подсчитали окончательно расходы, и картина оказалась в своем роде блестящая, дефицита ни копейки: рассчитывали издержать сто рублей, издержали девяносто семь, из этого числа около тридцати пяти рублей на билеты, остальное на еду и все прочие траты. Мяса покупали ежедневно двадцать фунтов, а хлеба – белого и черного – рубля на два. Хозяйничали сообща, и хозяйство всех удовлетворило.

Спустя год от учениц следующего выпуска пошли вопросы: «Сvezут ли нас в Москву?» Начальница опять написала В. А. По-

ловцеву, но получила ответ, что ввиду разных предстоящих перемен в тарифе не находят удобным сделать на этот раз скидку. О поездке за полную цену нечего было и думать.

Еще год – и явилось удешевление проезда. Так как распоряжение об этом получилось почти накануне отпуска и так как половина цены все-таки вдвое больше четверти, то и выпуск 93-го года остался без знакомства с Москвой. Для него была, впрочем, устроена другая прогулка меньших размеров – по Волге, в село Единоново Корчевского уезда, с целью осмотра чрезвычайно интересной школы сыроварения и вообще большого молочного хозяйства Н. В. Верещагина.

В 1894 году, перед весной, уже при новом управлении железных дорог, опять пошло письмо в Петербург с вопросом: нельзя ли дать проезд даровой или за четверть цены? Ответ пришел отрицательный, но на счастье учениц сын покойного П. П. Максимовича, основателя школы, подарил им сто рублей «на удовольствия», и явилась возможность дополнить эту сумму кой-какими мелкими сбережениями от школьного хозяйства. На следующий день после последнего экзамена снарядились как в прошлый раз, взяли с собой еще трех сельских учительниц, пожелавших примкнуть на свой счет, и возобновили свою одиссею. То же самое городское училище открыло гостеприимные двери, та же домовладелица снабдила соломой, тот же самовар стал усердно выполнять свое назначение. Благодаря опытности, получились и кой-какие лишние удобства. Так, например, взяли с собой одну женщину из прислуги, чтобы не быть в зависимости от чужого человека на случай разных мелочей, взяли несколько добавочных вещей из посуды, заранее рассмотрели и разъяснили план Москвы, чтобы можно было двигаться по ней сознательнее, прочитали сообща о важнейших исторических памятниках и т.<ому> под.<обное>. Прожили на этот раз дольше – восемь дней вместо пяти, так как в счет этого времени вошли Троицын день и Духов день, когда все музеи закрыты. Впрочем, эти два дня тоже не пропали. Не говоря уже о том огромном удовольствии, которое получилось от слушания церковных служб с превосходными певческими хорами (особенно хороша была всеношная в храме Спасателя), Троицын день доставил прогулку на Воробьевы горы. Как тогда в пользу французской выставки, так и теперь в пользу Воробьевых гор было употреблено с лишком восемь рублей на конно-железную дорогу (собственно в гору ве-

зет уже не конка, а маленький паровик, так что на половине пути есть пересадка), но только на этот раз удовольствие, купленное такой сравнительно дорогой ценой, оказалось несравненно более общим и более полным. Недаром вид с Воробьевых гор считается одним из красивейших в Европе.

Дома никто не мог в первые минуты ни за что приняться тем более за записные книжки. Почти все припоминали наперерыв то одно, то другое, но рядом с этим слышались восклицания: «А у меня только в голове шумит! все перепуталось, ничего не помню!» Все, кроме четырех дежурных, с радостью протянулись на своих соломенниках, уложенных в ряд по полу, дежурные же приготавливали самовары (второй большой самовар был дан приютившей тверитянок попечительницей московской школы); пить всем хотелось больше, чем есть, — утром, перед Кремлем, тоже напились, конечно, чаю и тогда же съели по яйцу всмятку с черным хлебом и по куску белого хлеба. Жена швейцара приготавливала между тем обед — мясной суп и гречневую кашу, за мясом и прочими припасами две девицы с надзирательницей еще рано утром сходили в соседнюю лавку.

Казалось, что день уже совсем кончен для восприятия новых впечатлений, — таково было общее мнение. Только отдыхать и отдыхать. На самом деле оказалось, что часам к семи почти все силы вернулись, и по окончании обеда стали раздаваться голоса: «Неужели мы сегодня никуда больше не пойдем? ничего не увидим?» Оставалось в распоряжении часа два. Очень быстро собрались опять и пошли смотреть памятник Пушкину и Страстной монастырь. Остались дома несколько человек самых слабосильных, но и те встретили потом возвратившихся сожалениями: «Лучше бы идти, а в другой раз, пожалуй, не увидишь!» Памятник Пушкину особенно понравился, и о нем было много разговора вечером, как за последним (третьим) чаем, так и тогда, когда уже все легли. Легли же очень скоро, не позже, чем в половине десятого, тем охотнее, что на всех была только одна небольшая лампа, плохо служившая тридцати человекам зараз.

Второй день был отдан Румянцевскому музею и Храму Спасителя. В Румянцевском музее по заранее определенному плану осмотрели всего подробнее иностранное этнографическое отделение (модели и предметы Китая, Японии и островов Тихого океана), типы разных инородцев, живущих в Рос-

сии, а затем долго стояли перед картиной Иванова «Явление Христа народу». Это была первая настоящая картина, перед которой стояли наши молодые провинциалки. Им было трудно разобраться в ней, трудно понять, в чем тут сила, и, с другой стороны, оказывалось чрезвычайно трудным объяснить им это, чувствовалось, что объяснение скользит поверхностно, что глубина впечатления не затронута, что никакими словами этого не достигнуть. В Храме Спасителя, напротив, настраивать внимание и интерес совсем не понадобилось, все сразу настроились сами – всем Храм понравился в общем, и его готовы были рассматривать без конца, во всех подробностях.

В Духов день, часа в два, отправились в Зоологический сад и оттуда на «Дачу Студенец», где помещается школа садоводства и огородничества⁴. (Поездка 91-го года осталась без Зоологического сада, как и без Политехнического музея: не успели побывать.) Вход в сад был разрешен бесплатный, но, к сожалению, впечатление пришлось вынести дурное. Нельзя себе представить ничего несчастнее этих исхудалых львов – неподвижных, с отчаянием в глазах – где их красивые, сильные движения? где их грозный рев? А бедный слон! Милый большой зверь, друг детей и взрослых там, где его самого любят и холят (например, в парижском Jardin d'acclimatation⁵), стоит здесь в каком-то темном вонючем помещении, и о нем всех предупреждают, чтоб не подходили близко, что он страшно зол, что «убьет». С вожакom своим они враги, судя по словам этого самого вожака. Более жалкого зверинца, чем московский, трудно себе представить. Множество клеток пустых, а если где есть животные, то лучше, чтоб их там не было, – так они печальны. Говорят, что прежде было еще хуже – это неинтересно, а вот интересно, не будет ли лучше? Зоологический сад – совсем нелишняя роскошь для такого города, как Москва, для одного из «центров просвещения».

Наоборот. очень хорошие воспоминания оставила по себе «Дача Студенец» или, вернее, находящийся рядом с нею питомник преподавателя садоводства г. Ферингера, знатока и люби-

⁴ «Дача Студенец» (по названию ручья) – садово-парковый ансамбль, сложившийся в XVIII в. В конце XIX в. с западной стороны был насажен сад и при нем устроена Студенецкая школа садоводства.

⁵ Зоологический сад.

теля, который, случайно узнав, что школу садоводства пришла осматривать будущие сельские учительницы, тотчас взял на себя показать им все и тут же, на грядках, прочел импровизированную прекрасную лекцию о посадке яблонь, об уходе за ними, о прививке. Девушки совершенно увлеклись его увлечением и мгновенно стали строить планы о том, как они сами будут садить у себя, как приедут на курсы садоводства и как это все должно разрастись.

В прочие дни шли своим чередом те же, как и раньше, посещения святынь, дворцов, музеев. Последний, восьмой день, употребили на подробный осмотр школьного отдела Политехнического музея и на беглый обзор остальных его отделов. Кроме того, в один из вечеров ходили в обсерваторию Швабе⁶, но видеть неба почти не удалось, так как было очень облачно.

В общем вторая поездка обошлась в двести один рубль (билеты стоили около девяноста рублей), и после нее, как после первой, осталась уверенность, что такие поездки полезны и что всегда, когда деньги и другие обстоятельства могут это позволить, надо их устраивать.

⁶ Частная обсерватория при магазине оптических принадлежностей Ф. Швабе на Кузнецком мосту.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С СЕЛЬСКИМИ УЧИТЕЛЬНИЦАМИ*

Очерк

Когда я в 1888 году ехала на службу в Т.<верь> в женскую учительскую школу, это заведение, о котором слыхала раньше, чрезвычайно привлекало меня как одно из таких гнезд, где вырастают будущие учительницы.

Чтобы народная школа давала наибольший процент успехов, надо, чтобы она была хорошо поставлена, и главное, чтобы работу в ней вели люди и умелые и любящие. В этом отношении учебное дело не составляет исключения из всех других дел и ремесл: на всяком пути труд спорится всего лучше при условиях интереса к нему и предварительной хорошей подготовки.

В учительской школе, о которой говорю, за все время ее существования окончило курс 362 человека. Из них учительствует до 240. Более двухсот знакомы мне теперь лично или путем переписки, и я желала бы поделиться своими впечатлениями, набросать тип нашей учительницы – тот, который знаю на живых примерах.

Когда Т.<верская> учительская школа только что основывалась, устроитель ее одною из главных целей ставил то, чтобы ученицами были преимущественно крестьянские девушки. Предполагалось, что каждая из них, кончивши свое обучение, вернется в свою среду и естественно внесет в нее луч света, начиная с родной семьи. Курс предполагался трехгодичный и крайне незначительный по объему. С течением времени, по мере развития дела, этот предполагаемый курс расширился очень сильно, поступление обусловилось конкурсным экзаменом и, тем не менее, состав учащихся пополняется в большой мере сельскими девушками – дочерьми сельского духовенства и также крестьянками, прошедшими курс народной школы. Следова-

* Впервые: Образование. 1896. № 1. С. 75–86; № 2. С. 51–62.

тельно, с этой стороны результат получился если не вполне такой, о каком мечтали при начале дела, то очень близко к нему подходящий: деревенская среда, дающая учениц, получает их обратно учительницами. Условие это чрезвычайно важное. Деревню, глушь можно расписывать идиллически, но на самом деле жизнь в деревне, при незначительных материальных средствах, имеет в себе много сторон очень тяжелых для человека непривычного. Добрая воля, конечно, сглаживает эти стороны, но все-таки большая или меньшая доля внутренней силы уходит на приспособление к ним. Другое дело, когда человек вырос в глуши, когда эта глушь ему родная. Не пугают дороги, по которым в иное время ни пройти ни проехать, не тяготит или слабо тяготит оторванность от мира, хотя бы доставка с почты производилась не чаще одного раза в неделю (бывает и реже). А главное, очень близко чувствуются интересы деревни. Письма от природных горожанок, попавших на житье в сельскую школу, бывают в значительной мере иные, чем письма деревенских. У горожанок, по крайней мере в первое время, преобладают два оттенка: или они очень увлекаются, иногда даже восторженно увлекаются, или чувствуют себя сильно заброшенными и томятся. Разумеется, потом это сглаживается, складывающаяся привычка вступает в свои права.

По-настоящему, учительским семинариям следовало бы всегда находиться за чертой города, иметь при себе сад, огород, поле. У нас этого нет, наша школа в городе, но, к счастью, почти все ученицы разъезжаются на лето по деревням и многие принимают деятельное участие в летней работе родных. Этим в значительной мере предупреждается оторванность, которая иначе могла бы вырасти и для деревенских при условии 5 или 6 лет житья в городе.

Конечно, помимо случайного участия в какой-нибудь садовой или полевой работе, для учительниц было бы чрезвычайно ценно сколько-нибудь толковое знакомство с земельным хозяйством, разумное понимание главных сторон его. Надо рассчитывать, что скоро войдет в обычай везде устраивать для учителей и учительниц летние курсы сельскохозяйственных занятий, по крайней мере тех отраслей их, которые могут быть приспособлены к каникулярному времени, довольно продолжительному для сельских школ. Тогда период отдыха от мозгового труда будет обставлен благоприятнее; теперь же учи-

тельское лето по большей части пропадает бесплодно и часто бестолково, в сборах прочесть те или другие книги, приготовить те или другие зимние работы.

Зато учебное время полным-полно и трудом и заботой. Короток деревенский школьный год, идет он урывками, скачками, и тем более нравственной ответственности накладывает на своих руководителей.

Постановлено собирать детей в школы с 1 или с 15 сентября. Далеко не везде удается это исполнить, т. к. осенние работы еще не кончены и подростки идут на помощь родителям.

Некоторые из учительниц собирают сначала самых младших, будущих «звукотиков», чтобы несколько побыть с ними одними, приучить их к школе, к устным ответам. Этим облегчается дальнейший ход обучения. Прежде принимали почти до Рождества, теперь почти везде заканчивают прием гораздо раньше. В некоторых школах собирается в общем человек до полутора. Впрочем, это общее число очень колеблется, зависит от уездов. В большей половине уездов преобладают школы с одним учащим. В общем по губернии их насчитывается до трехсот с одним учащим, до двухсот с двумя. Количество учащихся в каждой из первых колеблется от 40 до 80, из вторых от 60 до 120. Есть уезды, имевшие прежде по одной учительнице в школе, а теперь имеющие по две. Но так как большинство школ построено там еще при прежнем порядке, то приходится заниматься обеим учительницам в общей комнате и перекрикивать друг друга. Ребята привыкают к этому, каждый слушает только то, что касается его отделения; привыкают и учительницы не обращать внимания ни друг на друга, ни на чужие отделения. Ненормальность таких занятий отзывается только на их голосах – горло, оказывается, привыкает плохо.

Неудобства помещения и недостатку учебных пособий – два бича сельской школы. Много сил уходит на то, чтобы приспособиться к занятиям в холоде, в сырости, в темноте. «Сокрушает меня темнота в классе, – пишет одна учительница, – рамы все сплошь замерзли, и даже слой снега на стеклах образовался – так темно, что если войдешь с улицы, то не скоро и различишь учеников; писать им очень трудно». У другой огорчение перемешивается с шуткой, она пишет:

«Я собираюсь скоро ехать с книгой собирать на построение школы, как собирают на построение церкви. Продается вблизи

дом довольно большой за 85 руб.<лей> с тем, чтобы хозяин этого дома перевозил и поставил на место, т.е. собрал его настоящим образом; 60 человек поместилось бы свободно, и можно еще рублей за 20–30 купить сруб и пристроить, тогда настоящая школа будет. С соседями-помещиками еще не говорила, никого не видала после того, как узнала о продаже этого дома. Беда моя, что урожай-то очень плох, а то можно бы получить часть с волости. В этот год положительно волость не может уплатить податей, и уже теперь масса нищих. Мне теперь страшно хочется иметь школу, жалко смотреть на бедных учеников, которым постоянно приходится быть или в холоде или в угаре. Еще ныне морозы невелики, а уж мне пришлось заниматься в валенках и овчинном полушубке».

Относительно учебных принадлежностей пишут, например, следующее: «Меня очень беспокоит вот что: звуковиков у меня будет, пожалуй, больше 35 человек, а букварей Тихомирова не более пяти таких, в которых можно что-нибудь разобрать, да с десяток совершенно растрепанных, в которых не найдешь ни начала ни конца, – вот и все тут, даже нет разрезной азбуки. Первые звуки нарисую сама, а потом съезжу в управу, выпрошу букварей».

Другая тоже выражает свои волнения:

«Что мне делать? – младшие очень плохо читают. Пишут порядочно, а читают скверно; книг, правда, у меня нет, розданы ветхие буквари, на троих один».

Тяжелые условия должны, по-видимому, очень отталкивать от дела, но я что-то не припоминаю ни одного случая, где бы «земка» ушла с места единственно из-за внешних неудобств. («Земками» запросто называют кончивших в земской учительской школе, и это название очень привилось). Иногда бывает, что в первое время покажется очень невыносимо, надежды на улучшение ниоткуда не видно, а тут же представляется случай переменить место, попробовать силы на другом – тогда, конечно, соблазняются и уходят. Но стоит несколько «обсидеться», и вырастает привязанность. Тогда не уходят именно потому, что «жаль оставить», хочется чего-нибудь добиться, что «надо же кому-нибудь и на худых местах быть» (приводят буквально такой мотив), что, «если не добиваться, так всегда будет худо». И замечательно, какая энергия вырабатывается у этих девушек, которые до того сживаются с ее необходимостью, что даже сами ее в себе не замечают. Когда в литературе встречается тип сельской доб-

росовестной учительницы, то он почти всегда рисуется типом какой-то святой, самоотверженной подвижницы. На деле видишь совсем иной оттенок, вполне жизненный, не носящий печати исключительности. Из года в год в жизнь входят десятки молодых сил, определенно направленных, привыкших на школьной скамье мечтать о том, «как я сама буду учительницей», тогда же слышавших нередко, что сельская школа вообще бедна, что из-за этого не следует опускать рук, а надо помогать себе своей находчивостью. И вот эти молодые силы наталкиваются действительно на целый ряд затруднений. Чрезвычайно интересны письма учительниц первого года, с их впечатлениями. На неожиданность не ропщет ни одна; какая бы плохая обстановка ее ни встретила, отношение к этой обстановке является прямое, простое, определенное. Одна пишет: «У меня школа прекрасная, светлая, большая». Другая пишет: «У меня темно, холодно, тесно и угарно». В том и другом случае только констатируется факт, а затем та, которая попала в плохую школу, совершенно естественно начинает стараться, чтобы стало сколько-нибудь лучше: толкует с крестьянами, если они сколько-нибудь сговорчивы, толкует с членами земской управы, когда бывает в городе, с инспектором, когда он приезжает в школу. Вода точит камень. Относительно такого-то школьного помещения складывается общее мнение, что оно «невозможно», и это уже много значит. Отдельные случаи энергии учительниц в этом направлении имеют блестящие результаты. Например, в одной деревне кулак-крестьянин раскошелливается и жертвует тысячу рублей – строит школу. Слух разносится кругом, самолюбие мужика разыгрывается: «на славу построю». Учительница пишет, просит для своего строителя планов, советов, указаний; ему, конечно, охотно дают их, он заинтересовывается все больше и больше (заинтересовывается, положим, не вполне бескорыстно, а мечтая о медали), и кончается дело тем, что школа выстроена действительно прекрасная, что положил он на нее не тысячу руб. <лей>, а с лишком две тысячи, односельцы не нарадуются. Эта школа – общая гордость: «наш-то Иван Кузьмич какую выстроил!» Соседнему селу завидно: «а мы разве себе не выстроим!» Само собой разумеется, что этот случай – явление исключительное; было бы очень хорошо, если б во многих местах вкусы направлялись в эту сторону, если бы сложилась в селах мода щеголять друг перед другом своими школами. До этого еще далеко, но все-таки и теперь Иван Кузьмич не единственный в губернии.

Конечно, борьба с плохим помещением школы – борьба самая трудная, потому что на новую постройку надо много денег. Легче дается учительницам борьба с недостатком учебников и вообще учебных пособий, но и тут месяцы проходят в переписке со всеми, от кого это может зависеть. Со школьной мебелью тоже беда: не говоря уже о том, что парты устраиваются часто крайне неудобные (напр. <имер> такой вышины, что маленьким приходится писать стоя), парт этих еще и нет в достаточном количестве. Из одной школы мне пишут, что там их надо бы тридцать или сорок, а их только пять. Учительница, только что переведенная на это место, служащая уже несколько лет и, следовательно, опытная, вместо всяких восклицаний по этому поводу выражается так: «Писала в управу и со старшиной говорила, просила, чтобы еще хоть пять парт сделали». Ее требования, очевидно, стоят несравненно ниже действительной надобности, но отчего это происходит? Оттого что шаг ее инстинктивно тверд, оттого что она чувствует пределы того, чего можно достичь в этой местности, считающейся одним из самых заброшенных углов! Сделают ей нынче пять парт – у ее учеников прибавится привычки сидеть на партах; в будущем году парт еще прибавят, если продолжать настаивать на этом. А спроси сразу двадцать пять – не получишь ни одной, потому что тут школа еще не пустила корней. Приведу два отрывка из более поздних писем той же самой учительницы:

«Народ, среди которого приходится мне трудиться, так груб и неразвит, что не придает почти никакого значения школе, и если отдают своих детей учиться, то вовсе не заботятся о том, чтобы довести до конца, а преследуют только ту цель, чтобы они научились хотя мало-мальски разбирать по книге да написать свою фамилию, выражаясь при этом так: “наших детей что учи, что не учи, возьмут топор – все забудут”. Вот и нынешний год такой факт случился: трое из учеников, которые могли бы отлично сдать экзамен и получить льготное свидетельство¹, не дождавшись экзамена, отдали книги и не стали ходить в школу, тогда как до окончания экзаменов оставалось всего две недели. Это подействовало на меня не совсем хорошо. Много и очень много придется еще трудиться, и тогда, может быть, народ

¹ Речь идет об экзамене, дававшем право на получение льготы по отбыванию воинской повинности.

привыкнет к школе, поймет ее значение и станет смотреть на учебу другими глазами».

Второй отрывок: «Жаль мне расставаться с моими кончившими – учились они по три года, а ведь крестьянские дети только и могут приобретать какие-нибудь знания, пока в школе. Читать потом нечего, да и отвыкают, погружаются в обыденную крестьянскую жизнь. Так печально бывает слышать, когда говорят: вот такой-то курс кончил, а теперь и читать не может, не говоря уже о письме. Так бы мне хотелось устроить воскресную школу для мальчиков, окончивших курс, но не знаю, как будет справиться с этим. Боюсь, что не хватит моих сил. Теперь у меня хоть воскресенье есть для отдыха, а тогда и его не будет. Я и помощницу просила не столько для того, чтобы она мне помогала в недельных трудах, сколько для того, чтобы иметь возможность открыть воскресные занятия, во-первых, и, во-вторых, обучать пению. Не знаю, осуществляются ли когда-нибудь мои мечты?»

Не правда ли, что это безыскусственное изложение интересно тем, что в нем не звучит ни одной ноты как осуждения окружающему, так и похвалы самой себе? Видим не подвиг самоотвержения, а именно разумное, доброе понимание своего места, своего дела.

Отмечу сейчас еще одну важную подробность: каждая из этих девушек чувствует себя не единицей, а частью целого – частью своего курса, разошедшегося по местам, частью прежних курсов, словом, частью своей «учительской школы». Это придает много сил. Работать в одиночку, в лесу, в полутьме было бы слишком жутко, не будь сознания, что так же и другие работают, что все идет дружно, хотя и не видят друг друга.

Очень много значения имеет переписка между однокурсницами и вообще между учительницами. Они сами говорят это:

«Письма – главное утешение, думаю, для всех нас, учащихся в разных захолустьях, в которых никогда почти не приходится слышать человеческого голоса, не с кем положительно слова сказать, не с кем посоветоваться бывает в своих делах. Иногда, право, думаешь-думаешь, как лучше поступить».

Те, которые живут поблизости друг от друга, видятся обыкновенно очень часто и с удовольствием сообщают об этом:

«Мы все здесь в кучке и все порешили непременно бывать друг у друга и советоваться в общем деле, в особенности мы, четыре самые близкие соседки».

Из другого места учительница пишет: «На святки думаю не ехать домой, а поселиться у нашей Б., куда приедет по окончании занятий и Д. Этот съезд мы задумали еще две недели тому назад, когда я с Б. ездила к Д. С Б. вижу очень часто, почти каждую неделю, так как мы находимся на расстоянии 7 верст».

Чтобы яснее характеризовать как некоторые оттенки взаимных отношений бывших воспитанниц школы, так и различные стороны образа жизни их, приведу теперь ряд выписок из писем одной только что кончившей курс и назначенной в свое родное село на место помощницы к своей бывшей учительнице. Первое письмо прислано еще до начала занятий, вероятно, в августе или в начале сентября (число не помечено).

«Покуда я еще никакого страха не чувствую, а только хочется поскорее заняться. Работы полевые кончены (она из крестьян и помогает матери-вдове), книг читать, кроме методички, нет пока. Приходят иногда мысли дурацкие насчет моих учеников будущих: «а что как я их распушу, не справлюсь с ними», да и то успокоиваю себя. Думаю, что, не касавшись дела, запугивать себя не годится; ~~вот~~ и ожидаю с большим нетерпением своих занятий. Мне еще тем больше их хочется, что оба свои отделения я поведу до окончания курса, об этом мне сказала учительница, когда я приехала, и вы можете себе представить, как я волнуюсь, у меня все и думы только об учениках. У нас с З. нескончаемые разговоры насчет школы. Она тоже боится не справиться, припоминает все (З. — ее землячка и однокурсница, тоже назначенная в другую школу). Я уж многих моих учеников знаю — приходят в школу за книжками к учительнице. Вот еще с вопросом к вам: меня некоторые ученики зовут Машей. Я думаю, что пусть они так и будут звать, но А. Ф. говорит, что это нехорошо, и мы с ней очень поспорили. Как вы думаете?»

Письмо от той же, недели две или три спустя. Занятия в школе только что начались.

«Учеников у меня звуковиков 48 чел.<овек> и во 2-м отделении 27 чел.<овек>, и притом отказали чуть не десяти, парт еще многих нет, досок больших классных нет, и мы пишем на стенах. Уж я всю свою стену исписала, но толку от этого мало. Потому что на светлом да написано белым, конечно, ничего не видно; кроме того, это может заразить и учеников, которые насчет этого совсем бедовый народ. Теснота на партах невообразимая: на которой следовало бы сидеть двоим, сидит пятеро, да

и то только половине достается такая счастливая доля, а другие сидят на тесинах, положенных на концы парт, в промежутках, а остальные еще на обрубках дерева, расставленных по стене, им несчастным некуда и сумки с хлебом положить. Посмотреть у каждого, как он пишет, я не могу, и они у меня пекут вместо букв какие-то крендели – беда и только. На стене не видно, записать мне самой у каждого на доске букву нет сил, так как надо же заниматься и со вторыми, которые от нетерпения такой стон поднимут, хоть вон беги. И чтобы усадить их тихо, мне стоит великого труда, да и то не всегда удается; зато голове да и горлу порядочно достается, да к тому еще и простудилась с переборкой в новую школу, так что кашель и насморк, хоть и незначительные болезни, но они мне мешают. Шкафа у нас тоже нет, и книги мы валим в комнату для учительницы, которая величиною три аршина ширины и четыре с половиной длины, и тут же русская печь. А. Ф. выхлопотала, чтобы из чулана, который рядом с комнатой, сделали потом тоже комнату. Старшина согласился. С ним А. Ф. не приходится почти каждый день ссориться из-за парт и досок. Он заказал все парты своему родственнику, и доски, и шкаф. А. Ф. говорит, чтобы нанял еще плотников, а он не нанимает (представьте, еще попечитель!). И вчера А. Ф. так расстроилась, что идет сверху и чуть не плачет, а я тоже пришла в отчаяние от того, что у меня нет доски, но как увидела, что она очень огорчена, так уж и удержала свои жалобы на старшину. Раньше я удивлялась, как можно заниматься одной с 50-ю, а вот пришлось и с 70-ю с лишком. Все-таки я учеников своих очень люблю. Каждый день столько впечатлений, что я забываю то, что было вчера. Ученье начали 20 октября».

Опять от той же, письмо помечено ноябрем: «Вот и я уже почти месяц на своем месте, а все что-то чувствую себя неловко, и все душа неспокойна, точно в лихорадке хожу, то мне станет так скучно, что я готова заплакать, а то так весело, что чуть потом не прыгаю. Горе мое, что ученики не очень-то сидят тихо, уж не знаю почему! – не привыкли что ли, или же много их, так гул большой идет, ведь почти 80 человек в одной комнате. Иногда мне очень трудно бывает, прозанимаюсь четыре часа, да уж хоть ложись, так голова разболится. Еще хорошо, что мы гуляем вместе с ребятами. Вот эти прогулки меня очень радуют, я их очень люблю, в особенности, когда у нас ночуют ребята из других деревень. Пойдут с нами – и вот начинаются разго-

воры и возня. Потом приходим домой, ребята начинают учить уроки, а мы их спрашиваем; один раз книгу А. Ф. читала, а они слушали: «Воевода Вышата» – им очень понравилось. Еще горю мое в том, что я красиво писать не умею, за меня все тетради надписывает А. Ф. (прописей у нас нет – надо самим для образца надписывать), а я сделала для себя тетрадь и сама учусь писать. Как хорошо, что я попала к А. Ф., она меня так ободряет и разъясняет мне все мои недоразумения по отношению учителей. Да и я все-таки стала немного опытнее».

Первое полугодие прошло, прошло и время первого зимнего отдыха. Она пишет: «Мы это Рождество так веселились, так проводили приятно время, что я и не ожидала. Это единственное Рождество в моей жизни такое приятное и веселое. Что я предполагала сделать за него, то, конечно, не сделала, осталось предположением только. Чистописанию тоже не выучилась, зато теперь учусь, и, кажется, дело подвигается, чему я так рада, что и сказать не могу».

Слова ее: «мы веселились» и т. д. объясняются следующим образом. Их в том краю человек до десяти «земок»: одни учительствуют уже лет по 12, другие по 8, по 5, по 3 года, по 2 и, наконец, две только что начавшие. Затем, по соседству есть семья священническая, дьяконская – сыновья и дочери, есть доктор с женой, есть брат и сестра жены доктора, приезжающие на праздники, есть одна помещица, уже немолодая, но очень веселая – и вот в целом составляет общество человек в тридцать, общество, радующееся праздникам и празднующее их с величайшим увлечением. Устраиваются танцы, иногда спектакли, всегда непременно хоровое пение, а главное, очень много передвижения, веселого кочеванья от одних к другим. Для учительниц такие периоды веселья чрезвычайно ценны; ими дается, пожалуй, своего рода утомление, но оно до такой степени не похоже на утомление от школы, от постоянной нравственной напряженности, присущей добросовестной школьной работе, что на него нужно смотреть именно как на отдых, и очень оживляющий.

Связь между кончившими в Т.<верской> школе вообще очень сильна. Она вошла в привычку и поддерживается между прочим тем, что ежегодно весной, после экзаменов в сельских школах, много учительниц, человек до тридцати, обыкновенно съезжаются в Т.<верь>, прямо в школу, чтобы повидаться и со школой и друг с другом. Идет обмен годовых впечатлений, рас-

сказам нет счета. Так как съезжаются не всегда одни и те же, а бывает каждый раз хоть две или три таких, которым перед тем не случилось приезжать уже несколько лет, то происходят новые знакомства, заключающиеся обыкновенно чрезвычайно скоро, без всяких церемоний. «Я такая-то, из такого-то уезда». — «А я из такого-то уезда, такая-то». И затем разговор идет как будто между людьми давно знакомыми.

В школу они все приезжают именно как в родной дом, и это обычай чрезвычайно ценный. Я застала его в школе и желала бы, чтоб он всегда держался.

Выше было отмечено (с чем, конечно, все согласны), что школьное дело может идти успешно только при условии любви к нему и сознаваемого умения вести его, и надо сказать, что любви я встретила много в т... учительницах. Любви простой, прямой, без сантиментальности и задних мыслей. Большинство охватывается ею уже с самого начала своей школьной деятельности. Беру для примера несколько выписок из писем учительниц-первогодниц:

«Я сильно полюбила своих учеников, люблю свое дело, но оно у меня идет так, что похвастать не могу, — я знаю, что мне не хватает умения... Ребята у меня славные, за исключением немногих, не знаю, сумею ли этих поправить: двое постоянно лгут, а один страшный драчун, и еще один мальчик ужасно испорченный, из пьяной семьи. А в перемену и все почти ученики дерутся, как отучить их от этого? Какую бы им игру дать? Дисциплиной в старшем отделении я недовольна; здесь дисциплина, как видно, понималась в смысле мертвой тишины во время урока, достигалась она палкой, розгами и другими несуразными мерами; ребята были угрюмые, поразили меня своей забитостью, я хотела пустить их послабее, посвободнее, и от одной крайности перешла к другой, дисциплина слишком слаба; в двух же других отделениях я справилась осторожнее — из них дисциплина лучше в младшем отделении».

Другая пишет: «Я очень привязалась к ребятам, и они ко мне привыкли. Очень многие ходят ночевать. Скучать нет времени, потому что я всегда окружена веселым народом. По вечерам читаю им и они мне рассказывают. По воскресеньям все ребята приходят за мною и мы ходим в церковь, которая рядом со школой. Мне живется очень хорошо, даже могу ездить куда угодно, потому что староста дает мне лошадь для разъездов,

но я пользуюсь ею мало. Книг читать пока нет времени, хоть достать их могу у помещика, который живет от меня на расстоянии одной версты. Книг для детских чтений в моей школе довольно много, но ребята не берут, потому что все уже перечтано. Я буду просить вас выслать мне для ребятешек книг».

Третья: «Приехала я сюда 31 сентября вечером, но занятия начались лишь 6-го, я еще не совсем хорошо познакомилась с ребяташками, но начинаю привыкать. Методики понемногу оживают в голове, я открываю массу у себя пробелов и делаю много ошибок и скачков... Между ребяташками есть несколько симпатичных, к большинству еще равнодушна; трое в маленьком – такие идеальные, какими я представляла всех деревенских ребят (она горожанка), серьезно сознающие, интересующиеся, жадно хватающие ученье. В маленьком у меня 32 человека, в среднем 21. Теперь многие не ходят – картошку копают, часто приходят отцы и матери и уводят с урока: то на картошку, то в город ехать с телятами».

Четвертая: «Ребятишки мои очень милы, я их страшно люблю, почти постоянно интересуются тем, о чем читаем, так что благодаря этому и дисциплина хорошая, только один большак 14-летний мешает, никогда ничего не слушает, каждую минуту отрывается от дела и выводит из терпения; оставила раз его без обеда, да через 5 минут жаль стало и отпустила, и теперь не знаю, что делать. В 3-м отделении у меня 9 человек, я с ними повторяю все 4 действия многозначных чисел; из грамматики прохожу правила правописания. Раз пришлось лишь рассказать им немножко о пустыне: ах, как они отлично слушали, ни один не шевельнулся, а когда рассказала, стали множество вопросов задавать. Как жаль, что нельзя вести рассказов, а они так мало знают обо всем, особенно из географии; спросила раз: «Слышали вы, ребята, об Африке?» – «Нет, ничего не слышали». Просят часто книжек почитать, даже и отцы ребят читают. Придешь после урока к себе, вдруг отворется дверь, и мальчугашка в лапотках кричит: «Тятяка книжечку просит почитать». Конечно, дашь, что найдется. Вообще своими ребятками и школой я довольна. Устаю немножко после уроков да вечером, так как приходится много готовиться – 5 уроков каждый день у меня. Усталость немножко облегчается тем, что ребята слушают хорошо, интересуются. Только вот беда одна: воздух очень, очень худой, голова болит каждый день страшно, и вода тоже худая,

так как в селе живут овчинники, которые моют кожи в ручейке, а из ручейка нам берут воду на питье».

Пятая: «Дети славный народ, с ними можно скоро сойтись. Думаю, что я многого не сделала из того, что хотела бы сделать, но стараться буду, насколько сил хватит, – и это мое утешение».

Шестая: «Сегодня в конторе пели песни; на меня песни наводят какую-то тоску, в такие минуты бывает сильная потребность поговорить по душе с искренним человеком. Хоть бы ученики пришли вечером, посидели, да они не знают, что я приехала. До Пасхи каждый вечер ко мне приходили сидеть человек 10–15, и такая хорошая беседа идет у нас, что мы не замечаем, как проходит время; и мне и ребятам пора ужинать, ни я ни они не вспомним про ужин; у меня на квартире съестного нет, схожу я в контору, принесу хлеба, разделю им и себе возьму – и все сыты, и опять сидим, и насилиу потом отошлю их спать. Сначала я им почитаю или поговорю что-нибудь из учебного, потом расспрашиваю их, как они живут, что делают, вообще о их жизни, они меня спрашивают о том же, некоторые из ребятшек меня очень любят, и я заметила, что эти ученики, которые любят меня, и между собою живут дружнее, составляют такой плотный кружок».

Седьмую выписку, касающуюся экзамена, беру уже не у первогодниц, а из письма одной учительницы, работающей несколько лет в чужой губернии. «Экзамен был 18 мая. 17 человек выдержали, 18-й тоже выдержал, но по малолетству свидетельства не получит, а получит книгу в награду. Еще ходили два кончившие, они выдержали, и им дадут по похвальному листу. Два года тому назад у нас в земстве было постановление: похвальный лист давать кончившему, который ходил еще год, т.е. всего четыре года. А тому, который ходил три года, как бы он хорошо ни учился, похвальный лист не дается. Весь наш старший класс, т.е. двадцать человек, прекрасно учились, это был класс выдающийся, с прошлогодним и сравнить нельзя. Такие были умницы, что мне жаль, страшно жаль с ними расставаться. Отвечали на экзаменах очень хорошо. Диктант написали так хорошо, что я даже удивилась. Многие совсем верно, больше трех ошибок ни у кого не было. Задачу решили быстро и верно. Экзаменатор меня очень благодарил. Я ему сказала: “Вы меня не благодарите, это такой выдающийся класс был”. Он сказал, что скромничаю. А я в самом деле правду говорила».

И действительно, нет сомнения, что она говорила правду и что ученики у нее были хорошие; но, тем не менее, очень привлекательна настойчивая простота, с которой она даже несколько обижается за то, что все достоинства приписываются не им одним.

Экзамены на льготу всегда очень волнуют учительниц, и между прочим потому, что бывают они весной, когда ребят не удержишь. Одна пишет: «Экзамен предполагается 4 мая. До масленицы я не особенно боялась, потому что были хорошие ученики, но из них остался только один: двое уехали в Москву, двое нанялись в пастухи, а одному не хватает лет. Так что после масленицы я избрала еще несколько человек, которых взялась постепенно подготовить. В последнее время занималась очень много и все-таки чувствую, что они не совсем годны к экзамену, по крайней мере, некоторые из них: один пишет не особенно хорошо, другой читает так же и т.д. Но замечательно то, что все они задачи делают теперь отлично: быстро и с пониманием, между тем как в продолжение года это было корнем зла. Если бы экзамен был попозднее, я бы их приговорила, а тут еще вдобавок праздник. Начало Страстной и конец Пасхи буду заниматься, а там посмотрю».

Другая пишет: «Кого у меня будут экзаменовать, когда в школе и двадцати человек не осталось? Все ученики разошлись наниматься в пастухи и дровосеки, а многие никак не могут попасть в Боброво благодаря бездорожью. У нас снег тает очень быстро, везде ручьи; на первой неделе у меня было 44 человека, а теперь ходит только 13 человек, и то не знаю, долго ли проходят. Из старших ходят только 2, а еще 2, которых я готовила к экзаменам, сидят дома, потому что нет дороги. Как же быть? Из оставшихся учеников надежный только один, а другой на первом же слове в диктанте сделает три ошибки. Этот мальчик отлично читает по-русски и по-славянски, увлекательно рассказывает и понимает очень порядочно арифметику, но с грамматикой положительно не знаю, что делать. Он скажет все правила правописания, но применить к делу не сумеет ни одного. Ошибки его выводят меня иногда из терпения. Я после уроков занимаюсь с ним и еще с одной девочкой диктантом — зато в эти часы измучаешься больше, чем в целый день. Пишут эти ученики, как говорят, со всеми местными искажениями речи».

И помимо экзаменов, успехи учеников, не могут, конечно, не волновать. Большинство писем имеет две стороны: одна касается личного настроения, другая заполнена подробностями об удачах и неудачах по арифметике, по письму, по чтению. Было бы слишком долго останавливаться на оттенках техники, но для образца приведу два или три отрывка из таблиц, которые давали бы понятие об учебной стороне дела. Беру из середины учебного года. Письмо помечено 28 ноября.

«В младшем отделении только что кончили все буквы. Читают одни очень хорошо и осмысленно, другие плоховато, но осмысленно, третьи хорошо, но неосмысленно; есть и такие, которые читают плохо во всех отношениях. Задачи решают в пределе числа 15. Пишут тоже разно: половина хорошо, половина плохо, но вообще пишут хуже, чем читают. В среднем отделении решаются задачи в пределе сотни и далее, читают хорошо по-русски и по Евангелию очень порядочно, с переводом употребительных слов, как “аз”, “еже”, “аще”, “рече” и т. д. В старшем отделении из грамматики прошли все о простом предложении и почти все правила правописания. Диктант пишут очень часто. По книге Баранова дошли до разделения России на края или на полосы. Читают в старшем отделении очень хорошо. Из арифметики дошли до деления, при этом решаются и устные задачи. Пишут старшие по двум линейкам, я не знаю – не лучше ли им писать теперь по одной линейке. Не знаю, право, как разнообразить в среднем отделении самостоятельные работы, – на среднее отделение я удаляю самое меньшее время».

Как видно, у этой дело идет гладко; беру теперь другую, недовольную собой. Письмо около того же времени, от 13 декабря.

«Успехи учеников очень плохи, это меня сильно беспокоит. Грамоту мы окончили, но читать еще не научились, почти половина читают по звукам, и то еле разбирают, все не могут приучиться сливать. Арифметика в младшем тоже идет плохо, план задачи составлять могут, но рассуждать – даже во 2-м отделении – и то не приучились. У некоторых совсем еще не образовалось понятия о числе, нужно бы наглядные пособия, например кубики, а их нет. Начали писать и на бумаге, но плохо еще, не приучились, да и писать приходится редко, потому в училище ужасно холодно, нет возможности держать в руках пера. Во 2-м отделении арифметика тоже плохо, только недав-

но приучились самостоятельно решать задачи, раньше решали только со мной, одни не могли. Пишут порядно, ошибки делают, но не очень много, впрочем, смотря по работе. Читают тоже ничего по-русски и по-славянски. Теперь приучаются читать шестопсалмие в церкви. Чувствуется недостаток в темах для самостоятельных работ, очень они однообразны».

Надо здесь заметить, что затруднение с самостоятельными работами – постоянный припев, особенно в школах, имеющих одну учительницу на 3 и на 4 отделения (4-е образуется само собою из учеников, продолжающих ходить по окончании курса). Особенно затрудняет придумывание самостоятельных работ для младших, познания которых слишком малы для того, чтобы из них черпать.

Не продолжая дальше выписок, касающихся учебных предметов, возьму еще одну, касающуюся ведения дела в общем. Письмо помечено началом августа, учительница рисует себе некоторые планы предстоящего учебного года и затем, вспоминая о своем прошлом годе, говорит:

«Я чувствовала, что ужасно разбрасывалась и не знала просто, что делать. Сознаю, что, если бы шло у меня спокойно, гораздо больший бы успех был, сознаю это и в то же время хватаюсь за одно, вспоминаю, что другое совсем не двигается, тогда хватаюсь за него, бросая первое. Так и хваталась я в школе своей то за славянский язык, то за арифметику, то за письмо на бумаге. Мучилась и не знала, как бы сделать иначе, вести поровнее. Да я думаю, что к ровному, спокойному ведению дела я вряд ли когда буду способна. Во всем, во всяком деле я и сама замечаю, что в первую половину времени, нужную для исполнения этого дела, я делаю его с непростительной медленностью, думаю, что не надо торопиться, лучше выйдет; когда же наступает вторая половина, я вижу, что время уходит, тороплюсь, делаю промахи, часть которых не вижу, а часть и вижу, да исправлять некогда. Самый конец у меня обыкновенно бывает в самую последнюю минуту, вернее, всякое дело у меня не имеет конца. Не знаю, избавлюсь я когда-нибудь от этого или так и останусь с этим за роком».

Как на успехах обучения, так и на личных отношениях к детям и к населению очень неблагоприятно отражается, если учительницу несколько раз переводят с места на место. Это чаще всего случается там, где основывают разом несколько

новых школ и в связи с этим передвигают служащий персонал. Продолжительность службы на одном месте – условие ценное. Начинать несколько раз сначала и утомительно, и отбивает энергию. Одна из учительниц, в короткое время переведенная на третье место, пишет с некоторым беспокойством: «Теперь все в моей школе начинает улаживаться, только одно меня беспокоит, что я до сих пор не могу привязаться к ребятам. Если допустить, что я совсем не люблю ребят, так отчего же я любила их в С...ской школе и до сих пор жалею их; а в К...ской-то школе была ведь всего полторы недели и все-таки полюбила ребят; а здесь не люблю, да и все, и сама не знаю отчего». С течением времени это, конечно, сглаживается, и в нынешнем году, упоминая о предстоящем выпуске своих старших, та же самая учительница говорит, что вполне довольна ими и что ей хочется подарить им на память по книжке, для чего и просит выбрать на ее деньги 10 или 11 книг, копеек по 30-ти.

Несколько последних выписок могут служить между прочим образцом того, как строго и беспристрастно умеют относиться к себе некоторые учительницы. Само собой разумеется, что это не может быть чертой вполне общей, что могут найтись и самодовольные, и узковатые, но их, по правде сказать, надо считать единицами, тогда как строгих к себе десятки. Грешат, скорее, в сторону противоположную – в сторону самообвинений, самоупреков, иногда очень тяжелых.

Самообвинения эти, впрочем, неосновательны, и безнадежность, в которую учительницы иногда впадают, напрасна. Из чего же и может выйти толк, как не из преданной, простой, искренней деятельности – без зрителей, надо заметить. Значит, не ради исполнения театральной роли.

Желание принести пользу ученикам заставляет многих, находящихся уже на местах, добиваться в жизни таких знаний и таких навыков, которые не приобретены раньше отчасти по небрежности, отчасти потому, что не было случая приобрести. Так, например, в учительской школе далеко не всегда удается достичь выработки хорошего почерка: девушки поступают уже довольно взрослые, с привычками писать так или иначе, затем их не отучишь от писанья огромного количества черняков, на уроки каллиграфии многие смотрят очень небрежно, не считают необходимым переносить их правила на свое обыкновенное письмо. Стоит им сделаться учительницами – и вот получаешь от них та-

кие слова, вроде которых уже и встречались в приведенных выписках: «Думаю летом заняться каллиграфией. Это мне необходимо нужно. Пишу я сама безобразно, а почерк учителя ужасно передается ученикам. Так что каждый день буду посвящать по часу уроку каллиграфии». Или в том же роде: «Мне хочется выработать у себя правильный и более или менее красивый почерк. Ужасно ученики перенимают почерк учителя, так что в этот год я их сама писать не учила, а уроки чистописания у меня вел помощник. Он очень красиво пишет». Письма полны заботливых расспросов о множестве подробностей, часть которых можно бы запомнить из своего учебного курса и связанных с ним разговоров, но тогда это прошло мимо ушей, теперь же стоит лицом к лицу.

Нельзя, впрочем, научиться тому, как поступать в том или другом отдельном случае, важно только знать, что все отдельные случаи имеют сами по себе значение и что заботливость действительно нужна по отношению к ним; собственный опыт и советы других помогут постепенно разобраться. Так это и бывает в действительной жизни.

Сверх занятий прямошкольных, многие с удовольствием отдаются занятиям добавочным – учат рукоделиям девочек и молодых девушек (вязанье чулок, вязанье крючком, вышивание); учат также подростков и взрослых пению, составляют хор, поют в церкви. Пение в церкви очень ценится крестьянами, и учительницы охотно стараются его завести. Те, у которых здоровая грудь, сильный голос, берутся за это не задумываясь. Одна пишет:

«Вы спрашиваете, как я начала пение, – очень просто. В одно время помещик предлагает мне учить пению, и все крестьяне просят – я, конечно, исполнила их желание, так как для меня это не труд, а удовольствие. У меня два урока пения, в четверг и в субботу, учу с голоса, без всякого камертона, да он мне и не нужен, я и так голоса каждой молитвы хорошо знаю, а дальше молитв не пойду, да кое-что простое из церковного пения будем знать».

Голос у этой девушки замечательно хороший, гибкий и сам по себе должен иметь некоторое значение для воспитания местных музыкальных вкусов. Другим дело обучения дается не так легко. Беру опять отрывок:

«Здесь моя родина, и потому мне здесь хорошо. Школу свою я люблю, а потому тоже пользуюсь любовью учеников и учениц. Только очень жалею о том, что прекратила пока уроки пения. Болит грудь, очень кашляю, а учила петь с голоса, при кашле

пение невозможно. Как только приедет гувернантка к помещикам, буду учиться играть на рояле. Управа даст тогда фисгармонию, при помощи которой успешнее пойдет пение».

Это, впрочем, легко сказать, что «управа даст». Не хватает средств у управы. Бывает так, что гармонию-флют² покупают на сборные средства.

Так сделала в прошлом году одна учительница, у нее есть родные и знакомые в Петербурге, люди довольно достаточные. Она просила своего брата сделать сбор в их кружке. Собрано было 35 руб.<лей>. Флют-гармония с подставкой стоит 50 или 55 рублей. Недостававшая сумма была собрана в Т.<вери>, и инструмент появился в захолустной школе. Вопрос только в том, долго ли он будет мириться с холодом и сыростью этой школы, одной из самых плохих по помещению; очень может быть, что окажется требовательнее мерзнувшей тут учительницы. Инструмент бывает иногда подарен попечителем, когда этот попечитель – помещик. В течение двух последних лет школы три получили по такому подарку. От помещика же, в этом случае вернее – от жены его, одна школа получила в подарок переплетные инструменты. Учительница, находящаяся на этом месте уже лет семь-восемь, давно добивалась их. Это та самая, которая в одном из приведенных писем выражает готовность идти собирать «на построение школы». От степени энергии учительницы, добывающей себе тех или других пособий, конечно, очень много зависит количество этих пособий, обогащающих школу. Но рядом с тем бывают, конечно, места, где никакая энергия не поможет. Что сделаешь, например, в таком случае: «Попечитель школы здесь кабатчик – ничего не понимает в школьном деле, а всегда вмешивается...» Вмешательство подобных людей бывает только ограничительного свойства; это надо знать заранее, и тут уже ничего не удастся выпросить. Приходится справляться как-нибудь собственными средствами.

Очень много забот вызывает у учительниц их желание доставить внеклассное чтение ученикам. По отношению к чтению учительницы наталкиваются на такую жажду, что им естественно волноваться этим.

² Гармония-флют (правильнее: гармоника-флют) – вероятно, вариант фисгармонии с флейтовым регистром, т.е. имеющий звучание, сходное с тембром флейты (благодарю музыковеда, кандидата искусствоведения Н.К. Дроздецкую за необходимые разъяснения).

Очень неблизко еще то время, когда всякая местность, имеющая школу, будет иметь также и библиотеку. Но все-таки такое время должно прийти – иначе не может быть. Во всяком народе, раз попробовавшем грамотности, грамотность быстро нарастает, и затем надо ее чем-нибудь удовлетворять. Если не доставлять ей удовлетворения правильного, хорошего, она будет искать его между подонками литературы, которые всегда спешат втереться там, где нет лучшего.

Иметь при школе библиотеку – мечта каждой учительницы, пишут они по этому поводу и к инспекторам, и в свою учительскую школу, и к частным знакомым. Когда случается приезжать в город, покупают сколько-нибудь книжек на свои два-три рубля. Иногда бывает, что ученики, сложившись, или взрослые крестьяне приносят учительнице перед ее отъездом рубль-два с просьбою привезти «что-нибудь почитать».

Для самих себя учительницы тоже часто просят книг, преимущественно литературного содержания, но рядом с этим высказывается нередко желание почитать «что-нибудь по медицине». Деревенские люди, особенно бабы, очень часто обращаются к учительнице за советом, за помощью. Печально отсылать ни с чем, печально не уметь даже сказать, опасна ли болезнь и нужно ли сейчас ехать с нею к доктору, иногда за много верст, или же можно отложить, подождать. Вот для того чтобы сколько-нибудь разбираться в самом поверхностном определении болезни, желают почитать по медицине.

В связи с этим стоит еще одна подробность. Почти каждый год одна или две учительницы, пользуясь своими каникулами, пристраиваются к местной земской больнице, просят разрешения присутствовать в амбулатории и помогать врачам при приеме больных. Довольно скоро выучиваются накладывать перевязки, раздают лекарства по назначению, очень добросовестно заменяют во многих случаях как сиделок, так иногда и фельдшерниц. Само собой разумеется, что настоящих знаний таким путем приобрести нельзя, но навыки кой-какие приобретаются. Главное, это служит хорошим курсом подания первой помощи в случаях ран, ушибов и т.<ому> под.<обном>. Применять это в деревне, разумеется, приходится не раз.

И вот таким образом все больше и больше нитей связывает учительницу с населением: пение в церкви, чтение книг, практические советы в случае болезней. Иногда бывает, что обращаются

за советами и относительно деловых бумаг. Особенно, если учительница долго остается на одном месте, то доверие к ней входит в привычку и местные отношения вырастают замечательно дружественные. Бывшие ученики, обросшие бородами, женившиеся и имеющие детей, продолжают во множестве случаев опираться на мнение своей учительницы. Ее извещают о всяком семейном событии, заходят поговорить с нею. Учительницы со своей стороны тоже ходят в гости к крестьянам, но не все одинаково охотно. Есть «гордые» и есть «простые» — в этом случае сказываются иногда дошкольные семейные привычки и взгляды. Не знаю, верно ли мое замечание: я сказала бы, что в общем дочери причетников держат себя проще священнических и дьяконских дочерей, крестьянки и дочери городских чиновников проще мещанок.

Вот в школе у себя, по отношению к ребятам, ни у кого нет никаких сословных счетов, и потому любовь к детям остается все-таки повсюду самым главным связующим звеном между учительницей и взрослым народом.

Само собой разумеется, что есть местности, где учительница и не так скоро прививается, где и отношения к ней грубы. Из представляющихся мне примеров дурных отношений к окружающему всего ярче пример одной только что кончившей курс и попавшей в школу близ станции железной дороги. Ребята оказались буйными, испорченными, совсем не похожими на обыкновенных деревенских. На них, видимо, откликалось житье попрошайничеством у окон вагонов, продажами на гривенник малины и земляники. Грубую шалость они считали за величайшее удовольствие; раз даже заперли свою учительницу в школе и унесли ключ, ей пришлось вылезть через окно. Приведу два письма ее.

«Мои буяны стали теперь немного помирнее, но все-таки еще трудно справляться. Думаю, если Бог даст остаться здесь, справлюсь с ними все-таки. Пока я еще не за наказания. Самое сильное наказание у меня для них — это вывести вон из класса, чтобы не мешал; тоже в угол ставила несколько раз. Сегодня они в школе два стекла разбили, а вчера одному почти все волосы выдрали — просто нельзя отвернуться от них; 7- и 8-летние мальчики курят табак и пьют вино, а отцы одобряют и поощряют в этом».

Из следующего письма выписка:

«Ученье идет вперед, но сближение с учениками стоит на точке замерзания, с остальными же окружающими людьми не стоит и зняться. Эти остальные — стационарные служащие,

люди мелочные, от нечего делать стараются подмечать в каждом одни только дурные стороны и посмеяться над ними. Здесь я пока еще не нашла ни одного человека, с которым можно бы отдохнуть, поговорить по душе».

Подобного же рода жалобы шли одно время из довольно дикого села, где народ вообще буйный и где у всех сложилась заранее мысль, что учительница «не справится», что нужен учитель. Там бывало особенно неприятно по вечерам в праздники: дурачились, кричали, стучали в окна. По большей части это были проделки молодых парней. Как-то раз об этом зашла речь на сходе, и старшина потребовал от отцов, чтобы они наблюдали, не позволяли сыновьям пугать учительниц. После того дурачества прекратились. Отчасти помогло, может быть, что в школе завелась маленькая библиотечка, из нее стали просить книг, и отношения стали более нормальными.

Там, где учительница еще внове, где до тех пор учили учителя, мужики очень часто выражают недовольство и боязнь, что она распустит, что нестрого держит, не бьет. Бабы, наоборот, довольны тем, что не бьет, говоря: «Ровно ты мать родная». Благодарят.

Впрочем, если учительницы наши не бьют, то наказывать они все-таки наказывают. Большинство из них недовольны собою в этом отношении, но не умеют справиться иначе. Когда съезжаются весной, то почти всегда разговор касается наказаний. Помню довольно забавный рассказ одной приезжей. По окончании курса, лет шесть тому назад, она заняла место помощницы. Учительница была не знаю откуда, только не из учительской школы. Наша молодая девушка в течение первого полугодия справлялась благополучно, ребята сначала приглядывались, были смирны, потом шел разгар занятий и если даже кое-кто пошалывал, то в пылу увлечения это не замечалось. Но вот стала подходить весна – с нею почти всегда подрыв дисциплины. Как только начинает притаивать, ребята проводят больше времени на улице и становятся шаловливее. Человека неопытного это смутило; посоветовалась со своей учительницей, та говорит: «Шалят оттого, что не наказываете». Попробовала раз – послала шалуна встать к стене; все тотчас притихли перед неожиданностью, и тот, которого поставила, сидел потом несколько дней как шелковый. Она подумала: «Правда, что наказывать полезно» – и стала повторять. Действие оказывалось слабее, она все-таки продолжала. Вот раз

объясняет что-то, некоторые мешают; поставила в угол, а сама отвернулась к классной доске, пишет что-то на ней и объясняет ребятам. очень увлеклась объяснением, да как оглянется, а парты наполовину пусты: в углу вместо двоих целая куча добровольцев. Очень растерялась и с тех пор перестала наказывать.

Не особенно давно в одном из уездов несколько учительниц-соседок, которым случается часто видеться между собою, задумали употребить такие встречи на обсуждение разных педагогических вопросов, всех их близко интересующих, и первое же такое обсуждение было посвящено наказаниям. К сожалению, не пришлось слышать подробностей, знаю только, что говорилось очень горячо и очень искренно. Себя не скрашивали и желали добиться каких-нибудь основательных выводов.

В другое время и в другом уезде, тоже на одном из учительских вечеров, где были также и два местных священника-законучителя, много толковали о том, действительно ли нужно давать детям свободу в минуты промежутков между уроками. Надо сказать, что во многих местах, где школа еще не пустила корней, крестьяне очень неблагоприятно смотрят на то, что детей выпускают в классные часы пошуметь и порезвиться. Предполагается, что они затем и в школе, чтобы все время сидеть за книжками, и у некоторых из учительниц не хватает энергии бороться с таким взглядом отцов. После этого вечера, когда одной из учительниц того края случилось быть в Т.<вери>, она просила указать ей какие-нибудь статьи в педагогических журналах или книги, касающиеся вопроса.

Упомянув о педагогических журналах, я вспомнила, что было бы хорошо сказать что-нибудь о том, много ли следят за специальной литературой. Насколько знаю, педагогических журналов выписывают мало. Предпочитают издания общего характера, а не специального, потому что естественно хочется по временам отдохнуть, перенестись мыслью в другую сферу, заглянуть в то, где что делается вообще, иметь картинки из другой жизни, а не все только из своей.

Педагогический журнал каждая была бы рада иметь вдобавок к другому чтению, но как ни дешевы некоторые специальные издания, всякий рубль идет туго в качестве добавления к расходам.

Жалованья колеблются приблизительно от ста двадцати рублей до 300 р.<ублей>. Квартиры готовые даются не всегда. Более двух третей школ имеют их, в остальных случаях приходится на-

нимать. При этом надо иметь в виду, что у одной девушки на руках мать, у другой мать и сестра, третья должна посылать денежную помощь родительскому хозяйству. Кое-что тратится на поездки друг к другу и в город – без этого нельзя. Одежда в деревне требует немного подновления, но все-таки требует. Бывает, что учительница, не имеющая шубы, года два-три не может справиться со средствами, чтобы завести ее, а уж шуба-то как ей нужна!

Если и невелики жалованья, то, по крайней мере, в Т.<верском> земстве есть чрезвычайно ценная сторона службы – выслуга эмеритуры³. В первое время своей работы человек, конечно, не смотрит вперед, но затем, лет через десять, это так важно знать, что эмеритура даст покой на старость. За 15 лет эмеритура половинная (60 р.<ублей> в год), и я знаю таких, у которых лучшая мечта – приобрести с уплатой в рассрочку клочок своей земли, десятин 10–15, а затем с помощью эмеритуры жить крохотным хозяйством. Действительно, это самое законное, самое желательное завершение учительской работы в деревне. Не уходить же в самом деле из этой деревни, с которой человек сроднился, не идти же в город занимать жалкий угол мебелированных или немеблированных комнат.

Две из воспитанниц учительской школы, служавшие уже много лет, приближающиеся к получению эмеритуры и мечтающие именно о своем клочке земли, ездили недавно на лето к известному руководителю молочных хозяйств Верещагину⁴, чтобы там выучиться маслоделию; они думают, что это им может пригодиться для их будущего, и вообще считают очень полезным присмотреться к верещагинскому уходу за скотом.

В последние два-три года довольно много учительниц, человек десять-двенадцать, привлекались еще пасекой. В 12 верстах от Т.<вери> находится школа пчеловодства, и вот там, в виде пробы, было организовано летнее ознакомление посторонних желающих с уходом за пчелами. Конечно, только часть этого ухода можно наблюдать летом, остальное же проходит в теории, по книге. Случаев применения этого вновь приобретаемого зна-

³ Эмеритура – пенсия, получаемая из эмеритальной (страховой) кассы.

⁴ Н. В. Верещагин – специалист по молочному животноводству, основоположник русского промышленного сыроварения и маслоделия. В 1868 г. в селе Едимово Корчевского уезда организовал образцовую ферму молочного скота, позже при ней была открыта школа молочного хозяйства с отделением в Ярославской губернии.

ния еще не было, но до меня уже из двух мест дошел слух, что там с нынешнего года учительницы попробуют завести своих пчел.

Возвращаясь к сказанному вначале: надо думать, что с течением времени непременно войдут в обычай правильно организованные летние курсы тех или других отраслей сельскохозяйственного труда.

И еще хорошо бы вернуться к обычаю, который одно время был довольно сильно распространен, затем в значительной мере заброшен: это обычай учительских съездов.

Съезды важны между прочим потому, что они вносят новые струи в преподавательскую практику. Разработка тех или других методов не может стоять вечно на одном месте, она движется. Интересно и важно следить за этим движением, интересно и важно знать, какие новые учебные книги вышли в свет, интересно знать, удачно ли они применяются на практике. На съездах в головах участвующих оживают старые знакомые им методы и тут же они добавляются новыми.

Даже те, которые говорят, что ничего нового не надо, в сущности всегда стоят за что-нибудь новое; когда предлагают вернуться к старому, это старое является для данной минуты не старым, а новым, стремящимся исправить ошибки того, что и двинуто предшествующим моментом. И для того чтобы решить, где и в чем лучшее, что надо принимать и что надо отвергать, нужно ознакомление, нужно обсуждение.

Во всяком деле сознательные шаги имеют наиболее вероятия получить успех. К сознательности шагов приучает каждого учащего, как и вообще каждого человека, его собственный опыт; учительницы же и учителя, выходящие из специальных подготовительных заведений, усваивают эту привычку к сознательности со школьной скамьи. Учительские семинарии не только не отживают свою роль, но следует думать, что их значение будет создано и для средних учебных заведений. И учащие и учащиеся только выиграют от этого.

Учительская школа пользуется в Т.<верской> губернии очень большой популярностью и, если судить по тому, насколько растёт количество желающих поступать в нее, популярность эта все более и более крепнет. Было время, когда принимали всех таких желающих, теперь количество их ежегодно вдвое превышает количество вакансий. Раньше родителями ценилась преимущественно возможность поместить на даровое содержа-

ние, на стипендию, теперь ценится больше всего возможность поместить сама по себе; осенью, перед приемными экзаменами, нет отбою, в числе убеждающих доводов становятся очень усиленно: «мы ведь помощи не спросим, мы на свой счет».

Усиленный прилив объясняется, конечно, тем, что уезд за уездом вводят у себя в обычай брать учителей и учительниц со специальной подготовкой. Выпуск за выпуском оказываются размещенными в течение шести-семи месяцев. Зимой приходится несколько раз отвечать отказом на просьбу прислать кого-нибудь из кончивших; спрос продолжается, посылать уже некого, свободных нет.

Со стороны губернского земства поддержка учительской школе является ежегодно в виде 13000 субсидии; кроме того, земство нарочно для нее отстроило дом, в который школа и перешла из наемного помещения несколько лет тому назад. В общем годовое содержание школы обходится приблизительно в 22000 рублей (9000 добавочных к 13000 составляют из платы за стипендиатов и ~~з~~вокоштных). Количество воспитывающихся — 170, из них 130–140 живущих, остальные приходящие. Почти все они уроженки губернии, так как земство совершенно справедливо дает местным преимущество при приеме. Куда же им идти искать образования, если бы родной край стал отдавать свои образовательные средства чужим?

Заканчивая свой очерк, прибавлю еще, что значение Т.<верской> учительской школы именно в том и состоит, что школа, возникшая из живых потребностей местного населения, всегда оставалась верна этим потребностям и развивалась в тесной связи с ними, деятельность же т.<верских> учительниц, бывших воспитанниц школы, ценна и сильна преимущественно тремя своими сторонами: во-первых, специальной подготовкой, во-вторых, устойчивостью в труде, в-третьих, сознанием труда общего, дружного, а не единичного и разрозненного. При этом значение специальной подготовки заключается, на мой взгляд, не только в общих приемах обучения, но еще гораздо более в общем настроении обучающихся. Уловить, обрисовать это настроение я надеялась с помощью выписок из писем, но чтобы это вполне удалось, выписок пришлось бы сделать несравненно больше, а очерк и так уже вышел довольно длинным.

О ЛИТЕРАТУРЕ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ВЗРОСЛЫХ

«Любимую книга делается для человека тогда, когда она более или менее ясно отвечает на какой-нибудь внутренний вопрос...»

Е. П. Свешникова

ОБЗОРЫ КНИГ ДЛЯ НАРОДНОГО И ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

ИЗДАНИЯ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА
РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХ КНИГ

Книжки для школ*

Намереваясь остановиться на книжках, выпущенных в свет «Обществом» в течение 1878 и 1879 гг., скажем сначала несколько слов об общем характере изданий, имеющих за собой уже довольно многолетнюю историю. В настоящее время насчитывается до 200 с лишком названий тех «книжек для школ», которым «Общество» дало жизнь. Если бы все эти 200 приношений были действительно ценными! Если б, говоря библейским языком, это была пшеница без плевел! Но... мы даже не знаем, с чего начать, — не знаем потому, что по-настоящему следует высказать очень многое, а это многое потребовало бы слишком длинных объяснений с нашей стороны. Постараемся остановиться, по крайней мере, на главном.

Большинство изданных книжек имеет, к сожалению, характер ханжества. Этим последним словом мы вовсе не подменяем слова религиозность. Религиозность — крупная сила, глубоко уверенный в самом себе дух. Религиозность не гонится за условными формами выражения, но всю свою речь от начала до конца пропитывает одной идеей; религиозность может иногда доходить до фанатического пафоса, но никогда не прибегает к назойливо-крикливому тону мелодрамы. Ханжество ограничивается повсеместным прищипливанием шаблонно-благочестивых фраз, воззваний к Богу или правил прописной морали. Все мы отлично знаем закон «люби ближнего своего, как само-

* Впервые: Женское образование. 1879. С. 534–535 (предисловие к обзору изданий Московского Общества распространения полезных книг).

го себя», но не все одинаково иллюстрируем его в воображении. Один представляет себе эту живую взаимную любовь как не-пременное условие счастья всего человечества вообще, другой смотрит на нее только как на «обязанность», большее или меньшее исполнение которой должно вести за собой большую или меньшую награду в будущем. У одного оно проникнуто духом, у другого ограничивается формой, и так далее. Само собою разумеется, что для молодых читателей мы особенно желали бы книг, влияющих на широкое развитие духа, — между тем их-то и мало встречается. Поучительность вертится обыкновенно только на самых обыкновенных предписаниях: молись Богу, не воруй чужих пятак, говори «хорошие» слова. По поводу первого напомним выражение «не всякий говорящий Мне: Господи, Господи! войдет в царство небесное», по поводу второго припомним вечную язву обществ — ростовщичество (еще Давид упоминает между качеств праведника: «сребра своего не даде в лихву и мзды на неповиновенных не прият»), о третьем же и распространяться не стоит: благо тем, которые в своей наивности верят в силу «хороших» слов, но молодежь, конечно, не следует напивать розовыми надеждами на этот счет. Это значило бы класть зародыши разочарований и раздражения против всяких «закоренелых», неспособных проникнуться раскаянием в ту самую минуту, как его им предложат, и то в самой отвлеченной форме. В книжках, издаваемых «Обществом», все порочные исправляются сразу и навсегда — в жизни это не только редко бывает, но едва ли бывает хоть когда-нибудь. В книжках такие превращения совершаются после нескольких душеспасительных слов — в жизни же, если что и влияет, так это пример. Слова могут служить только дополнением к нему, дополнением, не особенно существенным.

Помимо указанного нами самого крупного недостатка, книжки «Общества» имеют еще другой: для школ большая половина из них, особенно из самых дешевых, не годится именно потому, что тут все речь идет про богатых и для богатых; к тому же язык переводов (рассказы почти все переводные) тяжел и недоступен для простых школьных ребят. И дешевы бы книжки, да мало толку в них! И хорош виноград, да зелен!..

Книги для народного чтения*

Издания склада «Посредник»: 1) Чем люди живы. Льва Толстого. 2) Бог правду видит, да не скоро скажет. Его же. 3) Кавказский пленник. 4) Два старика. Его же. 5) Упустишь огонь – не потушишь. Его же. 6) Где любовь, там и Бог. 7) Христос в гостях у мужика. Н. Лескова. 8) Суд людской не Божий, или Дед Софрон. В. Савихина.

У каждого из нас были и есть любимые книги, у одного одни, у другого другие, смотря по тому, откуда и куда мы идем. Любимую книга делается для человека тогда, когда она более или менее ясно отвечает на какой-нибудь внутренний вопрос. иногда даже бессознательный, не формулированный, но, тем не менее, готовый встрепенуться при первом толчке. Бывает и так, что книга на этот вопрос не отвечает, а только с своей стороны выражает его. И во многих случаях этого довольно, чтоб ее полюбить, чтоб почувствовать в ней товарища и опору. Чего она ищет, того и я ищу, значит, я не один – во мне прибавляется и энергии, и надежды найти искомое.

Но если я одни книги люблю, то другие не люблю. За что же? Прежде всего за то, что они дают мне камень вместо хлеба и даже иногда хуже, чем камень, – комок грязи, распространяющий зловоние. Я не хочу камня, не хочу комка грязи, и мало того, что за себя их не хочу, но и за всех, кому их предлагают, особенно же за тех, кто может ошибиться, принять их за настоящий хлеб и попробовать им питаться.

Чтобы любить одни книги и не любить другие, надо иметь перел собой и выбор, т. е. литературу. Литературу мы в России имеем, но только кто это *мы*? Несколько десятков тысяч, тогда как людей в России десятки миллионов. В глуши лесов и степей они еще далеко не все грамотны, и сделать их всех грамотными – одна из главных задач современной культуры. Не то чтобы грамотность была сама по себе высшим благом; но она – глав-

* Впервые: Воспитание и обучение. 1886. № 1. С. 18–23; № 2. С. 45–46; № 10. С. 201–206.

ная нить, которою теперь может быть сближено, сдружено, связано разросшееся и разбросавшееся человечество. Затем задача распространения грамотности прямо и естественно приводит к другой, следующей за нею: дать чтение новым слоям, до сих пор не знакомым с книгой. Они еще не владеют и долго не будут владеть сложными формами выработанного литературного языка, следовательно, нельзя прямо предложить им наше книжное богатство и сказать: черпайте из него. Надо создать для них запас новый. У каждой единицы из «миллионов», как и у каждой единицы из «тысяч», есть на душе вопросы сознаваемые и несознаваемые, умственные и нравственные; нужны отклики на них, нужны книги, способные быть любимыми в смысле отвечающих на эти вопросы. И наша обязанность, обязанность владеющих книжными богатствами – не только пригласить всякого черпать из них, но и придать этому форму доступную.

Отсюда ясна точка зрения, на которой мы стоим по отношению к так называемым «народным» книгам. Меркой достоинства являются для нас: во-первых, характер отклика, даваемого на умственные и нравственные вопросы (т. е. чтобы не давался камень вместо хлеба); во-вторых, доступность языка для малограмотных читателей; в-третьих, дешевизна, т. е. тоже доступность, только с другой стороны. Образцом книгопродавческой фирмы, вполне соответствующей нашим желаниям, является книжный склад «Посредник». Заглавия некоторых его изданий выписаны выше, и мы начинаем именно с них, чтобы сразу выяснить, в каком роде чтение считаем лучшим для народа. Когда мы разберем вкратце книжку за книжкой и отметим, чем ценна для нас каждая из них, а местами прибавим несколько замечаний отрицательного характера, то надо надеяться, что для наших читателей не останется сомнений относительно тех мерок, к каким мы рассчитываем и вперед подводить все предлагаемое для народного чтения.

Возьмем сначала книжку «Упустишь огонь – не потушишь», так как на наш взгляд, она – лучшая из всех вышедших до сих пор в этом издании. Содержание ее в высшей степени просто и близко к жизни. Бабы-соседки поссорились из-за куриного яйца, вслед за бабами поссорились мужья, пошли дразги за дразгами, дошли до волостного суда; суд приговорил Гаврилу высесть, а Гаврила, из мести, избу у Ивана спалил; Иван своими глазами

видел, как загорелось, и только бы ему «из застрехи выдернуть да затоптать», а он в погоню за своим врагом кинулся: «скручу, думает, не уйдет теперь»; скрутить-то не скрутил, только дал половине деревни выгореть и сам себя до отчаяния довел. Говорил ему раньше старик-отец: «Тебе, Иван, злоба глаза замстила. Чужие-то грехи перед собой, а свои за спиной. Что сказал: Гаврила худо делает!.. Кабы он один худо делал, зла бы не было. Разве зло промеж людьми от одного заводится? Зло промеж двоих. Его плохоту тебе видно, а свою не видать. Кабы он один был зол, а ты бы хорош, зла бы не было». Иван слушать-то слушал и не возражал, и даже скорей соглашался, а делать по-прежнему делал. Наутро после пожара позвали его в чужую избу с отцом проститься, сказали, что старик умирает: окинуло его соломой с огнем, обожгло. Иван пришел, старик стал его спрашивать: «Ванятка, кто сжег деревню?» Иван на Гаврилу стал говорить, а старик опять ему: «Чей грех, Иван?.. Что я тебе говорил?» Очнулся Иван, понял, пал на колени перед отцом, заплакал и сказал: «Мой, батюшка!»

Тут нет навязываемой морали, тут страница из жизни — страница заурядная, но освещенная лучом того света, которые никогда не будет «объят тьмой». Конечно, сила впечатления зависит и от художественной силы автора (Л. Н. Толстого), но, помимо того, рассказ дорог для нас своим содержанием, откликающимся на повсеместную язву: дурное отношение человека к человеку. Нередко говорят: «Этим не исправишь», но ведь и нигде нет такого слова, печатного или устного, которое бы прямо исправляло, оно может только давать толчок.

Очень многие считают лучшей из двенадцати книжек рассказ «Два старика». Два соседа-крестьянина, Ефим да Елисей, собрались на богомолье в Иерусалим. Проходя через одно село, Елисей случайно завернул в убогую хату попросить напиться. Год был тяжелый, неурожайный, беда по людям ходила. Увидел Елисей целую семью, с голоду помирающую, развязал свой кошель, по куску хлеба дал, потом за водой в колодезь сходил да в лавку за пшеном и солью, масла тоже прихватил, сварил похлебку, накормил, напоил людей. Время, между тем, прошло, Елисей тут и заночевал. Наутро опять: как же уйти, больных бросить? Остался и день, и другой, и третий; понемножку отводился со всеми. Тут бы догонять Ефима, но в то же время семью несчастную хочется обеспечить, а то «как им теперь

жить? Люди косить пойдут, им нечего: покос заложен. Послеет рожь – люди убирать примутся, а им и прибрать нечего... Уйду я, они опять так же собьются». Кончилось тем, что из сотни рублей, которые он на свой иерусалимский путь соскреб, осталось у него семнадцать рублей с копейками. Вернулся он с ними домой, к своей старухе и к детям, сказал: «Не привел Бог сходить, растерял деньги дорогой и отстал от товарищей». Подивились на него, что «как так человек умный, да так глупо сделал, – пошел и не дошел, только деньги провел», подивились и забыли. И Елисей забыл, работой по дому занялся с сыном. Ефим, между тем, дивился: куда товарищ пропал? Сначала он шел потихоньку, поджидал, потом предположил, что как-нибудь разошлись и что на ночлег удастся сойтись. Но так и до Одессы дошел и в Царьград морем переехал, а из Царьграда в Иерусалим – нет как нет Елисея. Только вот раз, когда он в часовню ко Гробу Господню пошел, видит, стоит впереди всех, под самыми лампадами, старичок лысый, на товарища его похож. Огляделся – и точно: это он самый, Елисей. Обрадовался Ефим; пройти-то вперед не может, толпа велика, а думает: при выходе найду. Однако не нашел. На другой день опять идет ко Гробу Господню и опять Елисея впереди видит, и на третий день то же. Кончится обедня – не может поймать Ефим товарища. Потом, на возвратном пути, завернул он в ту самую хату, где Елисей отстал; ему там рассказали, как что произошло и как заходящий странник погибавших людей на ноги поставил. «Через него мы Бога узнали и в добрых людей уверовали», – говорил хозяин хаты Ефиму, а Ефим думал: «Так вот он где упредил меня. Мои труды приняты, нет ли, а его-то принял Господь».

Рассказ этот также написан Л. Толстым и по выполнению своему доставляет большое эстетическое наслаждение. С этой стороны, по своей отделке, он стоит еще выше, чем «Упустишь огонь – не потушишь». Если мы не его ставим на первое место, то единственно потому, что в нем играет роль «видение». Из двенадцати вышедших книжек «Посредника» видения есть в четырех. Все они оставляют в душе читателя хороший след, являясь олицетворением высоконравственной мысли; опасность только в том, что этим дается право на существование многим другим суевериям, возникающим в народе из других источников и оставляющих след дурной. Собственно говоря, видение связано органически только с рассказом «Чем люди

живы?» Рассказ этот печатался в стольких изданиях, стольких цен и форматах, что едва ли кто-нибудь из наших читателей не знает его. Напомним только, что это история ангела, посланного Богом на землю в наказание за неповиновение и живущего у бедняка-сапожника до тех пор, пока жизнь не открывает ему трех нужных для него тайн: Что есть в людях? (ответ: есть в людях любовь); Чего не дано людям? (не дано людям знать, что им для своего тела нужно); Чем люди живы? (не заботой о себе, а любовью). Замечательно трогательны в этом рассказе начальные сцены, где ангела еще не видно, а виден только один бедный человек, пригревающий другого, который еще беднее. Именно этими сценами всякий читатель, без различия сословий и возраста, бывает увлечен в такой мере, что ему уже не оторваться вплоть до последнего слова, несмотря на то, что живость и трогательность под конец ослабевают.

Повторяя, что с этим рассказом видение связано органически – его нельзя тут вычеркнуть, не уничтожив самого рассказа, – прибавим, что и в «Двух стариках» появление Елисея у Гроба Господня является художественным штрихом, таким прекрасным и в такой гармонии с целым, что пожертвовать им было бы в высшей степени жаль. Другое дело в рассказах «Где любовь, там и Бог», «Христос в гостях у мужика» и «Суд людской не Божий». Все три несомненно выиграли бы, если бы не вызывали раздвоенности в ответах на вопросы, глубоко волнующие неопытного читателя: «Это все правда? Это так и было?»

«Где любовь, там и Бог» прекрасно рисует простого человека, глубоко опечаленного смертью жены и сына и нашедшего утешение в Евангелии и в жизни по Евангелию, т. е. в жизни не для себя, а для других. Раз как-то прочитал он в своей любимой книге про то, как Христос к Симону в гости приходил и как там женщина слезами облила ему ноги и волосами головы своей отерла. Раздумался он о Симоне, что тот гостя своего худо принял: «Воды на ноги не дал, целования не дал, головы маслом не помазал... – А гость-то кто? Сам Господь. Кабы ко мне пришел, разве я так бы сделал?» Задремал тут Мартын Авдеич (имя человека), и слышится ему, что его кто-то зовет. Встрепенулся спросонья: «Кто тут?» Никого нет. Опять прикурнул и вдруг слышит: «Мартын, а Мартын! смотри завтра на улицу, приду». Очнулся Мартын, протер глаза – не знает, наяву или во сне слышал. Лег спать. На другое утро встал, прибрался, сел за

работу, и все у него на уме: померещилось или не померещилось? Ожидание Мартыном Христа так правдиво, так увлекательно, что читатель невольно настраивается вполне в один тон с ним. Между тем на улице, перед низеньким окном Авдеича, проходит водовоз, проходит дворник, проходит старый солдат Степаныч с лопатой в руках. Степаныча домовой хозяин держит из милости и за то обязывает помогать дворнику. У человека старого, ломаного силы мало, снег он с трудом сгребает: погребет да отдохнет, а Мартыну-то и жалко его. Согрел самовар, залил чай, позвал к себе Степаныча погреться, чайку выпить. Поит Степаныча и сам пьет, а все на улицу поглядывает. Спрашивает его солдат: «Али ждешь кого?» Не утерпел Мартын, рассказал, как ему слышанное вчера запало на ум, и дальше стал про Христа говорить, как Он на земле жил да с простым народом водился. Слушал Степан со всем вниманием – само он неграмотный был. Потом стал благодарить: «Спасибо тебе, Мартын Авдеич, угостил ты меня, и душу и тело насытил». «Милости просим, заходи другой раз», – сказал Авдеич. Степаныч ушел. Мартын опять за работу принялся. В течение дня случилось ему еще гостью зазвать – бедную бабу с ребеночком, и ее отогреть, и с нею поговорить. Затем пришлось на улицу выскочить, драку разнимать: мальчишка у старухи-разносчицы яблоко стащил, старуха мальчишку поймала, натрепала за вихры, хотела к городовому вести, да спасибо, Авдеич вступился, обоих и устыдил и уговорил. Когда он после того вернулся да пошил еще немного, вечер подошел и темно стало, фонарщик прошел фонари зажигать. И Мартын свою лампу зажег, дошил сапог, повертел, посмотрел, потом работу убрал и за Евангелие взялся, чтобы читать. Взглянул в темный угол – а там вдруг встают люди. «И шепчет ему на ухо голос: “Мартын! А Мартын. Или ты не узнал меня?” – “Кого?” – проговорил Авдеич. “Меня, – сказал голос. – Ведь это Я”. И выступил из темного угла Степаныч, улыбнулся и как облачко разошелся, и не стало его... “И это я”, – сказал голос. И выступила из темного угла женщина с ребеночком...» и т. д. Тогда Авдеич радостно улыбнулся и стал читать Евангелие, где открылось, и прочел: «И взалкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня...» и т. д. Понял он, что «не обманул его сон, что, точно, приходил к нему в этот день Спаситель его и что, точно, он принял Его»...

Выходящие из темного угла тени – совсем лишние. Было бы проще и лучше, если б Мартын, окончив работу и взявшись за Евангелие, прямо из слов его понял все то, что следовало понять.

«Христос в гостях у мужика» имеет содержание совершенно в том же роде, только с другими типами лиц. Между Тимофеем и Авдеичем нет ничего общего. Авдеич простой человек, мягкий, у Тимофея же сердце непреклонное, застывшее во вражде. И, тем не менее, он считает себя верным сыном Христовым и ждет Христа к себе в гости. «Гряди к тебе!» сказал ему голос в душе его, он верит этому голосу. И вот, в Рождество Христово, перед самым обедом, когда Тимофей с семьей и с собравшимися родственниками готовился сесть за стол и читал молитву: «Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите...» и т. д., внезапно что-то страшное ударило со двора в стену, а потом сразу же прошумел шум по широким селям, и вдруг двери в горницу сами вскрылись настежь. Все люди, сколько тут было, в неопisanном страхе шарахнулись в один угол, а многие упали, и только кто всех смелее на двери смотрели. А в дверях, на пороге, стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него, из сеней, где темно было, неописанный розовый свет светит, и через плечо старика вперед в хоромину выходит белая, как из снега, рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем, такая, как на беседе Никодима пишется... Ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет... И светит этот огонь старику в лицо и на руку»... и т. д. Старик был давнишний враг Тимофея, тот, против которого постоянно горела злоба в его сердце. «Господи! Вижду и приму его во имя Твое!» – вскричал Тимофей. А старик рассказал ему про себя, как на него беды за бедами шли и как он в метель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой. «Но вдруг, – говорит, – кто-то неведомый осиял меня и сказал: “иди, согрейся на Моем месте и поешь из Моей чаши”, – взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе». А Тимофей при всех отвечал: «Я, дядя, твоего Провожатого ведаю: это Господь, который сказал: “еще алчет враг твой – ухлеби его, еще жаждет – напои его”. Сядь у меня на первом месте – ешь и пей во славу Его, и будь в доме моем во всей воле до конца жизни»...

Едва ли ошибаемся, думая, что добрый след от этого рассказа был бы глубже и чище как без появления руки, так и без неведомого Провожатого. Теперь же внимание отвлекается и ослепляется слишком яркими эффектами.

В книжке «Суд людской не Божий» последние страницы представляются нам также ослабляющими впечатление, в общем все-таки сильное и глубокое. Очень хорошо очерчена мирская сходка, где мужики, подкупленные ведром вина, обирают бедняка в пользу богатого. Читатель, естественно, становится на сторону обиженного и возмущается несправедливостью обжающих, хотя они, по своему мнению, поступают законно: сторона формальная заслоняет для них сторону нравственную. Под конец рассказа пожар губит все имущество хапуги, несправедливо наживавшего, между тем как разоренный хапугою дед Софрон умирает в сиянии мягкого света и под звуки ласкового небесного голоса, утешающего и призывающего «в тихое лоно». На этом бы и остановиться автору; между тем читаем еще главу, где дед Софрон в первый день Пасхи является во сне мужичку Платону, одному из немногих, заступавшихся за него при жизни, и дарит ему красное яйцо. «И рад был Платон этому сну, как ничему во всю свою жизнь не радовался, и долго-долго помнил его». Так как в народе снам и без того придается больше значения, чем нужно, то сон Платонов и представляется нам лишним.

«Кавказский пленник» Л. Толстого и «Бог правду видит, да не скоро скажет», так же как «Чем люди живы», знакомы очень многим по другим изданиям, в которых они являлись. В «Кавказском пленнике» мастерски очерчены типы двух русских офицеров: одного – горячего и ловкого, а другого – уальяня. «Бог правду видит, да не скоро скажет» – рассказ о человеке, безвинно попавшем в каторжные работы и сумевшем простить тому, через кого он попал. Мотив прекрасный, возвышающий человека над суетой сует. <...>

* * *

Издания склада «Посредник»: 9) Галя. 10) Странник. 11) Св. Филарет Милостивый. 12) Франциск Ассизский. 13) Сократ.

Перед нами еще пять книжек издания склада «Посредник», так что в общем их теперь не двенадцать, как мы считали в прошлом номере, а тринадцать.

Возьмем сначала рассказ «Галя». Дело происходит в древне-языческой Руси. Дочь храброго витязя Рослава, молоденькая Галя, без ведома домашних знакомится с живущими в ближнем лесу христианами, принимает их учение и, наконец, открыто становится христианкой. Отец грозит ей казнь, но казнь не пугает Галю: с полной готовностью идет она под нож. В ту самую минуту, когда торжество Перуна должно завершиться пролитием этой христианской крови, прибегает Аннушка, подруга Гали, бросается к Рославу, упрощивает его пощадить дочь и предлагает себя взамен ее: «Я та христианка, что научила ее нашей вере... Казни меня, а ее не губи...» Это неожиданное заступничество трогает Рослава? рука с топором не поднимается у него. «Витязи! – обращается он к окружающим. – Какой совет дадите?..» – «Помилуй их!» – отвечают все в один голос. Он приостанавливается в раздумье, затем бросает топор...

В этой книжке краски яркие, какие нравятся простому человеку; примеры в ней хорошие: твердость в вере, готовность жертвовать собой за других. Но в общем тоне нет глубины, сцены все набросаны поверхностно, это декорации, а не картины.

«Странник» – рассказ о встрече с одним бывшим мироедом, обратившимся на путь истинный и рассуждающим так: «Уж очень дома-то каменные нас в ежовых рукавицах держат! Не пускают, не пускают, отец! Хуже помещиков в старые времена эти дома нас в кабале держат!.. Верно! Ты об них и спишь – думаешь, и не спишь – думаешь! И работаешь на него, и холишь его, чинишь его... Как есть крепостной раб...» К сожалению, рядом с этим верным отношением к «мамону», в других речах странника (бывшего мироеда) слышится нам нота узкого самодовольства, мелкого самолюбия. Например, высказав то, что для него является истиной, он прибавляет: «Смешно тебе, отец? Знаю, что смешно: ты посмейся над глупыми моими речами, посмейся!» Это манерничанье, повторяющееся с разными оттенками и очень характерное в литературном отношении, значительно понижает нравственный рост человека. «Обрек

я себя на подвижничество за народ свой...», – говорит он в одном месте, и читателю невольно приходит в голову, что как прежде он поклонялся своим каменным домам, так теперь покланяется своему подвижничеству. Великое и ничтожное сбивается у него в одну кучу. «...Бог все простит, – говорит он, – и мои великие грехи!» – «А какие у вас могут быть грехи?» – спрашивает заслушавшийся его спутник. «Есть, отец, есть! Вот, например, чайком люблю побаловаться. Люблю, отец. Ничего не нужно, окромя хлеба, а чаек люблю!» Неужели это не гордый и не мелкий душою человек? Между тем, лицо, рассказывающее о нем, видит в нем почему-то большую нравственную силу и отзывается так: «Да, он освободился от соблазнов богатства и старался всегда и во всем исполнять учение Христа, а потому действительно нашел настоящее блаженство...» По-нашему, это слишком пристрастный взгляд, идеализующий того, кто, на самом деле, сделал только два-три хороших шага и далеко не заслуживает идеализации.

«Св. Филарет милостивый», «Франциск Ассизский», «Сократ» – вот три биографии людей, несомненно высоких. Нам случилось слышать соображение такого рода: что эти типы слишком исключительны, что им нельзя подражать, что они далеки от жизни, особенно от жизни современной, и что поэтому хороший след, оставляемый знакомством с ними, должен теряться. Едва ли это верно. Подражать им, то есть идти по избранной ими дороге, не только можно, но и должно всякому. Трудно достигнуть их высоты, конечно, но это уже другая сторона дела. Любовь к истине и любовь к людям – разве это может быть несовременно какому-нибудь веку, какому-нибудь общественному строю? Разве смерть Сократа может перестать быть уроком? Разве неистощимая доброта Филарета лежит вне пределов общечеловеческих добрых побуждений? Разве горячий идеалист Франциск не вернется еще много раз, под тем или другим именем, в истории человечества? Если бы не верить во все это, то нельзя бы жить.

* * *

Издания книжного склада «Посредник»: 14) Кривая доля. Савина. 15) Житие св. Петра Мытаря и св. Моисея Мурина. 16) Житие св. Павлина Ноланского и св. мучеников Федора и Никифора. 17) Свечка. Толстого. 18) Фабиола, или древние христиане. 19) Брат на брата. 20) Иоанн-воин. 21) Царь Крез и другие рассказы. 22) Жернеза. 23) Жадный мужик. А. Эртеля. 24) Три сказки. Л. Толстого. 25) Четыре дня на поле сражения. В. Гаршина. 26) Первый винокур, комедия. Л. Толстого. 27) Сказка об Иване дураке и его двух братьях: Смене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах. Л. Толстого. 28) Осада Севастополя. Его же. 29) Марья-кружевница. О. Хмелевой. 30) Махмудкины дети. В. Немировича-Данченко.

У нас было указано тринадцать книжек издания склада «Посредник», теперь же их тридцать – пора к ним вернуться. Вернувшись, начнем с того, что «Упустишь огонь – не потушишь» – лучшая, по нашему мнению, из первых тринадцати, остается лучшею и до сих пор. Ни в одной из всех прочих нет такой трезвой простоты мысли в связи с таким безукоризненно прекрасным и понятным языком. Чрезвычайно жаль, что граф Толстой уклонился с пути этого первого своего народного рассказа и повернул, так сказать, в обратную сторону: увлекся отыскиванием готовых легенд (нашего или не нашего народа – это все равно), стал их пересказывать «своими словами» и в этом новом виде возвращать их туда, откуда взял, упуская из виду, что таким образом он гораздо больше обогащает и удовлетворяет как сам себя, так и людей общего с ним круга развития, чем тех, кому он душевно желает служить. Самым печальным примером этой ошибки является рассказ «Свечка». По прочтении его у читателя является недоумение, чем же, однако, добрый мужик «победил» злого приказчика? Тем ли, что готов был терпеть не ругаясь? Но ведь эта черта у него и раньше была и не побеждала. Значит, дело не в ней, а в этой свечке, которую, по поверью народному, человек зажег на погибель врага. Своего рода заговор и, следовательно, своего рода месть, вполне удавшаяся. Для простого читателя этот рассказ является как поддержкой грубому суеверию, так и поводом к жестокому заключению о приказчике: так ему и надо! Это заключение звучало бы еще жестче, если бы привести пересказ графа Толстого в настоящей форме – в той, которую находим в XII томе его сочинений. Приказчик не «от вина помер», а поехал он верхом, лошадь его испугалась свиньи, и он «пере-

валился пузом на частокол. Один был только в частоколе кол заостренный сверху, да и повыше других. И попади он пузом прямо на этот кол. И пропорол себе брюхо, свалился наземь. Мужики, проезжая мимо, увидели его уже мертвого, «нутро все на землю вытекло! и кровь лужей стоит...» Самим ли Толстым или фирмой «Посредник» изменен этот конец для народного издания, но, во всяком случае, шаг к смягчению сам по себе является доказательством того, что не всегда удобно «народным добром да народу челом». Вместо смягчения нравов легко наткнуться на противоположное.

Берем теперь другую книжку Толстого же – «Три сказки». Первая из них называется «Много ли человеку земли нужно». Тут мужик Пахом покупает у башкирцев землю на таком условии, чтобы «тысячу рублей за день», то есть «сколько обойдешь в день, то и твое – мера; а цена дню тысяча рублей; какой хочешь круг забирай; только если назад не придешь в день к тому месту, откуда начал, пропали твои деньги». Пахом по жадности забрал круг слишком большой; видит к вечеру, что, пожалуй, не обогнуть, «солнце так и валится на край», а надо до заката поспеть; пустился он бежать; бежал, бежал, духу не переводя; добежал как раз в ту минуту, когда солнце совсем садилось, споткнулся и упал. «Ай, молодец! – закричали башкиры, – много земли завладел». Подбежал его работник, хотел поднять его, глядь, а у него изо рта кровь течет и он мертвый лежит. Закопали его, на могилу только три аршина понадобилось. Нам случилось слышать об этом рассказе меткий отзыв одного читателя: «Оттого и довольно ему трех аршин, что он теперь не человек, а мертвец; живому бы с тремя аршинами нечего делать». «Дурак же был, – скажут другие читатели, – не сумел по силам себе взять; мы бы на его месте так разбогатели!»

Вторая сказка – «Зерно с куриное яйцо» – утверждает, будто в старые годы лучше было. Всякому случалось встречаться с вариациями этой легенды, и все эти вариации утопают в библейском предании о том, как был когда-то на земле рай. Третья сказка – «Как чертенок краюшку выкупал» – остроумна и картинна (она напечатана еще отдельной книжкой в форме комедии «Первый винокур»). Против появления ее в народном издании многие говорят на том основании, что печатному слову не следует поддерживать простонародную веру в разных бродячих чертей. Со своей стороны не считаем это существенным.

Выставленные не столько в таинственном, сколько в забавном виде, с проделками заурядной хитрости, с возможностью промахов, так сказать, запанибрата с людьми, эти черти остаются исключительно в области сказочной и легко воплощают в себе собственные человеческие искушения. Мы вполне уверены, что суеверие вредное, подозрительное к другим, трусливое за себя, способное питаться такими рассказами, как «Свечка», не найдет себе поддержки ни в сказке о «чертенке, выкупающем краюшку», ни в двух следующих книжках того же характера — «Первый винокур» и «Сказка об Иване-дураке». «Первый винокур» есть вместе с тем первый опыт фирмы «Посредник» предлагать для народного чтения драматическую форму, что, конечно, не лишнее.

«Сказка об Иване-дураке» замечательна по своему языку, особенно легкому, особенно красивому в своей свободной простоте; что же касается до содержания, то для человека «просвещенного» оно представляет собою апофеоз исключительно ручного труда и непротivления злу насилием, для простого же человека — это только настоящая, легко льющаяся сказка. Надо прибавить, что последняя из двух точек зрения несравненно более благоприятна для книжки, хотя и она плохо примиряет с грубостью заключительной сцены, где дьявол-искуситель (в человеческом образе) разбивает себе голову о ступени лестницы, а все присутствующие радуются.

Вот что уже не похоже на сказку и что захватывает читателя своей страшной, тяжелой правдой — это «Осада Севастополя». Нет тут никаких подчеркиваний, никаких пояснений; просто отразилась картина жизни и смерти, отразилась во множестве запутанных подробностей, и зло перемешалось с добром, безобразие с красотой, зверство с высокой человечностью. Мысль и чувство получают при таком чтении сильный толчок, а поле зрения расширяется. «Севастопольские рассказы» Л. Толстого (откуда и взята эта книжка) навсегда останутся одними из самых глубоких страниц великого художника, и нет сомнения, что чем больше людей знакомится с подобными страницами, тем выше поднимается общечеловеческий уровень.

Затем встречаем перо Толстого еще в одной книжке. Это рассказы «Ильяс», «Два брата и золото», «Вражье лепко, а Божье крепко» в маленьком сборнике, носящем заглавие «Крез», по имени первого из помещенных в нем рассказов. Духом восточ-

ной медлительности и склонности к бездейтельному созерцанию веет от этих легенд, в своем роде поэтичных и величавых, но резко отмеченных печатью местного характера, делающего их чуждыми, неясными, бесплодными для нашего простого читателя.

«Ильяс», бывший богатый, под старость становится бедняком и работником у других и находит в этом полное счастье, раньше ему неизвестное. «Только нам и заботы, что хозяину служить», — говорит он. Не значит ли это, что человек облегчил себя, сняв с себя ответственность? А если его работа идет на зло другим? А если хозяин требует от него дурного (представим себе, что он производит подмешанное вино или расширяет торговлю опиумом)? А если пассивное повиновение Ильяса развращает хозяина и таким образом спасение одной души покупается на счет другой? Разве все это нужно откидывать без внимания?.. «Два брата и золото» — тоже похвала пассивности. Из двух братьев, равно нравственных высоко аскетической нравственностью, один прошел мимо встреченной кучи золота, не тронул ее; другой ее подобрал, пошел с нею в город и употребил все золото на добрые дела: призрение вдов и сирот, лечение больных и т. д. Когда вслед за тем второй брат пожелал возвратиться к первому, то на пути встретил ангела; ангел прежде благословлял его и любил, теперь же от него отвернулся. «Стал Афанасий говорить о том, сколько бедных и странных он накормил, сколько сирот призрел. И Ангел сказал ему: “Тот дьявол, который положил это золото, чтобы соблазнить тебя, научил тебя и словам этим”. И тогда обличила Афанасия совесть его, и понял он, что не для Бога делал он дела свои, и он заплакал и стал каяться... И с тех пор познал, что не золотом, а только трудом можно служить Богу и людям». В чем же, однако, тут грех? Конечно, не в том, что он призрел убогих, а в том, что в сердце его недоставало чистоты. Он взял золото, употребил его на добро и возгордился этим, точно так же он бы не взял золото и возгордился своим бескорыстием; внутреннее состояние человека зависит не столько от того или другого поступка, сколько от того, в каком духе совершается поступок. С другой стороны, разве следует закапывать таланты в землю? Каждым «талантом», т. е. каждой кучей золота, каждым умственным или нравственным богатством, налагается на человека ответственность — только и делать, что бегать от нее? «Кто хочет душу свою спасти, тот

погубит ее; а кто душу свою погубит ради меня и евангелия, тот спасет ее» – эти слова известны, и в них чрезвычайно много близости к живой жизни, к сложным ее условиям. Третий рассказ «Вражье лепко, а Божье крепко» состоит в том, что дьявол научил злого раба Алеба сломать ногу любимого хозяйского барана на глазах у самого хозяина, человека доброго и благочестивого, а хозяин, вместо того чтобы порадовать дьявола и разгневаться, тут же отпустил злого раба на волю. С житейской точки зрения подобный поступок может быть объяснен, между прочим, и тем, что держать бунтовщика в числе рабов совсем неудобно и, не имея привычки к наказаниям, гораздо лучше отпустить его на все четыре стороны. Вообще в хозяине Алеба больше выдержки, чем доброты; добрый человек старается своего врага к себе привлечь, человек выдержанный ищет только приличную форму, чтобы врага оттолкнуть.

Другая половина той же книжки представляет собою, так сказать, подбор прощений. Тут царь Кир задумывается о превратностях судьбы и оставляет жизнь Крезу, выслушав от него известный рассказ о посещении его мудрецом Солоном; затем сын горца Галуба принимает на себя тяжелое изгнание за то, что пощадил убийцу своего брата; дальше идет притча о милосердном самарянине, усердно помогающем чужому и, следовательно, прощающему то, что он чужой; еще дальше Мавр, узнающий в случайном госте убийцу своего сына и, тем не менее, остающийся верным законам гостеприимства; наконец, заурядный хозяин, прощающий вора, которого голод выслал на промысел. Как к этой хорошей галерее вполне подходил бы еще епископ Виктора Гюго¹, образец широкого всепрощения, вскормленного человеколюбивой мыслью.

Образцом того же цвета, хотя менее яркого оттенка, является русская доморошенная «Марья-кружевница» в книжке, которая так и называется. Прошла эта Марья через длинный ряд испытаний: и били ее, и оскорбляли – косу обрезывали, и за пьяницу-мужа выдали, и вообще вредили ей, чем только могли, а она все не утратила своей ясности. Ссылают ее, по проискам злой старухи, в деревню – она говорит: «Ничего, голубушки-сестрицы, солнце светит и в Васюanine». Муж ее обижает – она утешается тем, что дети у него хорошие (он вдовец был). Затем

¹ Речь идет об епископе Мириэле, герое романа В. Гюго «Отверженные».

встречается с главной злодейкой своей и приветствуете ее так искренно-ласково, что ту удивленье берет: «Святая ты, Марья, что ли?» – «Какая святая! Одних песен что перепою!..» И действительно, не святая она, а просто нравственно здоровая натура, каких давай Бог побольше.

В «Кривой доле» совсем другое. Тут бедный забулдыга Мокей сам о себе так говорит: «Прежде у меня силища-то была лошадиная... А теперь как дитя стал – куда ветер, туда и Мокей!.. Бывает, целую ночь глаза не закрыть: грудь-то так и царапает, голову-то так и кружит... Такие, брат, стали подъезжать мысли – мороз по коже!.. Всякая муть лезет. Все, что было худого-то, как на портретах представляется. Заснешь, и во сне то же... Плохо, милый, совсем плохо. Упаси Бог! А вот как начало прижимать к стене, и Бога вспомнил... И все так-то. О-хо-хо!.. Вся жизнь в одно пузо ушла... Бывало, весь город спит, только Мокей, будто с цепи сорвавшись, бегаёт из одного непотребного дома в другой... Теперь ряди сколько хочешь, да толку-то мало: прожитого не воротить. Эво, приятель, как жизнь прошла, упаси Господь!..» Происшествия, движения, действия мало в «Кривой доле», это больше психологический этюд, требующий от читателя и способности и умения вдумываться. Нет сомнения, что между простым народом такие читатели есть; не из них состоит большинство, но зато, может быть, они более всех остальных нуждаются в печатном слове. Сказки им мало, сказку и от старой бабы можно услышать; для них книга должна быть «правдой», помогающей разобраться в том, что они и сами видят, да не всегда умеют выразить. Тех же забулдыг Мокеев они не раз встречали в жизни, знают и крутые дорожки, по которым такие Мокеи скатываются в число людей «нестоящих», но важно для них (да и для всякого) уловить это в общей картине, почувствовать, что вот был человек и нет его, не сумел он человеком сохраниться, спустился до скота, а душа все же в нем осталась и болит она.

Болит она у Мокея в «Кривой доле», заболела под конец и у Ермила в рассказе «Жадный мужик»: Ермила из-за денег задушил человека, отлично скрыл это, обошел всех, разбогател, разжирел, забрал весь округ в свои руки, «мужики ровно караси затрепыхались в Ермиловых сетях». Всем бы ему хорошо, только взяла его скука, жена у него была баба глупая, не с кем ему словом перемолвиться на досуге. «Спит, ест Ер-

мжл – поест, опять ляжет спать. Проснется – не знает, куда девать себя. Скушает... Пустился в дурные дела. Забыл закон, забыл, что дети уж не маленькие – Анфису бьет, возжается с чужими женами. Начал вином зашибаться». И вдруг пошли на него беда за бедою. Умер от горловой болезни младший сын; загулял, стал у отца деньги воровать старший; лопнул банк, в котором хранились Ермиловы тысячи; померла от паралича Аяфиса и напомнила своим посинелым лицом прежнего мертвеца задушенного. Страх взял тут Ермилу, и повернул он свою жизнь в другую сторону, хотя надо прибавить, такой человек способен был никогда не повернуть, если б случайное стечение обстоятельств не запугало его; голос собственной совести был слишком глубоко запрятан в нем. Относительно издания этого рассказа необходимо еще заметить, что рисунок на обложке чрезвычайно неудачен по выбору момента: изображено, как один человек с очень спокойным видом душит подушкой другого. Это само по себе отвратительно и для чего же приучаться на это смотреть? За исключением единственного такого рисунка, все прочие рисунки на книжках «Посредника» очень хорошо подобраны.

Переходим теперь к рассказу «Махмудкины дети». Содержание в общих чертах следующее: раненый турецкий офицер Махмуд-бей попал в плен к русским и попробовал было бежать из плена; солдаты его захватили, представили к начальникам, а те, расспросив и увидев, что этот израненный враг уже не страшен и что ему хочется только одного – добраться к детям и к жене, пожалели расстрелять его (как следовало по обычаям военного времени) и дали ему уйти домой. Этот порыв сострадания, один из тех порывов, без которых человек был бы зверем, а войны – периодическая, тяжелая болезнь народов – были бы только бойнями.

«Четыре дня на поле сражения» касается отчасти того же мотива; тут тоже отрывок картины войны, пересказ мыслей и ощущений, пережитых русским раненым, забытым между мертвыми. Есть тут недоумение, есть страдание, есть страх одинокой и беспомощной смерти, но нет ни ухарства, ни злобы, ни упрека кому-нибудь или чему-нибудь. Рядом с забытым раненым лежит убитый им турок, и в голову раненого лезут вопросы: «За что я его убил?... Зачем попал он сюда? Кто он? И у него, как у меня, есть старая мать? Долго будет она по ве-

черам сидеть у дверей своей убогой мазанки да поглядывать на далекий север: не идет ли ее ненаглядный сын, ее работник и кормилец. А я? И я также... Я бы даже, кажется, помещался с ним. Он не слышит ничего, не чувствует ни боли от ран, ни смертельной тоски, ни жажды. Штык вошел ему прямо в сердце... Вот на мундире большая черная дыра; вокруг нее кровь... Это сделал я. Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мне не думалось, что и мне придется убивать людей. Я больше думал только о том, как я буду подставлять свою грудь под пули. И я пошел и подставил. Ну и что же?»

Война – историческое наследие и исторический факт. Она была, есть и долго еще будет. Ею воспитываются и оттачиваются в человеке некоторые черты хорошие: бесстрашие, самоотверженность; но ради них никогда не следует забывать обратной стороны: война доводит до бесчеловечия. И эту обратную сторону надо обуздывать, и ко всякой мысли, способствующей этому обузданию, надо относиться с глубоким приветом. Вот почему в народной литературе нам дороги такие рассказы, как «Махмудкины дети», «Четыре дня на поле сражения» и «Брат на брата» (тоже картина междоусобной войны, запутывающей отношения, охватывающей их кровавыми нитями, но все-таки не имеющей силы до конца вытравить человечность в душе человека).

«Махмудкины дети» из всех трех названных книжек понятнее для малограмотного читателя, проще. «Четыре дня...», как психологический этюд, понятен только для таких, которые понимают тоже «Кривую долю». «Брат на брата» заключает в себе множество сцен чрезвычайно ярких и, вероятно, для всякого понятных, но в общем это рассказ очень сложный, с большим количеством лиц и событий, притом имеющим местом действия Францию – страну чужую. В какой мере он понятен и интересен для простого читателя – можно было бы сказать, только проверив это целым рядом опытов.

То же надо повторить и о заимствованном с французского рассказе «Жервеза»: в какой мере чуждый быт этот понятен и интересен для читателя русской деревни, мы не знаем, хотя сам по себе рассказ очень хорош. Семья городских рабочих шаг за шагом добивается благосостояния, а затем, добившись и не умея жить иначе, как в свое «брюхо» (по грубому, но характерному народному выражению), она изленивается, мельчает,

пошлет, гибнет. Рядом с этой картиной нравственного разложения в рассказе есть два оттеняющие ее типа: добросовестный, трезвый, толковый рабочий, умеющий любить свой труд, и девочка-сирота, полная самоотвержения.

«Фабиола» – сокращение старинной французской книги того же имени, давно уже известной у нас по переводу (отчасти тоже сокращенному) Евгении Тур под заглавием «Катакомбы». Рассказы, касающиеся жизни первых христиан и их подвижничества, вообще любимы у нас в народе.

«Иоанн-воин» – пересказ легенды, относящейся к тому же времени. Христианство преследовалось Римом, и оно же привлекало к себе своих преследователей: в этой черте источник привлекательности и трогательности множества эпизодов, сохранившихся в преданиях тех веков.

«Житие Св. Петра Мытаря» – история гордого и жадного человека, обратившегося потом в смиренного бессребреника. Св. Павлин, не имея чем выкупить сына бедной вдовы, сам пошел вместо него в рабство. Св. Феодор погиб в мучениях за то, что отказался исполнить противные его совести требования воевод языческих. Св. Никифор горячо упрашивал своего врага не губить души своей и, наконец, сам добровольно пошел на мучения, надеясь его увлечь за собой. Св. Моисей Мурин из блестящего атамана разбойников сделался тихим пустынножителем и стал убегать от всякой славы, даже славы святости.

Все это образы хорошей нравственной силы, но только надо заметить, что со стороны языка «жития», изданные «Посредником», слабее всех прочих его книжек: слишком однотонны, бесцветны.

ПУШКИН В ИЗДАНИЯХ 1887 г.*

За последние семь месяцев появилось столько изданий Пушкина – и «полных собраний» и отдельных произведений, что в них необходимо сколько-нибудь разобраться. Помимо того, что одно издано внимательно, другое небрежно, одно на хорошей бумаге, другое на плохой, есть еще сторона, на которую следует указать с воспитательной точки зрения. Издатели стремятся перещеголять один другого полнотой своих «собраний» и в этом стремлении ловят каждое слово Пушкина, печатное и непечатное. Само собою разумеется, что как для знатока-исследователя пушкинского языка и пушкинской мысли, так и для слишком избалованного дилетанта-любителя их, очень желательно иметь источник наивозможно полный, но совсем не на той ступени стоит большинство читателей. Ему, этому большинству, нужен Пушкин только в тех произведениях своих, которые, будь он жив, он бы сам подал всем, с открытым лицом и с полной готовностью. За то, что он этого не сделал бы по отношению ко многому, предлагаемому теперь на рынке, ручаются слова одного письма его к жене: «Смотри, женка, – надеюсь, что ты моих писем списывать никому не даешь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами...» Бедный Пушкин, кто только не перетряхает теперь его тайн!.. Почти десять лет тому назад (в 1878 г.), когда пушкинская переписка с женою в первый раз появилась на страницах «Вест.<ника> Евр.<опы>», это многих неприятно поразило, и мы позволим себе повторить несколько тогдашних своих строк по поводу того: «Подсматривать в замочную скважину, подслушивать у дверей, подбирать ключ к чужому бюро и рыться там без ведома хозяина считается вообще не-

* Впервые: Женское образование. 1887. № 8. С. 534–543; № 9. С. 605.

благовидным... Отчего же то, чего не следует себе позволять в отношении к человеку живому, делается позволительным по отношению к мертвому? Неужели только потому, что мертвые "срама не имеют"? Ведь считают же нужным прикрыть обнаженный труп, хотя для самого трупа это, разумеется, безразлично, удовлетворяется только нравственное чувство прикрывающих. Оно же должно было бы руководить и всеми роющимися в бумагах покойников... Разумеется, в своей частной переписке человек обрисовывается особенно ярко; читать переписку тех или других лиц — это все равно, что быть в их обществе, говорить с ними. Но ведь переписка переписке рознь: отчего нам теперь не присутствовать, например, при письменных беседах императрицы Екатерины или Фридриха Прусского с Вольтером? Отчего не заглянуть в те полуофициальные сообщения, которые шли от какого-нибудь Гарновского к Попову, любимому секретарю Потемкина, интересовавшемуся всеми сплетнями покинутого им двора? Отчего не проследить переписку Серова со Стасовым, где идет речь о музыке, о тех или других взглядах на нее и где можно найти разъяснение фантазии нашего известного композитора? Можно сказать наверно, что, если б при жизни всех сейчас названных лиц, т.е. Екатерины, Вольтера, Серова и т.д., у них было спрошено позволение воспользоваться со временем этими письмами как материалом для их биографии и для характеристики времени, они бы и не подумали отказать...»

Письма Пушкина к жене так интимны и вместе так болезненны, что допускать к ним общее праздное любопытство нам представляется не только неуместным, но даже развращающим. И без того слишком мало уважают неприкосновенность личности и внутренних сторон ее. Для юношества же чтение этих писем не годится еще по другим причинам, в силу которых мы также не сочувствуем печатанию без разбора всяких стихотворных шалостей и набросков. Им место опять-таки в специально-любительских, дорогих изданиях (чем дороже и чем полнее, тем лучше), а никак не в общедоступных. Что это за «общедоступные», если их надо прятать от детей? Нам возражают: «дети не поймут». Но мы желаем, напротив, чтоб дети понимали наших лучших поэтов, ценили их или, по крайней мере, бессознательно наслаждались каждой их строчкой. Для этого-то и необходимо некоторые строчки обходить. Таким об-

разом, выяснив заранее, в силу чего нам представляется лучшим избегать где можно, в семье и в школе, некоторых полных изданий, сделаем беглый обзор всего или почти всего, до сих пор появившегося из Пушкина «в новом виде». Между прочим укажем и на все известные нам копеечные издания, так как из них преимущественно удобно черпать для сельских школ, часто очень бедных.

Сочинения А. С. Пушкина. Издание «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Под редакцией и с объяснительными примечаниями П. О. Морозова. 7 томов. СПб., 1887. — Ц. 6 р.

В предисловии говорится, что цель этого издания — «дать книгу, которая могла бы служить пособием для занимающихся изучением как самого Пушкина, так и пушкинской эпохи вообще». Составлено старательно, по возможности полно, издано хорошо (хотя, конечно, без роскоши) и дешевизной не конкурирует, так что, с нашей точки зрения, это единственное из «полных» изданий (хотя в заглавии и не стоит это слово), заслуживающее безусловной похвалы. Редакционных заметок немного, но все они содержательны, идут прямо к делу. Распределение материала такое: В первых трех томах стихотворения (Т. 1-й: Лирич.<еские> стихотв.<орения> 1812–1825 гг. Т. 2-й: Лирич.<еские> стихотв.<орения> 1826–1836. Поэмы 1820–1824. Т. 3-й: Поэмы и драмат.<ические> произв.<едения> 1825–1833). В 4-м т. проза: повести, роман и сцены оконченные и неоконченные. В 5-м т. все мелкие статьи и заметки; дневник. В 6-м «История Пугачевского бунта» и историч.<еские> матерьялы к этому. В 7-м — Письма. К 1-му т. приложены три хорошо выгравированные портрета Пушкина; к 6-му т. приложен портрет Пугачева, снимки с его печати, с его подписи, с подписей некоторых других лиц той эпохи и карта приволжских губерний до 1775 года.

Сочинения А. С. Пушкина, с объяснениями их и сводом отзывов критики. Изд. Льва Поливанова для семьи и школы. М., 1887. Том 1-й. Лирические стихотворения. С двумя портретами Пушкина. — Ц. 1 р. 50 к.; Том 2-й. Поэмы, сказки, баллады, эпические песни. — Ц. 80 к.

Прекрасный, серьезный труд, совершенно самостоятельный и очень ценный по обилию и многосторонности заключающихся в нем сведений и указаний. Особенно для учителей русского языка в средне-учебных заведениях мужских и женских эти книги образцово хороши в смысле вспомогательных и справочных.

Что касается до самостоятельного чтения их детьми и юношеством, то по отношению к этому имеют один внешний недостаток: слишком испещрены цифрами, ссылками, пояснениями. Это придает им вид специально-учебных пособий, расхолаживает, мешает глотать залпом (что имеет свою хорошую сторону). Чрезвычайно жаль, так как сам по себе выбор произведений не оставляет желать лучшего, можно сказать, что дается весь Пушкин, за очень малыми и вполне разумными исключениями. Никаких лишних и лживых замалчиваний нет, от характерности писателя ничто не отнято. Мы бы очень желали видеть это издание в несколько перетасованном виде, так, чтобы все стихотворения шли прямо одно за другим, не имели цифровых отметок перед каждым пятистрочием (ввиду еще других пестрящих страницы цифр, относящихся к примечаниям) и чтобы все предисловия, примечания и т. д. были отнесены дальше, составляя, так сказать, вторую часть книги, не перемешанную с первой и через то не менее хорошо служащую своим целям. Зная, однако, что перетасовки в напечатанных книгах не так-то легко делать, повторяем, что это издание во всяком случае чрезвычайно ценно. Для школ и для семейных чтений оно необходимее предшествующего (изд. «Общества пособия литераторам и ученым»), для лиц же, имеющих это последнее, свод Поливанова, тем не менее, интересен по множеству своих дополнительных и пояснительных заметок. Одно издание не заменяет другого, но оба служат взаимным дополнением. Обещаны еще два тома: 3-й – драматические произведения и 4-й – роман, повести, проза.

Сочинения А. С. Пушкина. Полное собрание в 8 томах, с портретом и биографией. 1-е изд. Павленкова, под ред. А. Скабичевского. СПб., 1887. – Ц. 1 р. 50 к.; ц. каждого тома отдельно 25 к.

То же, в одном томе. – Ц. 1 р. 50 к. В одном томе, с 44 иллюстрациями, ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумаге – 3 р.

Эпиграф: «Встань – и миру вновь явись». В предисловии несколько слов о том, что это издание, именуясь «полным», претендует только на ту полноту, которая «желательна для публики», и что в нем есть пропуски кое-каких вещей, интересных только «для библиографов» («Камчатские дела»¹, «Джон

¹ Имеется в виду текст, публикуемый в современных изданиях под редакторским названием <Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова>.

Теннер», 2-я часть «Пугачевского бунта», состоящая исключительно из сырых материалов и т.о. под.обного). Распределение произведений «не в хронологическом порядке, а в систематическом, по родам и видам поэзии и прозы».

Находим, что любопытного только «для библиографов» оставлено слишком много и это слишком многое перемешано со всем лучшим и законченным, так что нет никакой возможности выделить. С другой стороны, если тут нет писем к жене, то вместе отсутствует и вся переписка Пушкина, а это жаль. Взяв за мерку указанную самой редакцией «полноту, желательную для публики», нельзя не видеть, что выбор из писем был бы важнее и интереснее помещения как некоторых журнальных заметок, так и многих стихотворений, слишком незрелых или брошенных шутя между товарищами.

Сочинения А.С. Пушкина. Полное собрание в 10 томах. 2-е изд. Павленкова. СПб., 1887. — Ц. 1 р. 50 к.; ц. каждого тома отдельно 20 к.

То же, в одном томе. — Ц. 1 р. 50 к.

Первые восемь томов и соответствующие им $\frac{8}{10}$ одного тома повторяют собою только что указанное нами 1-е изд. и в том же порядке; 9-й и 10-й содержат, сверх того, всю переписку (в том числе и с женою).

Сочинения А.С. Пушкина. Биограф. очерк составлен А. Сосницким. Изд. Карцева. М., 1887. — Ц. 1 р. 25 к.

В одном томе. Соответствует петербургскому павленковскому изданию того же формата. Переписки в себе не включает. Стихотворения напечатаны без выбора, в хронологическом порядке. Приложенный биографический очерк значительно уступает очерку Скабичевского, изумляя местами своей односторонностью. Например, по поводу колебаний будущей тещи Пушкина автор говорит: «Благочестивую и благонамеренную женщину останавливали нелестные отзывы о Пушкине»... Едва ли в этой семье не играли первой роли корыстные и честолюбивые расчеты!

Сочинения А.С. Пушкина. 2-е изд. Суворина. СПб., 1887. — Ц. 1 р. 50 к.

Издание очень удобное по своему распределению. В нем 10 томов, но в заглавии это число не обозначено. Стоит отложить в сторону последние три тома (10-й т. — лицейские стихотворения и отрывки; 9-й — мелкие заметки и дневник; 8-й — письма) — и в семи первых томах имеем именно того Пуш-

кня, с которым желательно познакомить всех любящих русский язык. Знакомство получится полное, но не переполненное: 1-й т.: поэмы и сказки; 2-й: драмат.<ические> произв.; 3-й и 4-й: более мелкие стихот.<ворения>, кроме помещенных в 10-м т.; 5-й т.: «Евгений Онегин»; 6-й: повести; 7-й: «История Пугач.<евского> бунта» и «Путеш.<ешествие> в Арзерум». Приложены несколько портретов и рисунков, но они достоинства мало имеют. Биография коротенькая, очень поверхностная.

А. С. Пушкин. Полное собрание его сочинений. 3-е изд. Комарова, под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1887. 7 томов. – Ц. 3 р.

В предисловии от издателя много похвал себе. «При такой полноте и обстоятельности, наше издание будет в то же время и единственным по дешевизне». Биографический очерк составлен П. П. Каратыгиным. Приложено шесть портретов Пушкина и портрет Пугачева (к истории его бунта). О «дешевизне» в предисловии говорится едва ли справедливо, так как с внешней стороны издание совсем не из привлекательных: все до сих пор нами названные стоят в этом впереди его. Что же касается до полноты, то в смысле справочного надо предпочесть издание «Общества для пособия литераторам и ученым», как носящее менее спекулятивный характер и вследствие того более надежное. Есть слух, что Академия Наук тоже занимается или займется сочинениями Пушкина, – для «изучений» нужны именно такого рода источники.

А. С. Пушкин. Полное издание сочинений, состоящее из 12 частей. Сприложение биографии поэта, торжества открытия ему памятника в Москве и юбилея 50-летия. Изд. Леухина. М., 1887. – Ц. 2 р.

Издание рыночное, заявлявшее о себе широковещательными объявлениями и выставившее на обложке: «Издание предназначено для всего русского народа». С аляповатыми, размазанными 8-ю картинками: таких карикатурных Онегина с Татьяной трудно придумать. Разделение книги на 12 частей совершенно произвольное: нет ни хронологического порядка, ни подбора по характеру пьес, все перетасовано, как попало. Биография неподписанная, конечно, она понадергана из разных мест и потом сложена довольно аккуратно – в этом надо ей отдать справедливость.

Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 10 томах. Изд. Сытина и К°. М., 1887. – Ц. 1 р. 50 к.

Сравнительно с изданиями Суворина, Павленкова, Карцева сытинское хуже редактировано и хуже корректировано.

Сравнительно с изданием Леухина оно стоит гораздо выше, так как в нем есть своего рода порядок: стихотворения подобраны хронологически и разделены на крупные отделы, и, кроме того, имеется важное достоинство – скромность, не ищущая первого места, а, напротив, указывающая в примечаниях, что «лучшим изданием по количеству примечаний и всяких разъяснений в настоящее время считают издание сочинений Пушкина петербургского литературного фонда».

Полное собрание сочинений А. С. Пушкина в 10 томах. Изд. Маркуева. М., 1887. – Ц. 1 р. 50 к.

Буквально сходное с сытинским. Вернее, одно и то же издание, которым поделились между собой Сытин с Маркуевым и продают его каждый под своей фирмой.

Стихотворения А. С. Пушкина. Изд. книгопрод. Лепехина. СПб., 1887. – 251 стр. – Ц. 20 к.

Сто восемьдесят семь стихотворений, преимущественно лицейского периода. Сборник крайне странный, односторонний, слабый, вместо того чтобы дать лучшее, дает худшее; идет в обратную сторону от настоящего вкуса и по характеру своей группировки может служить нам подтверждением той мысли, что многим пушкинским строкам было бы гораздо лучше храниться только для дорогих академических изданий. Там их не так скоро выловила бы невежественная рука.

А. С. Пушкин. Избранные сочинения для детей школьного возраста. Изд. учебного магазина «Начальная школа» Тихомировой. М., 1887.

а) Младший возраст. – 392 стр. – Ц. 50 к.

б) Старший возраст. – 314 стр. – Ц. 50 к.

Первая из этих книг делится на три отдела, озаглавленных так: 1) Родные картинки. 2) Сказки, песни, предания, легенды. 3) Статьи исторические. «Родные картинки» содержат в себе 37 стихотворений: из них семь приведены вполне, а тридцать взяты в отрывках, касающихся только описаний природы. Таким образом, Пушкин сделан тут пейзажистом, чем он никогда не был, пейзаж у него почти всегда является только в фоне картины; и, когда эти клочки фона, оторванные от картин, собраны все в одно место, впечатление получается странное, обесцвеченное. Во 2-м отделе помещены сначала шесть сказок, потом «Ворон к ворону летит», «Конь», «Вурдалак», «Утопленник», «Анчар», «Гайдук Хризич», «Будрыс и его сыновья», «За-

писки индейского пленника»² (что совсем не характерно для Пушкина) и, наконец, «Руслан и Людмила». 3-й отдел состоит из следующего: «Песнь о вешем Олеге», «Опричник», «Пир Петра Великого», «Кто при звездах и при луне», «Бонапарт и черногорцы», «Москва» («Перед нами уж белокаменной Москвы...»). «Капитанская дочка» и «Боже, Царя храни!»

Книга для старшего возраста имеет в себе «драматические и исторические произведения». Тут «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Борис Годунов», «Полтава», десять стихотворений, касающихся истории («Олегов щит», «Клеветникам России» и т. д.) и десять исторических анекдотов.

На наш взгляд, оба тома идут одному и тому же возрасту, 1-й вып. <уск> по своему подбору не моложе 2-го, и все это вместе слишком односторонне, отрывочно и отражает Пушкина далеко не настолько, насколько это возможно в «избранном» составе произведений.

Переходим теперь к изданиям отдельных вещей.

Евгений Онегин. а) Изд. «Общества любителей российской словесности» при Императорском Московском университете. Под ред. В. Е. Якушкина. М., 1887. — Ц. 25 к.; б) Изд. «Дешевой библиотеки». М.: Склад в книжном магазине Тихомировой, 1887. — Ц. 30 к.; в) Изд. книжного магазина Иогансон. Киев, 1887. — Ц. 15 к.; г) Изд. «Всеобщей библиотеки» Самойлова. М., 1887. — Ц. 8 к.; д) Изд. книгопродавца Лепехина. СПб., 1887. — Ц. 20 к. — Итого пять. Из них первое оставляет за собой все другие. Напечатано очень тщательно и изящно. В конец отнесено более ста страниц пушкинских примечаний и дополнений (распределение именно такое, какое бы мы желали для вышеупомянутых томов «Сочинений Пушкина» Л. Поливанова). Второе тоже исполнено удовлетворительно, но теряет при сравнении с первым. Третье представляет вид карманной книжки, очень привлекательной, чистенькой, с убористым, но вполне четким прифтом. В конце приложено несколько вариантов. Четвертое напечатано на серой, тонкой, просвечивающей, неприятной для чтения бумаге. Дополнений и вариантов нет. Примечания

² Под таким названием была опубликована статья Пушкина «Джон Теннер», посвященная книге Джона Теннера, в детстве похищенного индейцами и «проведшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями» (Пушкин. Полное собрание сочинений: [В 16 т.]. М., 1949. Т. XII. С. 105).

отнесены самым мелким шрифтом в низ страниц. Стоит брать только в таких случаях, когда надо очень гнаться за дешевизной. Пятое: на серой бумаге; вид рыночный, грубый. В конце пушкинские примечания и многие из дополнений. Объявлены в продаже еще два издания романа «Евгений Онегин»: Сытина и Маракуева. По всей вероятности, это отдельно продающийся том из полного их издания.

Полтава. а) Изд. «Общества любителей российской словесности», М., 1887. – Ц. 5 к.; б) Изд. СПб. Комитета грамотности, 1887. – Ц. 10 к.; в) Изд. Книжного магазина Сыркина. Вильна, 1887. – Ц. 5 к.; г) Изд. «Дешевой библиотеки». М., 1887. – Ц. 10 к.; д) Изд. Маракуева. М., 1887. – Ц. 8 к.; е) Изд. «Всеобщей библиотеки» Самойлова. М., 1887. – Ц. 3 к. – Наибольшую похвалу, как по достоинству исполнения, так и по дешевизне, заслуживает первое из этих шести. Второе имеет несколько недурных картинок, но зато цена вдвое выше. Выбор из пушкинских примечаний сделан не везде удачно. Напр. <имер>, к словам: «Прекрасной дочерью своей гордится старый Кочубей...» примечание прибавляет: «У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называется Матреной». Разве для читателей изданий Комитета грамотности все это нужно? Мария-Матрена способна только запутать их. Виленское издание заслуживает рекомендации наравне с изданием «Общества любителей российской словесности», если не считать странности в заглавии: «Полтава – поэзия А. С. Пушкина» вместо: «Полтава – поэма...» Четвертое и пятое очень удовлетворительны сами по себе, но теряют свое значение рядом с другими, уже указанными. Шестое, Самойлова, на тонкой, просвечивающей бумаге. Сравнительно с другими гораздо хуже. Прибавим, что пушкинские примечания присутствуют у всех: Самойлова, Сыркина, Маракуева и «Дешевой библиотеки» (склад этой «Библиотеки» в московском книжном магазине «Начальная школа» Е. Тихомировой). Есть еще, сверх того, издание Сытина, но мы его не видели.

Руслан и Людмила. а) Изд. Сытина. М., 1887 г. – Ц. 10 к.; б) Изд. «Всеобщей библиотеки» Самойлова. М., 1887. – Ц. 8 к. – Из этих двух изданий первое значительно лучше, в цене же разница невелика.

Поэмы: Кавказский пленник, Братья-разбойники, Бахчисарайский фонтан, Цыганы. Изд. «Всеобщей библиотеки» Са-

мойлова. М., 1887. — Ц. 8 к. — Обычные достоинства и обычные недостатки самойловских изданий: напечатано грамотно, бумага слишком тонка. Эти же поэмы есть и в отдельных книжках. Из них лучшая — «Кавказский пленник», изд. Витлина, Рига, 1887. «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы» — три московские книжки выпущены книгопродавцем Никольского рынка Морозовым (цена 1½ к.) и имеют очень много опечаток. Морозовым же изданы «Граф Нулин» и сборник нескольких мелких стихотворений под общим заглавием «Амур и Гименей» (стихотворение это идет впереди других). Конечно, эти издания для взрослых.

Сказки Пушкина. Изд. «Дешевой библиотеки». М., 1887. — Ц. 10 к. — Помещено: О мертвой царевне, О царе Салтане, О золотом петушке, О рыбаке и рыбке и Сват Иван. Для школьных библиотек издание вполне подходящее. Но рядом с ним имеют своего рода ценность и сказки, отдельно напечатанные. Недавно один попечитель сельской школы писал в Петербург своим знакомым: «Я хочу подарить нашим грамотным ребятам по экземпляру какой-нибудь сказки Пушкина, тогда и без приказу затвердят образцовый язык; велите выслать каждой сказки по тридцати штук». В подобных случаях такие книжки являются одними из первых зерен личных библиотек маленьких грамотеев, и само собой разумеется, что выбор при этом получает значение. Надо стараться давать в руки детям наиболее грамотное, наиболее четко напечатанное. Из самых дешевых изданий Пушкина такими качествами обладают преимущественно виленские издания Сыркина; сказки у него есть следующие: О мертвой царевне, О золотом петушке, О рыбаке и рыбке, О Бове (последняя, впрочем, непонятна в деревне); цена каждой 1½ — 2 к.)³. Большое удовольствие для детей могут доставить своими недурными раскрашенными картинками (по 6-ти в каждом экземпляре) московские издания Щеглова: О рыбаке

³ Есть еще много изданий пушкинских сказок в такую же цену, но все они стоят ниже по грамотности и качеству бумаги. Вот перечисление тех, которые нам известны: 1) О мертвой царевне, изд. Рихтера, М.; 2) То же, изд. Морозова, М.; 3) То же, изд. Шатаева, СПб.; 4) О рыбаке и рыбке, изд. Сытина, М.; 5) То же, изд. Рихтера, М.; 6) То же, изд. Лузиной; 7) О царе Салтане, изд. Шатаева, СПб.; 8) То же, изд. Рихтера, М.; 9) То же, изд. Лузиной, М.; 10) О Кузьме Остолопе и работнике его Балде, изд. Морозова, М.; 11) То же, изд. Лузиной, М.; 12) Бова. О попе и работнике его Балде, изд. Рихтера, М. Рязанского издания, озаглавленного «Сказки Пушкина», нам не случилось еще видеть (прим. автора).

и рыбки, О мертвой царевне, О Кузьме Остолопе, цена по 15 к. Эти особенно хороши для подарков на елки в народные школы – городские, сельские или фабричные.

Обращаясь затем к драматическим произведениям Пушкина, находим «*Бориса Годунова*» в нескольких видах: а) изд. «Общества любителей российской словесности». М.; б) изд. «Дешевой библиотеки». М.; в) изд. «Всеобщей библиотеки». М.: первое стоит значительно выше других. – «*Скупой рыцарь*» есть в рижском изд. Витлина и московских: Самойлова, Лузиной и «Дешевой библиотеке»: Витлин дает лучшее. Так же и с «*Медным всадником*»: издание Витлина лучшее, а за ним идут Маракуева и Лузиной; маракуевское было бы тоже вполне хорошо, если б в нескольких подстрочных примечаниях не попадались фразы непонятные (о Мицкевиче, об Альгаротти⁴); хотя примечания эти принадлежат перу самого Пушкина, их можно было бы выпустить ввиду неразвитости многих читателей, пользующихся названной книгой. – О «*Моцарте и Сальери*», изд. в Орле, не можем ничего сказать не видав.

Из пушкинской прозы укажем следующее: *Капитанская дочка*. а) Народное чтение; с 2 картинами; изд. учрежденной по Высочайшему повелению Постоянной комиссии по устройству народных чтений. СПб., 1887. – Ц. 15 к.; б) Изд. Маракуева. М., 1887. – Ц. 15 к.; в) Изд. «Всеобщей библиотеки» Самойлова. М., 1887. – Ц. 8 к. – Издание Постоянной комиссии прекрасно напечатано, и в нем предшествует повести небольшое вступление, говорящее о самом Пушкине и о ценности его произведений для русской литературы. Повесть во многих местах имеет пропуски и сокращения, так как иначе ее нельзя было бы прочитать зараз, что составляет непременно условие для Постоянной комиссии. Из двух других изданий, напечатанных вполне, надо предпочесть маракуевское там, где несколько лишних копеек не особенно дороги.

Арап Петра Великого (изд. Сытина, ц. 10 к.); *Дубровский* (изд. Сытина, ц. 15 к.); *Дубровский* (изд. Маракуева); *Барышня-крестьянка* (изд. Морозова, ц. 1½ к.); *Станционный смотритель* (изд. Морозова, ц. 1½ к.); *Гробовщик* (изд. Сытина, ц. 1½ к.) – этими книгами заканчивается все, что до сих пор прошло через наши руки из напечатанных в нынешнем году изданий Пушкина. Из последних

⁴ Имеются в виду примечания Пушкина к поэме «Медный всадник».

шесть сейчас названных «Гробовщик» и «Станционный смотритель» очень нравятся подросткам народной школы, остальные же, хоть не годятся для школ, но, конечно, могут находить себе читателей между взрослым сельским населением.

Остается прибавить довольно интересный расчет: судя по официальным цифрам (в «Правит.<ельственном> вест.<нике>») число вышедших из печати экземпляров копеечных изданий Пушкина от 1 к. до 30 к. доходит до 476000 (с 20-х чисел января по 15 сентября). Не служит ли это ярким доказательством поднявшегося роста грамотности и спроса на чтение?

* * *

В дополнение к поименованным в прошлом номере «Женск.<ого> образ.<ования>» изданиям сочинений Пушкина добавим следующие заглавия:

Сочинения А.С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. Изд. Льва Поливанова для семьи и школы. – Том III: Драматические произведения. – Ц. 80 к.; Том IV: Евгений Онегин. Повести. – Ц. 1 р. 75 к. М., 1887.

Изд.<ания> Лузиной по 1½ к. и по 36 стр.: 1) Каменный гость. 2) Цыгане. 3) Станционный смотритель и Гробовщик. 4) Барышня крестьянка. 5) Выстрел. 6) Граф Нулин. 7) Метель. 8) Медный всадник. 9) Русалка. 10) Кавказский пленник. 11) Скупой рыцарь. 12) Бахчисарайский фонтан. 13) Сраженный рыцарь. Наездник. Анчар. Родриг и странник⁵. 14) Братья-разбойники. Гусар. Воевода. Будрыс и его сыновья. 15) Песни западных славян. 16) Сказка о царе Салтане. 17) Сказка о рыбаке и рыбке. 18) Сказка о купце Кузьме Остолопе и о работнике его Балде.

Изд.<ание> Абрамова по 1½ к. и по 36 стр.: 1) Барышня-крестьянка. 2) Пиковая дама. 3) Сказка о царе Салтане. 4) Сказка о мертвой царевне.

Пушкинский песенник. Собрание песен и романсов знаменитого русского стихотворца А. С. Пушкина. М.: Изд. М. Н. Лаврова, 1887. – 46 стр. – Ц. 10 к. (Текст сорока одной песни с подстрочными примечаниями о том, кем из композиторов каждая из них положена на музыку).

⁵ В современных изданиях: «Родриг». Возможно также, что в журнале допущена опечатка и в одном названии слились два – «Родриг» и «Странник».

КНИГИ ДЛЯ НАРОДНОГО ЧТЕНИЯ*

В течение нескольких последних лет у нас сильно развилось издательство дешевых книг, и в этом надо видеть очень характерный, очень ценный признак распространения грамотности. Раньше книга спрашивалась только покупателем более или менее достаточным, которому легко вынуть из кармана рубль; теперь же ее спрашивает покупатель другого сорта — тот самый, для которого в мелочной лавочке развешивается чай осьмушками, сахар четвертками. Три копейки, пятак, гривенник и самое большое двугривенный — вот пределы цены, доступной мастеровому, слуге, извозчику, деревенским батраку и батрачке. В этих пределах они более или менее часто позволяют себе съесть булку, напиток чаю, купить табаку, купить платок на шею; но как только цифра идет выше, к полтиннику или к шести гривнам, приходится каждый раз подумать и подумать для того, чтобы выбрать расход или действительно полезный, или чем-нибудь особенно соблазнительный. Покупка книги только в очень исключительных случаях ставится человеком малограмотным в число расходов перворазрядных и, следовательно, книгу покупают только из доли денег, предназначенных на то, чтобы так или иначе их бросить. Само собой разумеется, что постепенно человек способен втянуться в чтение: уделяя на него сегодня, завтра, послезавтра по две, по три копейки, он через год захочет скопить целый рубль, чтобы приобрести уже не маленькую книгу, а большую. Когда потребность возрастает до такой меры, дальнейшее развитие ее можно считать почти обеспеченным, но при этом характер потребности еще не определяется ее ростом. Не то важно, чтобы человек глотал книги, а то, чтобы он умел их выбрать. Можно любить плохие уголовные романы, как можно любить классиков, любить историю. Классики

* Впервые: Женское образование. 1890. № 1. С. 80–82 (предисловие к обзору народных книг, вышедших в провинциальных издательствах).

расширяют круг мысли, плохие уголовные романы суживают его, и, следовательно, усиленное поглощение вредных страниц ведет к убытку, а не к прибыли.

Некоторые находят, что специальная литература для малограмотных совсем не нужна; в ней видят обидное опекунство, утверждают, будто всякий подросток и взрослый, умеющий читать, может обходиться без замен и приспособлений, пользуясь прямо всем существующим в печати для лиц с общим образованием. Опыт, однако, показывает другое. Только прочитав десятки книжек и книг «приспособленных», оказывается возможным сознательно заинтересоваться чтением вообще и включить его уже не в число забав. Дать начинающему читать такой материал, который бы вел в будущем к настоящему знанию и настоящему повышению нравственному, — вот одна из серьезнейших задач современного издательства. И это не только в России, а повсюду. Французский психиатр Маньян, директор больницы St. Anne в Париже, утверждает, что громадный процент нравственно извращенных юношей, с которыми ему как врачу приходится встречаться, обязан своей распущенностью вредному влиянию многочисленных кровавых романов, которыми так шеголяют фельетоны парижских уличных листков. Постоянным чтением таких романов создается особого рода внушение, толкающее неустойчивого, неразвитого человека на ложный путь увлекательных приключений и как будто бы легкой наживы. Изо дня в день опьяняясь, молодой ум теряет возможность правильно мыслить и живет только своими уродливыми галлюцинациями. Такого же рода отзывы приходилось нам слышать в Петербурге от женщин-врачей относительно влияния разных опьяняющих романов на малоразвитых девушек — швек, бонн и т.<ому> под.<обных>. Наоборот, хорошее чтение прибавляет человеку запас здоровых сил, как будто вводит его в круг хороших примеров, хорошего знакомства. Бывает даже, что книга является единственным источником живого слова и доброй мысли, ближайшим другом и советником; прочитанную в юности хорошую книгу вспоминают иногда всю жизнь с благодарностью. Само собой разумеется, что тут многое зависит от темперамента, от личных свойств. Один ищет хорошего, другой ищет дурного; одному нужно в его поисках помочь, другому помешать.

Со своей стороны, мы всегда придавали и придаем очень большое значение тому матерьялу, из которого черпают свое первое чтение люди малоразвитые, притом не имеющие близких руководителей для своей умственной самостоятельности. Поэтому многочисленность появления дешевых изданий всегда нас радует: есть из чего сделать выбор; поэтому мы желали бы видеть эти дешевые издания еще несравненно более многочисленными и особенно тщательно подобранными; поэтому, наконец, в распространенности их находим несомненный признак роста умственных сил страны.

РЕЦЕНЗИИ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ДВА ОЧЕРКА ЩЕДРИНА*

После нескольких месяцев молчания Щедрин опять появился в двух последних номерах «Отеч.<естественных> зап.<исок>». Каким огромным, но вместе с тем каким благодарным трудом будет со временем для талантливого критика изучение длинного ряда произведений, в течение многих лет с жадностью прочитываемых, запоминаемых в отдельных отрывках, откликающихся на все злобы дня, еще прежде чем эти «злобы» успевают выясниться для самых лучших людей, не говоря уже о близоруком большинстве! И какая постепенность в переходах сатирического тона будет всеми замечена тогда! «Губернские очерки», «Дневник провинциала в Петербурге», «Дворянская хандра» – вот три главные вехи, между которыми много промежуточного. Было время, когда смех являлся задорным, легким, молодым. Иной только что вылупившийся птенец или замуравленный в стенах своего департамента чиновник могли видеть в нем одно балагурство и сочувственно хохотать, повторяя «смешные слова». Теперь даже у самого недогадливого читателя хохоту не найдется, а если и найдется, то звук будет не тот...

«Убежище Монрепо» («Отеч.<естественные> зап.<иски>», август 1878 г.) и «Похороны» («Отеч.<естественные> зап.<иски>», сент.<ябрь> 1878 г.) представляют собою отпрыски «Дворянской хандры». Первый из этих очерков начинается так: «От чего отдохнуть – это вопрос особый; но уехать на лето, во всяком случае, надо». И вот «культурный человек» уезжает, а город между тем населяется дулебами, радимичами, вятичами и проч., в образе каменщиков, штукатуров и т. д. Культурный человек удаля-

* Впервые: Кронштадтский вестник. 1878. № 115. 1 октября. С. 1-2.

ется в имение – в Монрепо или, иначе, в Заманиловку. Когда-то в Монрепо и жилось и чувствовалось распрекрасно. Но... иные времена, иные нравы. Не то, чтобы человек другим стал, а обстановка у него другая. Прежде, например, количество земельных угодий было условием благосостояния, а теперь земельные угодья только помеху, беспокойство приносят. От них всех желательнее поскорей отделаться, хотя бы задаром. Для культурного человека нужны только «тенистые аллеи, излучистая река и соловьиное пение». Если иногда ему приходит фантазия изобразить из себя «хозяина», то всегда выходит нечто, никуда не годное; он сам чувствует, что надоедает, мозолит глаза своим «земледельцам», теряет несколько процентов их уважения (они не могут сказать про него: «видно, что настоящей барин, – живет и ничего не делает!»), а в конце концов ни удовольствия, ни пользы себе не доставляет. Значит, остается жить в деревне в качестве «хорошего барина»? Но ведь это совестно. Неужели, в самом деле, «только вдыхать ароматы полей, следить за полетом ласточек, читать братьев Гонкуров и упитывать себя для предстоящих зимних подвохов»? Кроме того, что совестно, надо еще другое взять в расчеты: «Серый человек, хоть и выражается о таком субъекте: вот настоящий барин! но он говорит это только до поры до времени. Серый человек покуда еще ужасно задавлен, и вследствие этого обещание “на водку” действует на него магически. А *настоящий барин* дает на водку часто и щедро... К чести человечества, надо думать, что наступит же наконец момент, когда он очнется и поймет, какой омерзительный смысл заключается в паскудном выражении “на водку”, в котором теперь он видит нечто вроде подспорья»...

Культурного человека внезапно озаряет мысль: «помимо сельскохозяйственных затей, для меня может существовать вполне деревенское дело, а именно: дело совета, разъяснения, просвещения и посильной помощи!» О, это задача не шуточная! ее на всю жизнь хватит! ею стоит увлечься. Не в смысле подвижничества, конечно. Зачем? можно состоять «в законе», можно не покидать разряда людей, действия и помыслы которых могут быть свободно исследуемы. «Я охотно допускаю, – говорит Щедрин, – что и в заурядных представителях культурной массы может зародиться жажда просветительного деревенского дела. Добрых, сострадающих и вообще порядочных людей и в этой массе найдется достаточно. Но дело в том, что, по

самым условиям своих жизненных преданий, обстановки, воспитания, культурный человек на этом поприще прежде всего встречается с вопросом: что скажет о моей просветительской деятельности становой¹ (само собой разумеется, что здесь выражение “становой” употреблено не в буквальном смысле)? Я знаю, что вопрос этот смешной и что даже довольно близкие наши потомки будут удивляться самой возможности его постановки, но, тем не менее, он, несомненно, существует, и человек, “в законе состоящий”, отнюдь не может его миновать. Его постоянно тревожит мысль: своевременно или преждевременно? и потому ежели он и приступит на деле к выполнению своих просветительных поплзновений, то или не проведет их особенно далеко, или же будет приспособлять свои действия ко вкусам и идеалам станового». В результате... впрочем, может ли тут быть какой-нибудь результат?.. Итак, «хороший барин» живет в Монрепо, а между тем рядом с ним, под боком у него, процветает кабак. Мало сказать, что он процветает. Он царствует. «Вокруг него растет одичалое племя, которое отдает кабацнику всю свою душу и которому положительно ни до чего нет дела... И пьянство здесь какое-то необыкновенное: не шумное, не экспансивное, а сосредоточенное и унылое. Как будто исполняется горькая задача, от которой никак нельзя отбиться. Идет человек по дороге и вертит зрачками: это значит, что он еще бодрится. Прошел несколько шагов, споткнулся и уж храпит». А иной, возвращаясь из кабака, не попадает на лавы, устроенные для сокращения пути, шагает прямо в реку и товет. Что ж против этого предпримешь? «Быть может, нужно, чтоб люди вертели зрачками и не понимали, куда они ложатся – в постель или в реку. Почему так нужно – этого, конечно, мы не можем знать: не наше дело»... И опять тот же вопрос: а какое наше дело?.. «Чтобы читать книжку, следить за наукой, литературой и искусством – для всего этого нет никакой надобности в своем собственном угле... Гораздо более удобств в этом смысле представляют Эмсы, Баден-Бадены, Трувилли, Буживали, Лозанны и проч. Для чего культурному человеку изнывать в каких-то сумерках, лишенных света и тепла, когда те задачи, преследование которых ему доступно, он может вполне удобно переносить с собой в такие местности, в которых вдо-

¹ Становой пристав – заведующий полицейским участком в уезде.

воль и тепла и света?» И значит, по-настоящему, Мопрепо (Заманиловка тож) не представляет собою «убежища». Убежище, место отдохновения – под чужими небесами. Естественно ли это? Должно ли так быть? Кажется, не должно. Отчего ж так выходит? Отчего дома у себя, где бы нам, кажется, раздолье, ничто не спорится нам? Отчего каждый наш успех оказывается фиктивным. «Двоегласие очевидно, и оно невольно заставляет предполагать, что рядом с успехом идет нечто такое, что тут же, сейчас же подрывает все». А впрочем... «благо неведущим»!..

Еще больше: «благо умершим»! Культурный человек (не простой культурный человек, а писатель из самых неутомимых) умер, и его везут на Митрофаньевское кладбище. Эти-то именно «похороны» рисует Щедрин во втором своем очерке, и по поводу умершего Пимена Коршунова говорит о той профессии, которой он, этот литературный подвижник, всю жизнь служил: «Литература наша и дондсь представляет два совершенно отличные типа: с одной стороны, недоконченность, невысказанность, боязнь; с другой стороны – такая ясность, которая равносильна наглости, доведенной до разврата. Очевидно, в воздухе висит еще крепостное право. Оно провело заповедную черту, под которой похоронило громадное количество явлений и закупило наглухо целые мириады существований, которые бьются где-то на дне, тщетно усиливаясь выйти на божий свет. И оно же вызвало и пригрело бесчисленное множество литературных паразитов, которые с изумительным легкомыслием вливают яд распутства в русский жизненный обиход. Да, крепостное право упразднено, но оно еще не сказало своего последнего слова. Это целый громадный строй, который слишком жизнен, всепроникающ и силен, чтоб исчезнуть по первому манию. Обычно, говоря о нем, разумеют только отношения помегчиков к бывшим крепостным людям, но тут только одна капля его. Эта капля слишком специфически пахла, а потому и приковала исключительно к себе внимание всех. Капля устранена, а крепостное право осталось. Оно разлилось в воздухе, осветило нравы; оно изобрело пути, связывающие мысль, поразило умы и сердца дряблостью. Наконец, оно же вызвало целую орду прихлебателей-хищников, которых деятельность так блестяще выразилась в бесчисленных воровствах, банкротствах и всякого рода распутствах. Само начальство изнемогает под бременем борьбы с этим недугом. Возьмем для примера хоть литерату-

ру: кажется, ей дана самая широкая свобода, а между тем она бьется и чувствует себя точно в капкане. Во всех странах, где существует точь-в-точь такая же свобода, – везде литература процветает. А у нас? У нас мысль, несомненно умеренная, на которую в целой Европе смотрят как на что-то обиходное, заурядное, – у нас эта самая мысль колом застряла в голове писателя. Писатель не знает, в какие чернила обмакнуть перо, чтоб выразить ее, не знает, в какие ризы ее одеть, чтобы она не вышла уж чересчур доступною. Кутает-кутает, обматывает всевозможными околичностями и аллегориями, и только выполнив весь, так сказать, сложный маскарадный обряд, вздохнет свободно и вымолвит: слава Богу! теперь, кажется, никто не заметит! Никто не заметит? а публика? и она тоже не заметит? ужели есть на свете обида более кровная, нежели это нескончаемое езопство, до того вошедшее в обиход, что нередко сам езопствующий перестает сознавать себя Езопом?»

Пимен Коршунов не был видным человеком в литературе. Это был просто работник, никогда не переводивший духу, вечно строчивший, вечно полный своей кастовой обособленности, которая заставляла его с жадностью следить за всеми подробностями литературного движения, за всякой полемикой. Для него не существовало другой жизни, других интересов. Может быть, это была односторонность, но вместе с тем тут скрывалось нечто ограждавшее от всякого тяготения к перебежке, к распушенности. Лучшие люди того времени проникались этим сами собой, худших это насильственно сдерживало. Коршунов был рецензент. Тогда вся жизнь литературы сосредотачивалась в отделе критики и библиографии. Цензура давила невообразимо, гонорар был ничтожный, кормиться приходилось вполсыта. «Три четверти существования были поглощены вопросом: пройдет или не пройдет? остальную четверть наполнял ответ: нет, не пройдет. Но иногда случалось нечто чудесное: прошло! совсем прошло! Это была радость; это были те редкие солнечные, теплые дни, которые, по временам, прорываются и среди сумерек туманной петербургской осени».

Наступил другой период – период возрождения; все ожило, все расцвело и возликовало. Коршунов удалился от ликования в сторону. «Что это значит?» – спрашивали у него. «Боюсь, гаду очень много заведется в литературе, – отвечал он тоскливо. – До сих пор русские писатели держались особняком, а если кто

из них и чувствовал в себе поползновение к податливости, то или совестился высказываться, или же понимал, что в результате этой податливости может быть грош, так что, собственно говоря, и компрометировать себя не из чего. А теперь, с этой практической ареной – смотри, какая скачка с препятствиями пойдет! Изю всех щелей бойцы вылезут... Ну, и насрамят». – «Что же, ты бросишь литературу?» – «Нет, не брошу; во-первых, деваться мне некуда, а во-вторых, чем же я лучше других?.. новость дела меня не страшит: стоит только привыкнуть да изловчиться – и все пойдет как по маслу. Ведь все эти так называемые “жизненные вопросы” таковы, что, право, любая курица может написать об них с три короба руководящих статей». – «Да, но ведь и статьи в таком случае будут куриные?» – «А вы думали, что теперь потребуются статьи орлиные?»

И вот Коршунов оставляет свою роль безвестной капли, долбящей камень, и превращается в передовика большой либеральной газеты, т. е. в поставщика передовых статей для нее. Выбор был неширок: приходилось положить зубы на полку или выступить на арену «живых вопросов». Он выбрал последнее и стал писать статейки с достоюдолжной бесцветностью. Но по временам его кусала какая-то блоха, он вскакивал, кричал: это ужасно! ужасно! – волновался, затыкал себе уши, чтоб не слышать, закрывал глаза, чтобы не видеть, зажимал нос, чтоб не обонять... Потом возвращался к благоразумию, успокаивался... Наконец успокоился совсем, и его отвезли на Митрофаньевское кладбище... «Нашелся добрый батюшка из недавно кончивших курс, который посвятил себя умершему литератору и сказал по поводу этой смерти, увенчавшей отверженное существование, отличнейшее, полное глубокого сострадания слово. О, Пимен! если бы ты мог из своей домовины слышать эти простые, полные любви слова, ты, наверное, по великой своей скромности, воскликнул бы: батюшка! я человек маленький, и, право, рисковать из-за меня...»

О ЩЕДРИНЕ И О ПОСЛЕДНЕМ ОЧЕРКЕ ЕГО*

В январском номере «Вест.<ника> Евр.<опы>» есть статья г. Утина, озаглавленная «Сатиры Щедрина». Начинается она так: «Давно уже русский писатель не производил на современное ему общество такого глубокого впечатления, как г. Салтыков (Щедрин). Каждое новое его произведение читается с жадностью... Даже те, у которых мороз должен был бы пробегать по телу при чтении как молотом бьющей сатиры, не отваживаются вступать в открытую борьбу с мощным писателем и в большей части случаев относятся к нему если не с любовью, то, по крайней мере, с внешним уважением... Враги литературных произведений г. Салтыкова должны надевать на себя маску: кому же охота узнавать себя в воспроизведенных автором лицах? Впрочем, нужно сказать и то, что многие из тех, кому должны были бы быть куда как солонны произведения г. Салтыкова, читая их, весело смеются, точно не о них и идет речь. Одни из таких читателей по наивности не понимают, что, смеясь над типами сатирика, они смеются над самими собой; другие же обладают такою толстою кожей, что слово на них уже перестало действовать. Они так уверены, что “настоящая” сила, а не какая-то нравственная сила литературы, на стороне их “хищнических” стремлений и действий, что они охотно сами же смеются над нравственным пригвождением их к позорному столбу. Когда совесть сгинула, когда люди потеряли способность краснеть, тогда бич сатиры скользит по ним, не вызывая ни малейшей боли. Но удары, наносимые хотя и по бесчувственному телу, — не бесплодны: они спасают других, еще не зачумленных, от падения в ту зловонную яму, которая душит в людях и чувство стыда, и понятие о человечности».

Далее автор статьи подходит ближе к определению задач сатиры вообще и сатиры Щедрина в особенности. Он стремится

* Впервые: Кронштадтский вестник. 1881. № 8. 13 января. С. 1–2.

ся, так сказать, «поставит точки на і» и словами выразить всеми чувствующися, но почти никем вслух не высказываемые причины горячего сочувствия к сатирику – сочувствия, питаемого большинством читателей. Нельзя сказать, чтобы успех его в этом отношении был полный. Несмотря на сравнительную свободу печати в настоящее время (год тому назад даже такая скромная оценка шедринского значения едва ли могла бы появиться – тогда можно было свидетельствовать только о его таланте), «эзоповщине» все еще приходится держаться. Утин сам это чувствует и, приостановившись на крайне тяжелом положении литературы в недавнем прошлом, продолжает так: «Нет, разумеется, особенных оснований и в настоящее время русскому обществу настраиваться на праздничный лад; ничего не случилось такого, чтобы это общество имело право гордиться успехами своей общественности: как было в “доброе старое время”, так и теперь оно также по-прежнему бессильно, по-прежнему может говорить только “рабым” языком, языком чувствующего свое ничтожество просителя, который, низко кланяясь и неустанно благодаря, вручает свою судьбу в руки благодетеля. “Хочу – милую, хочу – казнь!” сохранилось в прежней силе, и никто не должен дерзать спрашивать: за что милуют, за что казнят? На то добрая воля Феденек Неугодовых».

Все-таки, несмотря на рабы привычки, хочется хоть попробовать высказаться – выяснить, за что именно так высоко ставится Щедрин. Ведь в его сатире дороги не намеки на те или другие личности (таких намеков у него мало) и не своеобразная соль разных «словечек» («словечки» – только мастерская иллюстрация богатого смыслом текста) – дороги чисто русские мысли,

Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти – дави не дави,
В которых так много и злобы, и боли,
В которых так много любви!¹

Салтыков-Щедрин глубоко и бескорыстно любит Россию, и все, любящие ее тоже глубоко и бескорыстно, любят его. Он – лучший выразитель их лучших взглядов. Не западник он, не славянофил, не либерал, не консерватор – вообще не лицо какой бы то ни было партии. Он – вернейший сын своей страны,

¹ Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Крестьянские дети».

в высшей степени чутко относящийся к всякому ее страданию, явному или тайному, ко всякой опасности, грозящей как со стороны врагов, так и со стороны друзей (между друзьями бывают всякие – и близорукие, и эгоистичные, и просто глупые). Он не спускает никому, не вступает в сделки никогда, потому что это значило бы прощать за других, чего никто не вправе делать. Кто хочет, прощай за себя – и только. Разве существует, разве может существовать такое полномочие, которое позволяло бы прощать за целый народ? Относительно самого понятия об этом последнем слове Утин справедливо говорит, что «Салтыков не противопоставляет народ обществу, как это делается своеобразными радетелями о народном благе, – нет, он народу и обществу противопоставляет наши бытовые формы, проеденные грубым, необразованным и потому жестоким бюрократизмом. Зло, парализирующее здоровый рост общества и целого народа, – это несправие, проникающее во все сферы, в частную жизнь человека, в семью, в общество, в весь народный быт. Неправие, разлагающее всякого рода деятельность; оно душит литературу, искусства, все профессиональные деятельности; оно тяготеет над промышленностью, торговлею, всюду оно дает себя чувствовать, всюду оно торжествует над тем, что зовется правдою и правом. С верхних оно постепенно сходит до самых низших ступеней; представители его занимают самые различные общественные положения; приличный сановник и future-minister Феденька Неугодов и необтесанный Колупаев – это плоды одного и того же дерева, они действуют во имя одного и того же принципа, один на поприще государственной деятельности, другой – на поприще кабака». Во имя чего же человек, который все это видит и чувствует так ясно, как видит и чувствует Салтыков, мог бы прощать? во имя чего пошел бы он сторонкой, вмешиваясь в толпу ликующих, праздно болтающих, обагряющих руки в крови²?

Нет, он сторонкой не шел и никогда не пойдет; не таков его тип. В нем, старом бойце, ни разу не обмолвившемся словом потачки, слишком твердо укрепилась привычка стоять на страже в аванпосте. Многие другие также стоят там, но больше потому, что «noblesse oblige»³, что дезертирство некрасиво

² Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час».

³ Положение обязывает (фр.).

и почти всегда невыгодно. Стоят и клянут свое место, потому что жаждут уйти на покой. Каприз судьбы и собственная юношеская горячность выдвинули их когда-то, но после того они давно успели устать. А он не устает!.. Зато сколько насмешливо-го презрения звучит в его тоне, когда ему случается заговорить о них, товарищах своих по профессии! Им-то уж меньше, чем кому-нибудь, он прощает; они, так же как и он, стояли и стоят впереди, они видели и видят; зачем же они в лучших случаях расплываются в бесплодном нервничанье, а в худших или трусливо молчат (молчать можно иногда и не трусливо, чему тот же Щедрин не раз служил примером), или позорно склоняются к поддакиванию?

В последнем (т. е. декабрьском) номере «Отеч. <естественных> зап. <исок>» помещен нашим сатириком очерк «Чужой толк», замечательный между прочим тем, что он «был написан еще в 1877 году, но, по обстоятельствам, не мог быть в то время напечатан». В нем тон автора местами звучит безнадежностью, но и в этой безнадежности нет ни малейшей уступки ничему и никому, нет ни малейшего желания отдыха для самого себя. Умереть – пожалуй, забыться – никогда!.. И вот он, одинокий могиқан, подводит итог самому себе, он говорит:

«Я сижу в своем углу и разнемогаюсь. Гордиться тут вечем, но самый факт вольного умирания, в виду легкой достижимости торжества, есть уже признак, перед которым должно умолкнуть резкое слово осуждения. Сверх того, я могу назвать три особенности, которые проходят через значительную половину моего существования и которые, по сущей справедливости, должны быть мне зачтены. Особенность первая – тоска. Тоскливое чувство – и притом не напускное, а совершенное искреннее – с давних пор составляет господствующий тон моей жизни. Современная вакханалия хищничества не пробуждает во мне не только стремления участвовать в ней, но даже любопытства узнать причины этого явления: она просто утомляет меня, поселяет чувство уныния. Ужели это не “заслуга”? Я не желаю быть ни железнодорожным деятелем, ни кабатчиком, ни добровольцем, ни адвокатом, ни даже присяжным заседателем... воистину не желаю, не хочу! Какая-то шемающаяся унылость, сопровождаемая полным отсутствием естественности и искренности, слышится мне и в базарном гвалте, и во всех бряцаниях, составляющих внешнюю обстановку современной хищничес-

гой свалки. Фальшиво, неинтересно, даже просто глупо <...> Вторая моя особенность: щекотливость, очень близкая к стыду <...> Стыд очищает человека; бессильному он помогает нести бремя бессилия, сильному – внушает мысль о подвиге. Нужно, чтоб возможно большее количество людей почувствовало стыд. Нужно, чтоб люди стыдились не только поражений, но и побед и одолений: не только неудач, но и удач <...> В моем стыде нет ничего героического – я знаю и это; но думаю, что один вид стыдящегося человека, среди проявлений несомненно бесстыжего торжества, уже может служить небесполезным напоминанием <...> Сколько есть субъектов не вполне законченных, сколько таких, которые попали в лагерь торжествующих или по малодушию, или недоразумению! Все это люди колеблющиеся, в которых вид стыдящегося человека может пробудить не только мерцания совести, но и опасения возмездия. В них еще нет настолько наглости, чтоб совсем игнорировать представление о стыде, и потому они, хотя урывками и втихомолку, но все-таки подходят к стыдящемуся человеку и жмут ему руку <...> Третья моя особенность – это искреннее убеждение, что жить довольно <...> Когда есть сознание, что “продолжение впредь” не представляет иных перспектив, кроме перспективы хронического бессилия, тогда не может быть желания более законного и естественного, а, пожалуй, даже и более нравственного, как желание исчезнуть. Сколько есть таких, которые, будучи подавлены массами срама, все еще карабкаются и хватаются дрожащими руками за колеблющиеся нити срамного существования, – почему же рядом с ними не различить таких, в сердцах которых это жадное ловление жизненных нитей производит только скуку, граничащую с отвращением?»

Дальше в очерке рисуется тяжелая картина горя старика Молчалина, который своему сыну, Павлуше, не сумел внушить «настоящих правил», что ему князь-начальник его и не замедлит на вид выставить: «сами, мол Алексей Степанович, виноваты». Впрочем, история Павлуши кончилась благополучно и довольно скоро. Старик-отец ликует, молодецкато повторяя: «Пустяки! разумеется, пустяки! Гимназистку шестого класса взбунтовал – важность какая, сделайте милость!» Но затем у него звучит несколько тревожная нота: «Сегодня Павел-то Алексеевич с утра к товарищу забрался: вместе “Правительственный вестник” будут критиковать! Не нравятся мне эти критики, ох,

как не нравятся! а с другой стороны – жалко и на привязи молодого человека держать! Думал было сказать: не ходи! – да совестно! Недотрога ведь он у меня – недолго и разбередить! Нынче же гаду промежду публики много развелось; вместо того чтоб мирком да ладком – только и слышишь: мальчишка! негодяй! Вот он, Павел-то Алексеевич, и настораживает уши!» По возвращении Павла Алексеевича от товарища из его слов оказывается, что «Правител.<ьственный> вест.<ник>» они не критиковали и Черняева с Гарибальди не сравнивали. Но так как никогда, должно быть, не мешает пожуричь молодого человека, то Алексей Степаныч с завернувшим к нему приятелем и журят. «Коли старшие говорят: погоди! – значит, так ты и должен сообразоваться!» – внушает Алексей Степаныч и поясняет пословицей «яйца курицу не учат». «Нет-с, не то!.. – поправляет приятель. – То есть, коли хотите, оно и то, да не то! В предположении Алексея Степаныча яйца должны навсегда остаться яйцами. Я же говорю, вот яйца, из которых со временем нечто должно вылупиться! Но прежде – и вот где разница между мною и вами, молодой человек! – прежде, говорю я... вылупитесь, господа!» Слова звучали убеждением; в них был «целый план: сперва вылупитесь, потом подрастаете, потом осмотритесь, а там что Бог даст!» Продолжение шло в таком же роде: «Я сам был молод, сам увлекался... Знаю! Молодость великодушна, но – извините меня – нерассудительна! Она не хочет понимать, что всякое общество есть союз, заключенный во имя совершившихся фактов и упроченных интересов. Что безнаказанно колебать подобные союзы нельзя! Что ежели, наконец, и не невозможно к ним прикасаться, то прикосновение это может быть допущено только с величайшей осторожностью и крайним благоразумием!» – «С подходцем, мой друг, с подходцем! – подтвердил и Алексей Степаныч». Между тем «молодой человек» курил папироску, и на лице его выражалась величайшая скука. Он как будто ждал, что вот сейчас будет еще: «звезда от звезды разнствует во славе...» или что-нибудь в подобном роде, как увещал его незадолго перед тем отец Николай. «Папенька, я пойду, наши уж от обедни пришли», – сказал он вдруг, встал и ушел. К чему же вся журьба была, да и нужна ли в самом деле журьба, обучающая «подходцу»?..

РАССКАЗЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ВЗРОСЛЫХ

«...Наша обязанность, обязанность владельцев книжными богатствами – не только пригласить всякого черпать из них, но и придать этому форму доступную».

Е. П. Свейников

ВАНЯ*

Квартировала я одно время в большом красивом доме. Много жило в этом доме народу, особенно тесно населен был подвал. Всевозможные ремесленники, отставные солдаты, прачки и прочий бедный люд наполнял углы грязноватых сырых конур. Ребят было множество. В летние дни толпа их рассыпалась обыкновенно по двору и наслаждалась, как умела, полнейшей свободой: родители, занятые своими делами, мало обращали внимания на детей, редко знали, где они пропадают по целым дням, что делают. Прибегут ребяташки домой поесть и опять исчезнут: ну и пусть их! меньше мешают! Все почти дети были грязны, оборваны, должно быть, часто голодны, потому что каждый из них ел с величайшим удовольствием всякую дрянь, попадавшуюся под руку, но, несмотря на то, почти все казались очень счастливы. Они топтались в глине и в лужах, играли, бегали, кричали не умолкая. Иногда в свободную минуту, отворив окно на двор и наблюдая издали за ними, я старалась вслушаться в эти крики, но ничего не могла разобрать. Голоса все тоненькие, все картавят, не выговаривают слов, перебивают друг друга, спорят, сговариваются и опять спорят. Вот, кажется, уже начинают успокаиваться, затевают какую-то игру, но нет! вместо игры опять возобновляются гам и крики, точно это стая ворон слетелась на крышу и затеяла свой непонятный, шумный, хлопотливый разговор.

Не замедлили дети заметить, что им не худо и приятельство вести со мной. Раз-другой поделилась я с некоторыми из них пирожным, и они уже довольно часто стали являться к моему окну с бесцеремонным: «Тетенька, дала бы пряничка!» Пряничек далеко не всегда оказывался, но они не пренебрегали ничем

* Впервые: Детское чтение. 1874. Т. XI. С. 325–346 (без подписи). Рассказ атрибутируется Свешниковой по принадлежавшему ей экземпляру журнала, в котором есть карандашная правка и после текста собственноручная подпись «Е. С.».

другим: пирожком, булкой, куском говядины и даже куском хлеба. Так я их всех понемногу и прикормила, хотя вначале вовсе не имела этого в виду. Окно мое находилось в первом этаже, так что нам сношения вести было удобно. Моя старуха-кухарка вначале иногда на то, что с этими ребятами у нас всего выходит вдвое больше, чем зимой, но все же она была старуха незлая и кончала тем, что мирилась с «напастью», как она выражалась. Мне казался особенно симпатичным один мальчик – Ваня. Он был сирота лет семи, воспитывался у тетки, бедной женщины. У нее были на руках еще две родные дочери, и хоть она была женщина не злая, но, конечно, оставалась недовольна тем, что приходится кормить лишний рот. Где бы ей или ее дочерям лучше съесть, а тут давай чужому ребенку. «Сестрин сын! мало ли что! – говорила она, – после сестры-то их бы пять или шесть осталось, так я всех и корми. Я-то чем виновата, что у мальчика и отец и мать умерли? Кинуть бы его! До него ли! Насилу перебиваешься сама, а тут еще мальчишка навязался!» Разумеется, этому навязавшемуся или, вернее, самой судьбой навязанному на нее мальчику жилось не очень хорошо. Его не берегли, заставляли исполнять непосильные работы, приходилось ему таскать ведра, корзинки с бельем; поминутно кто-нибудь посылал его в лавку: он был на посылках у всего двора. С виду казался он болезненным, был мал и худ, редко участвовал в общих играх и криках, и большие серые глаза его смотрели не по-детски серьезно. В обиду не давался, плакал иногда только от холотушек тетки; дочери же ее, его двоюродные сестры, из которых одна была ему ровесница, а другая двумя годами старше, не смели его задевать, хоть и отличались вообще как шалуньи и цырдочные забияки. «Ваньку не троньте – отплатит». Такая молва установилась о нем между ребятами, и действительно, у этого худенького мальчика точно вдвое прибавлялось силы, когда его раздраживали и когда приходилось постоять за себя. Мне Ваня очень нравился, и моя старуха Аграфена тоже отдавала ему преимущество перед всеми и жалела его как сироту.

Кончилось лето, настали холодные дни, голым ножонкам оказывалось неудобным прыгать по двору, и забрались ребяташки в свои норы, душные и темные, заваленные тряпьем, застановленные сундучками, верстаками, кадками, ведрами, корытами. Скрылось у меня из виду все маленькое общество. К весне переехала я на новую квартиру, совсем в другой сторо-

не города, и мне никогда почти не случалось даже проходить мимо знакомого большого дома.

Прошло года полтора; иду я как-то по одной из довольно глухих улиц, и вдруг мне навстречу бегом бежит мальчик. Я взглянула на него мельком и сейчас узнала Ваню. Он тоже узнал меня и приостановился. «Здравствуй, Ваня!» – сказала я. – «Здравствуйте», – отвечал он с видимым удовольствием, сейчас воротился и пошел рядом со мной. – «Вы теперь уже здесь живете?» – спросила я. – «Здесь; а вас я искал, да не мог найти. Где ваша квартира?» – «Далеко отсюда». – «Вы скажите, я к вам приду». – «Тебе не найти, голубчик, это очень далеко». – «Как не найти, я везде хожу теперь, один хожу». – «Право? вот ты какой бойкий стал! А все такой же маленький. Ну, как же ты живешь?»

«Живу... так себе живу... Да вы скажите мне квартиру-то вашу, я бы пришел к вам». – «Приходи, приходи, если найдешь». Я ему сказала свой адрес, он его повторил как будто машинально, и мне показалось, что он его не понял. «Верно, ты там не бывал?» – спросила я. – «Найду», – ответил он односложно и созабоченным видом прибавил: мне в лавочку скорее надо. Прощайте!» – «Прощай, Ваня!» Он побежал назад.

Я осталась искренно довольна встречей с ним, тем, что он меня помнит и даже обещался прийти. На последнее, однако, я мало рассчитывала и потому была очень удивлена, когда несколько дней спустя, вернувшись откуда-то домой, нашла у своей старухи гостя – Ваню.

– Молодец!.. нашел-таки! – были первые мои слова.

– Я прямо сюда пришел, я ведь знаю весь город, – ответил он улыбнувшись.

– Нечего делать, так бродит по городу да сапоги рвет, – проворчала Аграфена, впрочем, весьма довольная тем, что Ваня нас отыскал.

Мальчик просидел у нас часа три или четыре, рассказал, как живет. Из рассказов этих я увидела, что в последнее время он ведет, действительно, слишком бродячую жизнь. Находились добрые люди, принимали в нем участие, и у них он проводил то день, то ночь, иногда гостил по нескольку дней. Кто давал ему рубашку, кто сапоги, кто шапку, так что он почти каждый раз возвращался к тетке с обновкой.

– Зачем это только отпускает она тебя так шататься? – опять не утерпела сказать Аграфена.

Я сама была такого же мнения, что напрасно мальчика допускают приучаться к такой беспорядочной жизни, к житью на чужой счет, кое-где. Лучше бы посылать его в школу, чтобы он выучился грамоте, а там, когда подрастет, сделать из него хорошего мастерового. Впрочем, чтобы устроить ему такую жизнь, надо все-таки кой-какие средства, а их не имела его тетка. Понятно, что она рада каждому дню, когда он не попадаетея ей на глаза и не ест ее хлеба. Я мысленно решила побывать у Анны Петровны (так звали его тетку) и потолковать с ней, как бы устроить ее племянника. Мне захотелось сделать это, тем более что он, хотя несколько не подрос и по наружности не изменился в течение полутора лет, но заметно поумнел и рассуждал почти как взрослый. Вечером мы с ним дружески распрощались и он ушел, обещавшись опять побывать.

Однако на этот раз обещание его долго не исполнялось: он не шел. Мне тоже не удавалось попасть в их сторону, к Анне Петровне, но наконец я собралась и отправилась к ней. К величайшему своему удовольствию застав ее дома, объяснила я ей причину своего посещения. Женщина она была неглупая и, как я уже говорила, незлая. Она, по-видимому, обрадовалась возможности потолковать о племяннике.

— Матушка моя, не знаю я, что с мальчишкой этим поделать, — заговорила она. — Выбился у меня из рук! уйдет, и сама не знаю, куда. Сначала я его, правду сказать, не останавливала: уходит, думаю, так уходи. А теперь уж отучать начала. Как вернется — браню его и колочу, он ничего — молчит; а потом, глядишь, опять ушел. Волю свою взял. А ведь нельзя пожаловаться: как домой придет, так совсем покорный. Бранишь его — слова дерзкого не скажет, заставишь что сделать — сделает все. И самовар поставит, и ведро воды с улицы приташит, и помон уберет. Помните, бывало, сестрам спуску не давал, а теперь иной раз шипнут его или распоряжаются им, будто своим лакеем: он им не молвит поперек слова, так что я даже удивляюсь.

— Где он теперь? — спросила я.

— А вот что я вам расскажу: кажется, он теперь на место хорошее попал. Ходит он, знаете, уже давно к одному купцу из староверов. Купец его полюбил: даже не раз ко мне приходил из-за него сказывать, видите ли, чтоб не беспокоилась, когда он у него и несколько дней сряду прогостит. «Не бойся, — говорит, — я уж худу не научу». И точно, видно, что человек он серьезный,

хороший. Ну вот, теперь, с неделю тому назад, он ко мне приходит. «Отпусти, – говорит, – племянника ко мне жить. Я его на всем своем содержать буду, и грамоте выучу, и к торговле он у меня привыкнет. Человеком его сделаю. Люб он мне, люб тем, что умен не по летам». Ну, этак-то он говорит, а я и думаю: отчего мне мальчика не отдать? Не родной сын, кормильцем моим никогда не будет, да потом еще, пожалуй, меня же и попрекнет. Скажет, добра не хотела. Мне не шутка и своих воспитать. Растут, вишь, девчонки-то, нужно их и одеть, и обуть, есть тоже хотят. Помогать мне они хоть и начинают, да все еще помощь их невелика. Как вы скажете, сударыня? Хорошо ли я сделала, что Ваньку купцу отдала?

– Вы как же отдали: по контракту? как будто в приказчики? – спросила я.

– Нет, он по контракту взять не хотел. «Я, – говорит, – силой его держать не буду. Хочет – живи, хочет – нет. Вместо сына его беру, а не в приказчики». Может быть, для меня-то и лучше было бы, если б по условию на несколько лет он его взял. Совсем бы уж с рук моих долой.

– Вы его не видали с тех пор, как он к купцу ушел?

– Приходил вчера, очень доволен; кормят, точно барина какого, кушаньями хорошими. Одели так прилично. Дела покуда еще никакого не дают. Пусть, говорят, приглядится. Ко мне обещали раз в месяц отпускать. Думаю, что не худо я сделала, что отдала его. Где же мне век с ним возиться? Из каких доходов?

Я тоже нашла, что Ване, может быть, и хорошо будет; по крайней мере, хоть он у места, хоть поотучится от бродяжничества, когда ему будет тепло и сытно. Хорошая пища подбавит ему здоровья и физической силы, и поскорее подрастет он, когда не станет утомлять его непосильный труд. Одним словом, я за него порадовалась и ушла от Анны Петровны, отчасти успокоенная насчет его дальнейшей судьбы, хоть мне не совсем-то верилось, чтобы мальчик, успевши привыкнуть «к своей воле», по выражению его тетки, мог сразу привыкнуть на новом месте.

Предчувствие меня не обмануло. Спустя несколько времени зашла я опять к тетке, нашла Ваню дома¹, и по костюму его,

¹ Часть предложения – «зашла <...> дома» – зачеркнута, потом поставлен крестик, внизу страницы рукою Свешниковой вписано: «Ваня явился к нам».

опять оборванному и беспорядочному, сразу догадалась, что с его житьем в довольстве покончено. Он рассказал, что от купца ушел.

– Тебе худо там было?

– Нет, хорошо, даже очень хорошо. Не обижали.

– И все же ты ушел?

– Он меня в свою веру стал презывать. Все толковал, что наша вера неправая и что у него вера лучше. Если, говорит, со мной не согласишься, так мне тебя и не надо. По-своему, двумя пальцами, креститься заставлял. Я и ушел.

– В самом деле, Ваня, – сказала я, – отчего ты его не слушался? Может быть, он тебе и правду говорил, что его обряд лучше? Разве ты знаешь, каким крестом правильнее креститься?

Мне хотелось испытать, что он скажет.

– Я ничего не знаю, я еще неученый, да и небольшой, – возразил Ваня. – Но я потому-то и не захотел веры менять. Если б я как следует рассуждать мог и все бы знал, тогда и толковать нечего. Выбрал бы то, что самое лучшее, самое настоящее. А теперь как мне судить? Лучше уж отцовской да материнской веры держаться до тех пор, пока вырасту да все понимать стану. Тогда и погляжу, что делать. А то вдруг меняй, сам не зная, что и зачем.

– Затем, чтобы сытым быть, чтоб быть хорошо одетым, – заметила я.

– Народу-то много: немцы, поляки. Если этак и другой бы сказал, переходи в мою веру, так я тебя еще лучше кормить стану и всем тебя награжу, так и за другим иди?²

Возражения, видимо, стали раздражать мальчика: его глаза засверкали, бледные щеки вспыхнули.

– Вот я и теперь не умею на ваши слова отвечать, – с досадой заговорил он. – А я знаю, что вы неверно говорите... Даже сами совсем того не думаете, а так... нарочно... Пстойте, – обрадовался он, найдя в своей голове новое доказательство, – мне тетка говорила, например, что красть не надо, что это грех и перед людьми стыдно. А есть ведь мошенники. Я слышал, я знаю, что они от своего ремесла богатеют. Вот бы какому-нибудь худому

² Карандашный крестик, внизу вписано: «Конечно, идти, – решила Аграфена. – Тебе что, ты мал, в их толках ничего не разумеешь. Знай гляди, где выгоднее, а где вернее – это уж после разберешь».

человеку я тоже понравился. Он бы стал меня уговаривать по его жить да теткинм басням не верить. Все, мол, это пустяки. Обещал бы мне... ну, да все равно, что не обещал бы... Хоть бы, положим, и самое лучшее житье: еду, платье, утешения разные. Я бы, значит, и его должен послушать. По-вашему выходит, отчего не послушать? Мал еще я... Если даже и на воровстве попадусь, так с меня не так, как с большого взыщут. Скажут, глуп, злые люди его совратили. Я-то будто бы и чист выйду. Так, что ли? Чист я буду, по-вашему?

– Совсем другое дело, – возразила Аграфена, – кто же не знает, что красть нехорошо? И ты уж не такой младенец, чтоб этого не понимать.

– Не понимаю, хоть и не младенец, а не понимаю. У одного много, у другого мало. Если у меня мало, то почему же я не беру у того, у кого много?

– Как бы не так! тот своим трудом нажил – наживи и ты.

– Будто все трудом наживают? Иному по наследству достается – он палец о палец не стукнет. Ну да, положим, что и все от труда богатеют. Это большие. А дети-то? Гляди, иные расфранченные какие, нежные. У них все есть, я больше их работаю, а у меня ничего нет.

– Их родные богаты.

– Все же это не от них зависит. Я бы тоже хотел иметь родных богатых, а у меня они чуть не нищие, разве в этом я виноват?

– Глупости ты говоришь, – обозлилась Аграфена. – С тобой ни до какого толку же дойдешь. Ты не понимаешь ничего.

– Не понимаю, конечно. Ведь и я то же говорю. Если б я все понимал да знал, так бы хорошо было. А то вот никак всего не придумаешь.

– А ты много думаешь? – спросила я.

– Думаю; обо всем думаю, – ответил Ваня, – не знаю, как бы до всего дойти, – озабоченно прибавил он минуту спустя.

Мне пришла в голову мысль предложить ему у меня учиться. Правда, ходить ко мне было бы далеко, но, кажется, расстояние его не могло пугать. Я ему высказала свое предложение. Он очень обрадовался.

– Начал уж я понемножку учиться, – сказал он, – хожу в воскресную школу, но там не скоро что-нибудь поймешь. Наберется туда человек пятьдесят-шестьдесят. Приходят все они толь-

ко раз в неделю. Ну можно ли учителю со всеми справиться? Много ли он научит?

– Я нынче свободна от 4 до 6 часов, приходи хоть каждый день, хоть через день – как хочешь.

– Буду ходить каждый день, – объявил он.

Мы порешили начать с ближайшего четверга: мне так было удобнее.

В четверг, ровно в вечерни, Ваня пришел, и мы принялись за дело. Не могло быть сомнения в том, что оно пойдет у нас быстро, – у Вани был царь в голове, да и своя охота к тому же.

Я стала учить его зараз чтению, письму и счету. Впрочем, спустя два дня, с письмом пришлось приостановиться. Ученик мой пришел с обваренной правой рукой: вытаскивая из печки чугуна с кипятком, он опрокинул его на руку. Образовалось несколько нарывов, и рука приняла страшный вид. Я велела Ване снять грязную тряпку, которой она была обвернута, и обложила чистым компрессом с примочкой. Ему, должно быть, было очень больно, но он не высказывал этого и толковал о своей руке так равнодушно, как о чужой.

– Ты, однако, терпелив, – похвалила я его. – Не жалуешься.

– Ведь все одно: жалуйся или не жалуйся – не поможет. Это только Надька наша ревет на весь дом, чуть пальчик оцарапает, – упомянул он с пренебрежением о своей двоюродной сестре.

Рука не скоро зажила у Вани, и учиться писать он не мог. Чтение же и счет у нас быстро пошли на лад.

Рядом со мной жила одна довольно богатая семья, состоявшая из отца, матери и троих детей – двух мальчиков и девочки; с младшим из мальчиков и с девочкой, бывшей годами двумя его старше, меня уже давно просили заниматься, но я все не могла выбрать удобного времени. Теперь же, занимаясь с Ваней от 4 до 6, я предложила своей соседке присоединить ее детей к моему ученику, историю которого ей рассказала.

Барыня сделала гримасу. «Вам уж никак нельзя выбрать другого времени?» – спросила она.

– Нет, неудобно, – был мой ответ.

– Знаете, что я вам скажу?.. Не знаю право, как объяснить...

Я сразу поняла, что она хочет объяснить мне, но молчала и ждала, чтоб барыня сама высказалась.

– Знаете, – продолжала она, – мои дети так... то есть, лучше

сказать. я так стараюсь, чтоб они не встречались с непорядочными, с уличными детьми; я боюсь, как бы к ним не привилось чего от этого мальчика.

— Не бойтесь, мальчик очень умный, а умом заразиться не опасно.

— Может быть, он и умен, но, верно, очень испорчен. Вы рассказывали, что он какой-то бродяга.

— Он стал бродягой, потому что у него нет своего угла, потому что ему постоянно твердят, что он навязался на чужую шею. Свашими детьми этого случиться не может.

— Я бы не желала, однако, чтоб они с ним познакомились.

— Он сам с ними не познакомится, у них различные интересы: их занимают игрушки, а он отнесется к этому с пренебрежением. Он не старше по летам, но старше по опытности. Он много испытал и привык быть всегда серьезным. Впрочем, я ведь вам его общества не навязываю. Я могу заниматься с ним одним.

— Вы, должно быть, очень полюбили вашего ученика. Вас послушать, так окажется, что общество уличных мальчишек самое лучшее.

— Вовсе этого не говорила, уличные мальчишки не одинаковы, как не одинаковы и благовоспитанные дети. Мой ученик, действительно, никого не испортит.

— Вы мечтательница! А поглядите, что из него выйдет: мошенник какой-нибудь, вечно пьяный мастеровой или что-нибудь в этом роде.

— Очень может быть. Я и не думаю отрицать этого, даже нахожу такое предположение вероятным. Почему-нибудь ему не удастся толком доучиться, встретится он с плохими людьми, увлечется их примером, от которого никто не побережет его, и пропадет. Я этому не удивлюсь. Ему легче сгнить, чем таким детям, как, например, ваши: этих предохраняют от всего, а его ни от чего не предохраняют. Ему легче сгнить, чем другим детям из бедного же класса, у которых есть отцы и матери: о тех детях все-таки заботятся. А он сирота.

— Вот видите, вы сами согласны...

— Согласна с тем, что ему легко сделаться дурным человеком, но не нахожу, чтоб это было совершенно неизбежно. Напротив, видя вокруг себя многое дурное, он может получить отвращение к этому дурному. Он сознательно может отдать

предпочтение хорошему перед дурным, тогда как другие дети, окруженные с детства постоянным попечением родителей и воспитателей, делаются хорошими людьми как бы случайно, только потому, что им не приходится встречать в молодости дурных примеров.

– У вас о чем-то очень горячая речь идет? – шутливо заметил муж барыни, подходя к нам.

– О том, что будто бы уличные ребятишки лучше всех других, – пояснила его жена.

– Нет, о том, что уличные ребятишки могут быть иногда не хуже других, – резко поправила я. – Думаю, конечно, что и всегда могло бы быть так, если б люди достаточные позаботились об этом и если б уделили им хоть десятую долю того внимания, которым окружают своих детей. Вообразите, что ваш собственный ребенок поставлен в такие же условия жизни, в каких вы сейчас находитесь, – неужели бы вы не захотели подействовать изменению тех условий? Неужели бы так же равнодушно сказали: «Из него должен выйти мошенник».

Барыня не отвечала и переменяла разговор: ей, кажется, показалась обидной самая мысль, что ее детей можно сравнивать с простыми ребятами.

Однако своих Олю и Петю она стала отпускать со следующего же дня, и они приходили учиться вместе с Ваней. Мое предположение оправдалось. Ваня только в первый раз приглядывался к ним, а потом стал обращать на них очень мало внимания и относился к ним так, как будто бы был гораздо старше их. Иногда, если я задавала довольно трудную для их сил задачу, он останавливал меня, прося не сейчас объяснять, он говорил: «Погодите, я сам постараюсь понять, а потом вы маленьким-то объясните».

Около двух месяцев длились таким образом занятия. Вдруг однажды Ваня приходит в слезах. Я уже давно, давно не видала, чтоб он плакал, и потому удивилась и встревожилась.

– Что с тобой, мой друг? – спрашивала³ его.

– Тетка меня к портному отдала в ученье вчера... – всхлипывая, пояснял⁴ он, – мне больше нельзя будет у вас учиться, на пять лет по контракту отдала. С завтрашнего дня туда...

³ Карандашом исправлено: вместо «ла» – «ю».

⁴ Карандашом исправлено: вместо «ял» – «ил».

Я в тот же вечер отправилась к его тетке расспросить ее. Мне было жаль, что я ее не предупредила, не посоветовала оставить его хоть с год поучиться у меня. Пожалуй, даже на это время он мог бы совсем переселиться ко мне. По крайней мере, он бы толком освоился с книгой, научился бы писать, считать, еще кое-что бы узнал. К тому же год, по крайней мере, надо бы переждать в видах того, чтоб дать ему хорошенько укрепиться физически. Все это я ей сказала, но было уже поздно.

– Вчера, матушка, совсем с контрактом покончили. Такое условие составили, чтоб обучить Ванюшку портняжному ремеслу, чтоб жил он у хозяина пять лет на всем готовом, работал бы все, что велят, и у хозяина из повиновения отнюдь не выходил. Даже я над ним во все пять лет воли никакой не должна иметь, будто он и не племянник мой.

– В неволю его отдали?

– В неволю, так его и надо – в неволю. Знаю я, что не больно там хорошо: и бьют иной раз ни за что, и кормят не досыта, да и то иной раз протухлым. Насмотрелась я! Ну да не беда! и у меня не к роскоши привык. Стерпится – слюбится. Будет болтаться-то без дела.

– Он ведь теперь грамоте учился: это тоже полезное дело.

– Может, и полезное, кто его знает! Сама-то я неграмотная. Ну да шутка ли мне его еще держать на своем попечении: точно бельмо на глазу торчит! Отдала теперь, и слава тебе, Господи, совсем с рук долой! – закончила она торопливо и довольно раздраженным тоном.

Больше говорить с ней было бы бесполезно, и я, узнав адрес хозяина Вани, отправилась к нему.

Объяснив, что принимаю участие в поступающем к нему мальчишке, просила отпустить ко мне учиться, хозяин согласился, что для него неважно потерять в неделю несколько часов такой плохой работы, какой будет на первое время работа Вани, и обещал пускать его хоть не каждый день, а раза два в неделю.

Итак, наши уроки все-таки продолжались.

Подошла весна. Солнце стало больше греть, в воздухе потянуло свежей листвой. Ваня около этого времени еще больше похудел, стал еще бледнее. Он смотрел вяло и довольно угрюмо, стал мало говорить, невнимательно учиться. Придет – и все в окно поглядывает, точно его туда магнитом тянет. Я догады-

валась, что он тоскует о свободе и о воздухе, с которым он так свыкся, старалась делать вид, что не замечаю его рассеянности, а между тем усиливалась развлекать его, читала детям вслух занимательные вещи. Петя и Оля интересовались рассказом, он едва слушал. Раз, отпустив его товарищей, я его приостановила: «Тебе скучно, Ваня?» – спросила я.

– Скучно, – отвечал он, утвердительно кивнув головой. – Так скучно, что просто страх!

– Ты не скучал ведь вначале, что же это значит? Неужели ты в самом деле так привык к бродяжничеству, что у тебя не хватает терпенья жить на одном месте?

– Нельзя! душно у нас... худо... Зимой можно было, а теперь нельзя. Заставят распарывать что-нибудь старое... Распарываешь целый день, не разгибаешься, спина устанет, глаза тоже устанут. Ни на что бы не глядел. Хоть бы умереть!

– Полно, Ваня! Верно, другие это говорили, а ты подхватил, да и повторяешь.

– Другие не говорят. Те все большие. Им тоже скучно и душно, так они пьют, думают, от этого лучше будет, веселее. Они никакого другого веселья не знают. Хоть бы книжкой в праздник занялись, а они не умеют или нет у них книжек, я не знаю. Все пьют. Меня под вечер посылают за водкой подмастерья-то, потихоньку от хозяина

– Ты бы не шел, а то ведь хозяин узнает – задаст.

– Что хозяин! он не узнает. Им хуже не угодить – со света сживут. Заколотят насмерть. И тот тебя пихнет, и другой. Нельзя им не потрафлять.

– Делать нечего, Ваня, потерпи: ведь живут же люди. Прочупись несколько лет, сам будешь подмастерьем, потом выйдешь на волю.

– Да, надо бы потерпеть, да уж не знаю как... Посмотрю!

Он ушел.

Следующий урок его приходился в субботу, напрасно поджидала я его – не явился. Я подумала, что его зачем-нибудь удержал дома хозяин.

В понедельник утром прибегает ко мне Анна Петровна, растерянная, испуганная.

– У вас Ванька? – спрашивает.

– Нет его.

– Вы его куда-нибудь спрятали. Нажаловался он вам, поди-

ка, на свое житье, а вы и верите, потакаете ему. Сказывайте правду, спрятали его?

— Не думала прятать, да и права не имею.

— Конечно, не имеете!

— Я это знаю, значит, вы пустяков не толкуйте, а лучше объясните, с чего так переполошились.

Она рассказала, что мальчик с субботы еще ушел от хозяйна, будто бы ко мне. Хотя ему следовало, по обыкновению, вернуться в 6 часов, но он не вернулся. Хозяин решил, что Ванька, верно, прошел от меня к тетке, и намеревался строго наказать его за вольничанье. Переждав воскресенье (так как это был день нерабочий), он начал несколько беспокоиться и утром в понедельник прислал к ней своего ученика с расспросами. Тут-то она и бросилась ко мне, вообразив, что племянник ее у меня. Убедившись в своей ошибке, она совсем растерялась: и передо мной-то извинялась, и стонала, и охала; ей стало представляться, что с мальчиком непременно случилось какое-нибудь несчастье: или он утонул, или лошади его раздавили. Хотя в обыкновенное время она его не особенно жалела, но тут страшно взволновалась. Я успокоивала ее и высказала предположение, что он просто ушел к кому-нибудь из прежних своих знакомых, даже, может быть, к купцу, у которого жил. По совету моему Анна Петровна сбегала как к этому купцу, так и к некоторым другим личностям, знавшим Ваню, но нигде его не нашла и сведений о нем никаких не получила. Исчез, точно в воду канул.

У меня была, однако, надежда, что я его увижу, что он не совсем пропал. Надежда эта оправдалась.

Ровно неделю спустя явился мой Ваня к нам в кухню с каким-то крестьянином, по-видимому, довольно зажиточным. Крестьянин объяснил мне, что вот этот мальчик встретился ему на днях в поле и нанялся к нему в пастухи; на расспросы о родных отвечал, что он сирота, что до него никому дела нет и что он собою может распоряжаться. Ответами его все-таки не удовлетворились и потребовали, чтоб он указал из своих знакомых кого-нибудь, кто бы мог все это подтвердить. Тогда он сказал, что у него есть в городе знакомая барыня, и этой знакомой оказалась я. Ко мне он и привел своего нового хозяина. По лицу Вани я видела, что ему очень хочется устроить так, чтоб остаться в деревне и что он ждет от меня поддержки, но я не могла же лгать.

Рассказав все, что знала о Ване, я посоветовала крестьянину сходить вместе с мальчиком к его хозяину-портному и спросить у него, возьмет ли он своего ученика опять к себе, или ему все равно, как бы он ни провел лето.

Потом уже я узнала, что ни портной, ни Анна Петровна и слышать не хотели о том, чтоб Ваньке давать так баловаться. Его засадили за иголку и стали держать под строгим присмотром, не отпускали никуда и постоянно грубо потешались над его неудачной попыткой «выехать на дачу». Время от времени я заходила повидаться с ним, но свидания эти не могли быть особенно приятны, так как происходили в мастерской, где находилось множество народу и нельзя было ни о чем поговорить. К тому же и хозяин смотрел на мои посещения не очень-то благосклонно, находя, что я только балую мальчишку. А, кажется, Ваня-то уж не смотрел балованным.

До 13 лет прожил он тут, во все время очень мало вырос, и цвет лица его из бледного стал постепенно зеленоватым. Чаше и чаще жаловался он на боль в спине и боку, но я, привыкнув к его всегда болезненному виду, не думала, чтоб это было особенно важно. Мудрено ли, что у человека устают спина, если он постоянно держится согнувшись, в ненатуральном положении?

Случилось мне уехать на полгода в деревню к моим родным. Вернувшись, я не нашла Вани в живых: он умер в больнице дней за пять до моего возвращения. Когда я стала расспрашивать о его болезни у больничного доктора, тот мне сказал: «Он был не особенно слабого сложения, несмотря на свой маленький рост. Его бледность и худоба – следствие тяжелой атмосферы подвалов и мастерской. Ему бы чистый воздух, некоторое движение и сколько-нибудь сносная пища, и он бы не зачах так рано».

Очень было мне его жаль. Впрочем, жалела только я одна. Анна Петровна, когда я ее увидела, махнула рукой и промолвила: «Ну и Бог с ним».

Соседка моя, мать Оли и Пети, стала доказывать, что это просто счастье, когда такие бедняки преждевременно умирают, потому что, как ни говорите, а из них-то и выходят все воры, мошенники и всякого рода дурные люди. Я слушала эту барыню, и мне вспоминалось ее отчаяние во время неопасной болезни Оли. Ведь тогда не думала она того, что пусть лучше Оля умрет, так как из нее может выйти впоследствии испорченная личность. Зачем же теперь разглагольствует она все это о Ване?

ЛЮБИМАЯ КНИГА*

Рассказ

Раз один барин заказал мебель столяру. Столяр позамешкался, барин и зашел узнать, что с мебелью делается, скоро ли будет готова. Жена столярова отперла заказчику дверь, впустила его в горницу и говорит:

– Мужа дома нет, а я без него не знаю, как обещать; подождите, он скоро придет.

Барин согласился и сказал:

– Я подожду.

Сел на стул и начал от нечего делать оглядывать комнату. Видит – комната в большом порядке, крашеный пол так и светится, на стол постлана чистая скатерть, на окнах стоят горшки с цветами, нигде ничего не валяется без толку. Барин подумал: «Очень чисто живет этот столяр». И тут же заметил он в углу шкаф, а в шкапу за стеклом, на полках, книги. Это его заинтересовало.

– Кто это у вас чтением занимается? – спросил он.

Хозяйка, женщина бледная, худошавая, уже немолодая, немножко покраснела и сказала:

– Муж иногда читает, и я тоже читаю, когда свободно.

Барин встал, чтоб рассмотреть поближе, что там за книги, и увидал между другими одну книгу в очень хорошем переплете, с золотым обрезом.

– Отчего такая нарядная? – спросил. – Верно, чей-нибудь подарок?

– Нет, не подарок, – отвечала хозяйка, опять краснея. – Мы сами отдавали в переплет. Муж эту книгу очень любит.

Барин взял книгу из шкапа, раскрыл ее и посмотрел: рассказы какие-то. Он не стал больше спрашивать, но про себя подумал: «Что же в этой книге особенного? Кажется, ничего нет».

* Публикуется по изданию: *Свешникова Е. П. Любимая книга. Рассказ. М., 1903* (Библиотека для семьи и школы).

И точно. Ничего особенного в этой книге не было, но так случилось, что столяру она большую пользу принесла в жизни и за то попала у него в почет. Мы здесь сейчас расскажем, как это вышло, но только нам надо начать с другого – с того, как столяр женился.

Лет двенадцать тому назад жил в этом городе бедный чиновник-вдовец, и у него было несколько дочерей. Некоторые из них, покрасивее да побойчее, повыходили замуж, одна куда-то далеко служить уехала, еще одна в монастырь ушла, и осталась дома только самая старшая, которая была за хозяйку, – Наталья; она на отца стряпала и мыла. Думала она век свой скоротать в девушках, но тут явилась какая-то соседка, старая знакомая, и стала ей сватать Максима Тоболка, молодого красивого столяра, который перед тем только что отошел от хозяина и завел свою мастерскую. Максим знал, что Наталья и постарше его, и некрасива, и приданого нет за ней, но ему ее нахвалили, что она отличная хозяйка и работу всякую умеет, а главное – хотелось Максиму перед товарищами хвастнуть, что вот, мол, он на барышне, на чиновничьей дочери, женится. Девушке же выбирать было не из кого, жизнь ее шла нерадостная, в очень большой нужде, и вот она, недолго думая, согласилась идти за Максима.

После свадьбы молодые, однако, скоро увидели, что трудно им будет жить вместе, потому что воспитания они разного. Наталья, хоть и в бедности выросла, но мать у нее была образованная и своих дочерей постаралась обучить всему, что сама знала; они у нее и географию, и историю знали, и не только на своем родном языке свободно читать и писать умели, но даже немного и чужие языки понимали, французский и немецкий, и, кроме того, еще ходили к одной знакомой музыкой заниматься – играли и пели по нотам. Обхождение они имели тихое, скромное. Столяр же Максим, хотя был человек и неглупый, незлой, честный, но грубости в себе имел много, в разговоре привык ругательными словами сыпать и кулакам иногда не прочь был дать волю. Знать же – не знал ничего, кроме своего верстака да стамески; печатное разбирал с трудом, а писаное и совсем не мог читать, хотя сам свое имя подписывать и умел.

От природы умная и добрая, Наталья кое-как старалась к мужу принаравливаться, но слышать его ругательства ей было очень неприятно; знала она, что часто не со зла он так говорит, а все-таки каждое его худое слово как ножом резало ей

по сердцу. Скрывала она это и от него и от людей, потому что сделанного не воротишь: вышла замуж – терпи.

Но как она ни скрывала, муж замечал, конечно, что ей с ним тяжело. Да и ему тоже было не легче. Не умел он с нею разговаривать, стесняла она его тем, что и шуток грубых не шутила, и не отвечала на ругань руганью, совестно ему было перед ней волю себе давать. С другою бы он покричал, пошвырял что-нибудь, душу бы отвел в свое удовольствие; а с этою – неловко закричать, когда она сама тихо говорит. Другая бы иной раз сдачи дала, натрещала бы с три короба, поравнялись бы с ней, значит; а эта только молча обидное слово выслушает, и потому сам себе с нею за злодея кажешься.

«Вот не знал, какую беду навязал себе», – думал столяр, и взяло его наконец такое зло, что перестал он перед женой себя сдерживать, а, напротив, придирался ко всякому случаю и попрекал ее.

– Жениться бы мне на дочери лабазника! – кричал он. – Она бы и дом и деньги в приданое принесла. А я, дурак, на тебя польстился! Что у тебя есть-то? где твое богатство?

Но от жены никакого ответа не было, только голову низко наклонит, чтобы скрыть слезы. А он с насмешкой пилил ее дальше. Говорил:

– Разве я чем обижаю твою милость? Себя же, кажется, дураком зову!.. Да ну тебя, уйду от греха!

И уходил он в пивную и просиживал там по целым часам. То один приятель придет, то другой заглянет, крик, шум стоит – любо!

Бабы зайдут, тоже кричат, хохочут, визжат. Максим, пьяный, бил по столу кулаком и выкрикивал:

– Вот бы мне такую веселую жену! Пара бы со мной!.. Воли-то я бы ей не дал – нет, шалишь!.. И сюда бы не пустил – не бабье дело! А только чтобы, значит, она по мне была, не барыня воспитанная, не кукла безъязычная!..

– Сам себе выбрал! – подзадоривали приятели.

Возвращался он домой злой-презлой, ругался на чем свет стоит, так что бедную женщину дрожь с головы до ног пробирала. Потом, как выпится Максим да протрезвится, станет ему так стыдно, что глаз не смеет поднять на жену, только одно думает: «Поскорей бы из дому убежать». Скажет, что дело есть, в город надо, мол, досок или клею купить, а вместо того под-

берет себе двух-трех товарищей и гуляет с ними иной раз до поздней ночи, все храбрости набирается, чтобы дома безобразничать было вольнее.

И все чаще да чаще это с ним пошло. Инструменты валялись без работы, заказы запаздывали, заказчики оставались недовольны, потому что за хозяином и подмастерья бездельничали. Вместо того чтобы купить что-нибудь нужное, Максим, глядишь, из дому ташит вещи продавать.

Наталья молилась Богу и думала: «Хорошо еще, что Господь детей нам не послал; мне-то, может быть, отраднее было бы с детьми, да только им бы во вред все это было видеть и слышать».

Шел уже третий год с тех пор как они были женаты. Все у них врозь ползло, а тут случилась новая беда. Простудился Максим, заболел: воспаление суставов сделалось. И в коленях, и в локтях, и в пальцах – везде суставы распухли, боль невыносимая, двинуться нельзя. Двинешься – кричи! Лекарь приходил, посмотрел и говорит:

– Не умрешь от этой болезни, а только полежать придется долгонько. Сразу не может пройти.

Уж так тошно было Максиму! Человек привык целые дня на своей воле проводить – или в разгуле, или хотя в работе, а тут лежи, не шевелись. Кажется, совсем здоров, только бы встать, а встать-то и нельзя: как прикованный. Терпения у него не хватало. Он проклинал свою жизнь, злился на всех и на все, ни в чем нельзя было ему угодить. Жена ухаживала за ним, сколько могла, но, видя, что он ни о чем не хочет говорить с нею и только на нее сердится, старалась не надоедать ему и пряталась со своею работой по углам, чтобы не быть у него на глазах. А как только больному что-нибудь понадобится, она – тут как тут.

Максим не мог не заметить ее доброты и заботливости. Подойдет она к нему, он с нею все грубо, а как подольше нет ее, ему как будто недостает чего-то – и больнее ему без нее и хуже.

Раз вечером приготовила она ужин и присела к столу пошить пока до еды. Муж лежал, вздыхал и, наконец, заговорил с женой:

– Наталья!

Она сейчас положила шитье и подошла к нему.

– Что тебе? – спросила она.

– Как лекарь сказывал: долго ли мне еще лежать этак?

– Да он сам не может наверное знать. Говорил только, что надо беречься, не вставать, пока совсем не пройдет. А то, пожалуй, как будто облегчит, да скоро опять воротится.

– Ну, чтоб его!.. На что ж он и лекарь, коли не вылечивает?

– Лекарь не Бог! На все время надо, потерпи, что ж делать!

– Хорошо тебе говорить, когда ты здорова! А ведь я с ума схожу, лежать-то!.. Тоска!.. Который час-то?

– Девятый в начале.

– Только девятый! А еще в ночи потом сколько часов! Спать невозможно, сна не хватит, и днем спи, и ночью спи! Проти-вело!

– Не хочешь ли, я тебе почитаю что-нибудь? – тихо спросила жена.

Она боялась это предложить, потому что раньше Максим всегда над нею насмехался, если видел ее с книгою в руках, – называл это барскою прихотью и говорил: «В книгах только пустяки одни». Думала Наталья, что и теперь он на нее закричит, но он не закричал, а помолчал с минуту и сказал:

– Что ж, пожалуй, читай.

Очень уж его одолела скука, и притом он подумал: «Под чтение-то авось задремлю».

Обрадовалась Наталья, что муж согласился, достала у себя из сундука книгу и принялась читать вслух.

Столяр сначала слушал без внимания и говорил про себя: «Хорошо бы уснуть!» Но потом, когда было прочитано несколько страниц, у него и сон прошел и он во все глаза стал глядеть на жену, с нетерпением следя за каждым ее словом. Показалось ему чрезвычайно удивительным, что она читает точно про него самого, как он в своем детстве жил. Именно такая же хата, какая в книге описана, была у них в деревне, и такая же сердитая мачеха у него была, и так же он убежал от своей мачехи.

«Разве тот, кто эту книгу написал, знал меня? разве я все это кому-нибудь потом рассказывал?» – думал он, и хотелось ему спросить у жены, откуда она такую книгу достала. «А может быть, что и не про меня, может быть, и с другими то же самое случалось, – говорил он сам себе, – надо еще дальше послушать, что там будет».

А дальше было то, что крестьянский мальчик, про которого шел рассказ, встречается в лесу с цыганами и с ними разговаривает. Максим тоже помнил, что встречался с цыганами,

только разговоров он таких не помнил. Но разговоры эти ему очень нравились. Да и вообще все ему нравилось в этой книге; даже разные пустяки, о которых, кажется, и упоминать бы не стоило, выходили здесь как-то хорошо, складно, так что по воле хотелось их слушать: точно все это живое перед глазами проходило.

А дальше к истории мальчика приплеталась еще другая история – про девушку Матрену, как ее цыган полюбил. Все это так заняло столяра, что он теперь уже лежал, не шевелясь, и про боль свою позабыл думать – боялся слово пропустить. А так как глаза у него были закрыты, то Наталья подумала: «Верно, он уснул, что так тихо лежит», и стала она понемножку спускать голос и потом совсем остановилась, перестала читать.

– Ты что же? – спросил сейчас же Максим.

– Я думала, ты уснул, – отвечала она.

– Нет, нет, читай дальше. Надо узнать про цыгана. Уж вижу, что он ее обойдет. Штукари-народ! Видал я их много. Притворщики! Одного цыгана точно такого знал, должно быть, с того и списано. Только его иначе звали. Ну, читай, читай!

Наталья была рада, что муж развлекся, и стала читать дальше. Сряду два часа читала, наконец горло у ней устало.

– Лучше до завтра отложим, – сказала она, – а теперь поужинаем да и спать пора.

– Что спозаранку захотела?

– Как спозаранку? Сейчас одиннадцать часов будет.

– Одиннадцать? А давно ли девять било? Пролетело как время-то!

Максиму совсем не хотелось спать, а хотелось еще послушать, но он не решился сказать этого жене, чтобы не стала она над ним смеяться: «Вот, мол, как книга понравилась, что рад всю ночь глаз не смыкать!» И потому он закрыл глаза и постарался заснуть. Но в голове бродили мысли и отгоняли сонь. Вспомнились Максиму родные места – и хата отцовская, и озеро, где он мальчишкой раков ловил, и лес, и поля, и хромой пастух Тимофей, и красношекая Маринка, и Яшка шустрый, и много еще других. И захотелось ему вновь все это увидеть, захотелось разузнать, с кем что случилось. «Вот как будет к весне теплее, – подумал он, – да выздоровею совсем, так и пойду в деревню на праздник... отца навещу, да и разузнаю про всех... Надо вспомнить... Нельзя же так...»

Заснул он с такими думами, и приснилось ему, что он с цыганами разговаривает, и что Маринка стоит тут же, и что Маринка эта – та же Матрена, про которую в книге написано...

Проснулся столяр поздно, белый день уж ярко светил в окно. Мечтания разлетелись, в деревню хотелось уже меньше. Но книга все стояла в голове. И начал Максим думать, как бы поскорее до нее добраться, послушать, что дальше будет. Но весь день Наталья была занята по дому – приготовлениями, уборкой, чисткой. Только к вечеру поосвободилась она, хотела взяться за шитье, но муж остановил ее и сказал:

– Разве это у тебя спешное?

– Нет, не спешное, – отвечала она. – Взяла, чтоб без дела не сидеть.

– Ты лучше почитай! – сказал Максим.

Наталья открыла книгу и стала читать.

И с тех пор каждый раз, когда ей было можно, Максим хотел, чтобы она читала, и с нетерпением ждал этих минут. Судьба Матрены очень занимала его, он желал, чтобы ей было счастье в жизни и чтобы было счастье тому мальчику, который так походил на него самого в детстве. А дальше, когда про Матренину судьбу все стало известно и когда у Матрены уже дочь выросла, Максим об этой дочери точно о своей близкой родной думал и все боялся, как бы с нею не случилось чего-нибудь худого. От всей души обрадовался он, услышав, что конец в книге выходит благополучный – дочь Матрены повенчалась с хорошим человеком и стали они жить в любви и согласии.

За чтением этой длинной повести столяр почти не заметил, как прошла чуть не целая неделя. Болезнь его шла к лучшему, но вставать с постели лекарь все еще не позволял, и потому Наталья взяла другую повесть и стала ее читать.

Опять Максим слушал с большим удовольствием и все удивлялся. «Отчего это я, – думал он, – прежде никогда не знал, что в книгах такие хорошие речи пишут?» И уже не было у него насмешки над женой, а вместо того радовался он, что она ему точно глаза открыла, новый свет показала. Раз даже не вытерпел он и в лицо ей сказал:

– Экая ты у меня хорошая!

А прежде никогда этого не говорил.

Прошло еще сколько-то времени, с неделю или с полторы, и встал столяр со своей постели, начал по горнице похаживать.

Понемногу работой занялся, несколько новых заказов принял, да еще некоторые старые оставались невыполненными, – спешка такая пошла в мастерской, что уж не до чтения стало! Силы после болезни как-то еще не сразу набирались, под конец дня такая усталость делалась, что только бы поскорей до постели добраться: сон валил.

Наконец, однако, и в этом лучше сделалось: окреп совсем Максим, поправился, выходить со двора начал.

В первый же вечер пошел он в пивную, хотелось с товарищами повеселиться. Долго позасиделся он там, вернулся сильно под хмельком, но на жену не набросился по-прежнему, а только все приставал к ней – уговаривал, чтобы она на него не сердилась.

– Разве ты видишь, что я сержусь? – ответила она.

– Не вижу, да знаю! – твердил Максим. – Все знаю: и вредно мне, и тебе не люблю!.. А только не выпить никак нельзя. То с одним, то с другим... Все здороваются, все рады... Помнишь, мы и в книжке так про человека читали – с одним выпьет да с другим! И я так же!

На другой вечер пошел он опять в пивную, но вернулся скоро. Сказал:

– Что там сидеть-то! – все одно и то же! Лучше спать.

И действительно, лег спать. На третий вечер совсем скучно ему в пивной показалось: пить не хотелось – что зря в горло то лить! а просто сидеть да разговоры слушать – так разве что выслушаешь? Какие уж у выпивших людей разговоры? – по десяти раз одно и то же слово говорят! Язык работает-работает, а толку нет.

Вернулся Максим домой рано, до спанья еще целый час оставался. Посидел он, поговорил с женой, да и спрашивает:

– А что, Наталья, нет ли еще книжки какой? Почитать бы.

Жена с радостью исполнила его желание, стала читать. И не заметили они, как время прошло.

На следующий день после работы Максим опять, было, собрался в пивную. Отворил уже дверь, чтоб уходить, да обернулся и говорит жене:

– А ведь никакой охоты нет туда идти. Пустое дело! И нужды-то нет!

– Зачем же идешь? – сказала она.

– Да вот и сам думаю: не остаться ли?

– Останься, голубчик! – сказала Наталья.

Максим обрадовался, что она так сказала, и говорит:

– Так и есть, что останусь. Совсем незачем мне туда. Выпить-то и дома могу, за ужином.

И просидел Максим весь вечер дома, резал ножом из дерева какую-то игрушку, а жена ему вслух читала.

Так и другие вечера пошли. Приятели смеялись над ним, что по-благородному стал жить, но он не обижался, говорил:

– Зачем я от хорошего к худому пойду? Мне так лучше и веселее.

Раз как-то взял он книгу, с которой это все началось, которую жена ему, больному, читала, и снес ее к переплетчику.

– Переплети, – сказал он, – как только умеешь лучше.

Переплетчик постарался, и вот с той поры завелась у Максима с Натальей та нарядная книга, которая так удивила барина-заказчика.

ИЗ МОИХ ВОСПОМИНАНИЙ*

Я была тогда девочкой лет 12–13 и часто гостила в Петербурге у бабушки, в большом доме с нарядной лестницей. Из двери в дверь с нами помешалась «мастерская дамских нарядов», очень обширная и, должно быть, очень любимая барынями, так как заказов у нее всегда имелось множество. Хозяйка ее, madame Берже, обрусевшая француженка, красивая, прекрасно одетая, чаще всего в черном, заходила к моей бабушке довольно часто, угощая ее живой французской болтовней, а меня – шоколадом и цукатами. У madame Берже был муж, всю свою жизнь проводивший в поездках из Петербурга в Париж и обратно – он ездил за товарами и новыми фасонами – и дочка, лет на пять меня моложе. Несмотря на эту разницу в возрасте, я очень любила, когда бабушка отпускала меня в мастерскую. Во-первых, там мне давали много лоскутков самых удивительных, самых причудливых материй. Во-вторых, у девочки Зины было кукол и игрушек столько, сколько в игрушечной лавке (моя бабушка находила, что этого слишком много, m-me Берже подтверждала ее слова, и я соглашалась с ними обеими – мы с Зиной всегда только перебрасывались от одного к другому и никогда не успевали затеять какую-нибудь игру); наконец в-третьих, самое главное удовольствие состояло для меня в том, чтобы видеть самую мастерскую – толпу молодых лиц, девушек и девочек, которые резали, шили, разглаживали, примеривали наряды на манекены, т. е. фигуры из картона. Всех было до 50 человек, и шум стоял в мастерской целый день. По-настоящему, это не позволялось, хозяйка требовала, чтобы все было тихо; но ей стоило отвернуться, чтобы в одном углу началась ссора, сначала шепотом, потом сейчас же громче, в другом – песня, в третьем – сдавленный хохот.

* Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в Научной библиотеке Тверского государственного университета: Отдел редких книг. Фонд школы Максимовича. Оп. 01. Ед. хр. 10. П. 2.

– Девочки, кто это?

– Марья Ивановна, это Цветкова, она себе палец уколола, плачет.

– Я не о том, я спрашиваю, кто хохотал сейчас?

Но пока происходил допрос, в углу ссоры ясно раздавалось:

– Смей только! а я ножницами!

– Тише!.. все тише!.. работать!

Утихали не сразу, и то не больше как на пять минут. У всех вдруг, в одно и то же мгновение, являлась необходимость что-нибудь сказать Марье Ивановне:

– Марья Ивановна, здесь нужны сборки?

– Марья Ивановна, я дошила.

– Я отделку буду класть?.. и т. д.

Собственно говоря, половина спрашивавших могли бы обойтись без вопросов, отлично зная, что делать дальше, но всем хотелось развязать язык. Под шум разъяснений начинались опять разговоры между соседками. И опять, спустя минуту-другую, их унимали. Таким колесом проходило все рабочее время. В 12 часов пятьдесят пар ног устремлялись в столовую к завтраку, в 6 часов – к обеду. В 9 часов вечера кончали работу. Тогда бросались в спальни, и там молодежь скакала по столам и постелям. (Между мастерицами были и пожилые – те имели отдельную комнату). Наделать как можно больше шуму было удовольствием главным или, вернее, единственным. Других удовольствий найти в мастерской было трудно. Гулять или «домой», у кого был дом, не выходили никогда, кроме больших праздников. По воскресеньям шили только до завтрака, затем предоставлялось проводить время как хотели, но с условием не уходить. Хозяйка находила, что с улицы всегда приносилось много разговоров и развлечений, которые мешали потом прилежно работать. По будням выходили только дежурные. Каждый день их назначалось две: одна развозила готовые платья, другая ходила по магазинам за разными случайно недостававшими мелочами. Дежурств ожидали с нетерпением, но они доставались некоторым не больше одного раза в месяц, другим по два раза – удовольствие слишком редкое.

Книг не была в мастерской совсем. Я очень любила читать, и меня удивляло, как это так много людей могут жить вовсе без чтения. Раз, в воскресенье, я принесла к Зине свою новую

книгу с фантастическими сказками – мне казалось, что она этим заинтересуется. Зина, не привыкшая слушать что бы то ни было иначе, как в час обязательного урока, очень скоро убежала, но зато вокруг меня составилась кружок другой: это были ученицы мастериц, некоторые – ровесницы мне, другие старше. Меня пригласили прийти с книжкой в другой раз, я с восторгом передала об этом приглашении бабушке. Она отпустила меня в ближайшее воскресенье, и я захватила с собой самую лучшую, по-моему, из моих книг – историю настоящую, не сказку, а историю девочки, у которой было сильное желание учиться, но не было средств. К удивлению моему, это не понравилось. Нашли, что не очень «жалостно» и что ничего «необыкновенного» нет. После того я постепенно научилась выбирать для них рассказы с приключениями – с неожиданными смертями и такими же неожиданными спасениями от смертей, с бурями на море, с лошадьми, закусившими удила, и т. д.

Каждый праздник аккуратно стала я ходить к своим слушательницам. Зина редко присоединялась к ним, я была рада, потому что для нее приходилось бы выбирать несравненно более детское. Мне казалось гораздо интереснее читать для больших. Как сейчас вижу перед собой всю толпу их. Высокую Полю, стройную, бледную, с темными глазами и длинными ресницами; она приходила без шума, садилась близко, но в сторонке, не на проходе, чтоб ей не мешали слушать; когда ей что-нибудь особенно нравилось, она никогда не прерывала восклицаниями и, только дослушав до конца, говорила тихо: «Как хорошо!»

Я очень любила эту похвалу и тон, которым Поля произносила, потому что в нем звучало полное, глубокое чувство. Помню Наташу, такую же высокую, как Поля, но толстую, белую, сдобную, с ленивой, развалистой походкой, с блаженной улыбкой на лице, когда читалось что-нибудь смешное, и с резким «ах, они проклятые!», если рассказ шел о каких-нибудь виноватых. С Наташей была неразлучна вертлявая, хитрая, лживая, неприятная для меня, но очень забавная Ольга; она передразнивала свою подругу за ее спиной, а в глаза не могла ею налюбоваться. Другая Ольга, которую чаще называли по фамилии, Сорокиной, представляла собою тип тоже несимпатичный: притворялась скромной, опускала глазки, говорила почти шепотом, но никто больше нее не доносил хозяйке на своих товарищей; все ее остерегались. Коренастая, мрачная, сердитая Ксения гляде-

да, напротив, в упор на всех; чтение, и радостное и печальное, слушала всегда с одним и тем же неизменным выражением лица: мне казалось, что она не слушает, а думает о чем-то своем. Мнения своего о прочитанном никогда не выражала. Была еще веселая хохотунья Анюта Суркина, была бесцветная, вялая, молчаливая Софья Петровская. Была замечательно хорошенькая Анна Борисова, блондинка с рыжеватым оттенком волос, но с черными глазами. Лоб, нос, подбородок у нее имели чрезвычайно правильную форму, точно выточенную; если б не резкое выражение тонких, капризных губ, ее бы можно назвать красавицей. Была Елена – общая любимица, очень говорливая, очень приветливая, но в сущности ко всем равнодушная и думавшая только о себе; в ней хитрости было не меньше, чем в обеих Ольгах, только хитрость ее имела другой оттенок и на первый взгляд казалась прямою и искренностью; она умела каждому сказать или сделать что-нибудь приятное и не позволяла себе грубо смеяться над кем-нибудь, хотя бы и за глаза. Благодаря этому всегда имела лучшее место, лучший кусок и целую толпу для услуги. Настоящей доброты в ней совсем не было, и, если с кем-нибудь из ее товарищей случалась серьезная неприятность, она тотчас незаметно отодвигалась.

Все эти девушки, и еще многие другие, были лет 18–19; читать, а в особенности писать, умели очень плохо и в этом отношении стояли не выше младших – 13-летней Насти Стрекозы, карлицы Евлалии (ей было лет 15, но с виду казалось 10 или 11) и целой толпы прочих, которых не стану перечислять, потому что спешу перейти к одному происшествию, сильно меня тогда взволновавшему. Именно с целью обрисовать это вспомнившееся мне происшествие я и начала свой рассказ здесь.

Уже сказано, кажется, что бабушка позволила мне ходить в мастерскую каждый праздник. Сейчас после завтрака брала я книгу, обыкновенно заранее приготовленную, целовала бабушку и убегала. Меня всегда уже ждали и встречали с приветствиями. Но вот раз вхожу и замечаю что-то необыкновенное: на мое появление обратили очень мало внимания, собравшись кучками в большой спальне и в столовой, толковали о чем-то вполголоса, но очень горячо. Толковали собственно одни старшие, а младшие только вертелись вокруг, прислушивались и изредка вставляли свое словечко. Настя Стрекоза подскочила ко мне:

– Анну Борисову выгоняют... Марья Ивановна сказала, чтобы духу ее не было... Она ложку украла...

– Анна Борисова?..

Мне показалось чрезвычайно удивительным. Я не любила эту красавицу с резко сжатыми губами, вспомнила, что и никем она не любима, и вдруг мне стало жаль ее. Она всегда мало разговаривала, еще меньше смеялась. На всех смотрела свысока, чрезвычайно тяготилась своей полуграмотностью и старалась ее скрывать. Я думала прежде, что она «образованная», потому что, если которые-нибудь девушки обращались иногда друг к другу или ко мне с вопросами: «отчего это бывает ветер?», «откуда дождь берется?» или «так ли я написала адрес?», Борисова всегда глядела на них как будто с презрением. Потом раз я увидела письмо, которое она писала: это были неуклюжие каракули, и самолюбивая девушка вспыхнула до волос, заметив мое удивление. «Здесь всегда за иголкой, совсем разучишься», – проговорила она сквозь зубы. Кажется, ни за что в свете не спросила бы она ни у кого совета. В наших чтениях сначала не принимала участия, ей, может быть, представлялось унижительным оказывать такое внимание девочке. Однако видя, что слушают другие, такие же большие, как она, стала присоединяться. Садилась в сторонке, возле тихой Поли, так же тихо, но только с другим оттенком: Поля слушала благоговейно, Анна – снисходительно. Теперь мне говорили, что Анна украла ложку; это казалось совсем на нее непохоже, я не могла поверить.

– Кто же видел? – спросила я у Стрекозы.

– Никто не видел. Она не здесь украла, а у своей знакомой. Та прибежала сегодня утром, крик подняла... вот Анну и выгоняют, Марья Ивановна воровок не хочет держать.

Объяснение Стрекозы было не особенно толково, но Елиза рассказала мне историю в подробности.

Марья Ивановна строго запрещала девушкам уходить без спросу, запрещала тоже бывать у таких родных или знакомых, которых она сама не знала лично. Борисова не любила каждый раз спрашиваться и накануне, в субботу, когда работу кончили, т.е. после восьми часов, надела шляпу и ушла. Она и раньше это делала, делали и другие, между товарищами не было в этих случаях обыкновения выдавать друг друга. Вернулась в десять часов и легла спать. Сегодня утром, в семь часов, уходила к ранней обедне – по крайней мере, так сказала. К обедням ходить

позволялось всегда в праздник. Она еще не вернулась, когда в мастерскую явилась какая-то толстая лавочница, с красным лицом и в шляпе с перьями; сказала, что хочет видеть хозяйку, и тут же начала кричать, рассказывая, что вот, вчера вечером к ней в гости приходила Борисова, пила у нее чай, а теперь недосчитываются серебряной ложки – той самой ложки, которая была на блюдечке у гостьи; кухарка живет уже двенадцать лет, никакого подозрения на нее быть не может, а чужого в доме никого не было после вчерашнего вечера; значит, ложка украдена гостьей; она воровка, и мать у нее была воровка, нужно всем об этом сказывать, чтоб остерегались, потому что яблоко от яблони недалеко падает, а воров нужно истреблять, выгонять отовсюду, и если Борисову из мастерской не выгонят, значит, хозяйка здесь ворам потакает и т.д. Кричала-кричала, наговорила неприятностей Марье Ивановне; Анну, которая в это время от обедни вернулась, разругала на чем свет стоит; насилиу дождалась, чтоб ушла. Марья Ивановна рассердилась так, что уже приказывала за полицией послать: «Пусть, – говорила, – обеих их: и Борисову и приятельницу ее – в часть ведут, они там будут разбираться, а не у меня в доме».

– А что же Анна говорит? – спросила я.

– Анна что? Говорит, что не брала ложки, что это вздор все.

– Я думаю, что вздор. С чем это сообразно, чтоб она чай выпила и потом ложку в карман положила? Сейчас могли заметить.

– Не заметили, видно. Хватились потом.

– Засунули куда-нибудь сами.

– Может быть. Если засунули, так найдут.

– За что же сейчас Анну выгонять? Надо доказать, что она виновата.

– Я не знаю... Это уж не наше дело.

Елена пожала плечами и, полуулыбаясь, отошла к другим, Мне подумалось, что она слишком спокойна и что нехорошо быть такой спокойной, когда кому-нибудь из товарищей приходится горько. Анна может быть виновата, может быть нет; вернее, что нет. Как же бы помочь ей оправдаться? Я не придумала ничего лучшего, как вернуться сейчас к бабушке и пересказать ей.

Моя справедливая старушка выслушала внимательно и сказала: «Пожалуй, что это напрасно клеветуют. Схожу к Марье Ивановне, спрошу ее. Сбегай узнай, могу я к ней теперь пойти?»

Марья Ивановна ответила, что «конечно», что «она счастливо рада»... Зина, которую я в то утро еще не видала, бросилась ко мне на шею: «И ты тоже придешь?» Я ответила: «Приду». Конечно, и без этого приглашения пришла бы, потому что мне очень хотелось слышать, что будут говорить.

Бабушка надела свою турецкую шаль, и мы отправились. Марья Ивановна вышла в переднюю нас встретить и увела к себе в комнату. Зина хотела увлечь меня к игрушкам, но я приласкала ее и села возле бабушки.

– Видите, как я сегодня расстроена, – заговорила сейчас же Марья Ивановна, – не успела одеться. (Она, впрочем, была в очень нарядной блузе из темно-красного кашемира с бархатом и лентами.) Тут был такой крик утром, у меня голова разболелась; я легла, чтоб отдохнуть, и вот только что встала, теперь мы с вами кофею выпьем, я еще не пила, вы не откажетесь от чашечки? Или чаю?

– Уж лучше чаю, – сказала бабушка, – хоть, по-настоящему, мне ничего не хочется. Я пришла, чтоб у вас про эту девушку расспросить. Мне внучка рассказала, что у вас случилось.

– Про Борисову? Ужасно, какие они испорченные. Вообразите, идет в гости и крадет чайную ложку!.. Завтра ее не будет здесь, я послала сказать ее брату, чтобы помешал ее куда хочет.

– Разве ложку нашли у нее?

– О нет. Сундук ее весь перерыли, но она туда не положит!

– Ведь это было вчера вечером, говорят.

– Да.

– Куда же бы она девала вещь? Если украла, то не затем, чтоб бросить на улице.

– Сегодня утром продала, может быть.

Бабушка покачала головой с сомнением:

– В воскресенье, в восьмом часу утра, куда же девушка пойдет ложку продавать? Я что-то не вижу всего этого. Не наггали на нее та женщина? Злая, должно быть. Зря молодую девушку губит. Легко положить на человека грязное клеймо – «вором» назвать, и пойдет потом человек с этим клеймом по свету, и много оскорблений придется ему вытерпеть, может быть, совсем незаслуженных.

– Конечно, так. Разве эти люди думают! Прибежала, накричала, заставила меня прогнать Борисову. Во всяком случае, Бо-

Борисова виновата: зачем уходила без спросу и зачем вела такие курьезные знакомства. Вот теперь ее головой выдали.

– Мне кажется, Марья Ивановна, что лучше бы в это хорошенько взглядеться. Если воровства в самом деле не было, то выгнать девушку может быть несправедливо. Без спросу и другим случается уходить.

– О, моя дорогая, я не могу переменять своих слов... Я уж сказала... я никогда не меняю... Мне наговорили из-за нее столько дерзостей!

Как ни убеждала бабушка, слова ее пропали даром. Марья Ивановна соглашалась с тем, что, может быть, Борисова не виновата или очень мало виновата, но ни за что не хотела простить беспокойства, которое ей наделали шумом в квартале. Единственное, чего удалось добиться, было обещание не отсылать Борису так скоро. Сначала хозяйка непременно стояла на том, чтобы «завтра ее не было», потом согласилась подождать, пока приишут, кому бы эту девушку рекомендовать.

– Марья Ивановна – добрая женщина, – говорила моя старушка в тот же день вечером, когда мы уже собирались спать, – но только она не привыкла себя на чужое место ставить. Это иногда очень полезно. Поставь она себя на место девушки, молодой, бесприютной – по ее же словам, у Анны только и есть, что брат, который совсем о ней не заботится, – она бы призадумалась так выгонять. Говорит, «своих слов не меняю»; конечно, за свое слово хорошо держаться, когда слово хорошее; а когда вырвалось что-нибудь неладное, жесткое, необдуманное, то гораздо лучше потом переменить, признаться, что, мол, сгоряча так вышло. Ей вот себя жалко, потому что крик обеспокоил и голова разболелась; но ведь это беда не глубокая, она уж и прошла; а смолоду прослыть воровкой – несчастье на целую жизнь. Если б даже и в самом деле грех такой случился, лучше прикрыть его да помочь человеку на прямую дорогу встать.

– Ты, бабушка, сделаешь, что можно, для Борисовой?

– Конечно, постараюсь. Я в людей камнями не люблю кидать.

* * *

На следующее утро Борисова пришла к нам.

– Меня Марья Ивановна послала: говорит, что вы, может быть, рекомендуете меня кому-нибудь.

Ей, казалось, было трудно поднять глаза. Она стояла перед бабушкой, опустив их, вытянутая, бледная, холодная, и губы ее сжимались еще капризнее обыкновенного. Старушка обошлась с нею совершенно просто:

– Сядьте, милая, потолкуем. Хорошо, что пришли, я хотела за вами послать. Говорила я вчера Марье Ивановне, что помогу вам сыскать место, не ручаюсь, что найду: ручаться трудно, а поищу непременно. Брат ваш вчера приходил? Его ждали.

– Приходил.

– Он ведь не может вас к себе взять, я слышала.

– Нет, куда же? Он живет у хозяина, в подмастерьях.

– У столяра, кажется?

– У часового мастера.

– Что же он сказал про всю вашу историю?

– Сказал, что я виновата, зачем зналась с такой женщиной.

– Да, я думаю, что эта женщина дурная. По-моему, если случилась у нее пропажа в доме и подозревала бы она вас или другого кого, то надо все-таки не с крику начать, а подумать и подумать, прежде чем вслух обвинять. Надо рассчитать, во-первых, что если обвинение окажется напрасным, то какое это горькое оскорбление; во-вторых, когда бы и справедливо оно, то что же за выгода при всех высказывать? Не лучше ли, напротив, глаз на глаз с человеком поговорить, постараться показать ему, как он дурно поступил?

– Я не брала ее ложку, зачем мне? – угрюмо сказала Борисова.

– Мне и самой так кажется: зачем вам? Я ведь вас, моя милая, не знаю, в первый раз вижу. Значит, отвечать за вас, как и за всякого незнакомого человека, я бы не могла; а между тем вся эта история мне так представляется, что вы в ней совсем не виноваты. Я и Марье Ивановне это же говорила вчера.

– Мне передавали... я очень благодарна вам... вы одни...

Молодая девушка старалась говорить твердо, но ее голос порвался, и крупные слезы вдруг побежали по щекам. Она сконфузилась. Не вытирая, даже как будто не замечая их, она заговорила громко, раздражительно:

– Меня выгоняют, говорят, что воровка... Я, конечно, могла бы быть воровкой... У меня и мать такая была... Это правда... Разве меня учили чему-нибудь? Других учат. Мать каждый день приходила пьяная, била нас. Брата в ученье потом отдали.

и все дома. Мне нечем мать помянуть – всегда скажу... Я еще крошка была, а вредным отродьем звали. Потому что нас никто не любил... Понятно, какое удовольствие соседям, когда шум один! И потом, когда все пропадает. Мать где что сташит, тем и живет. Только слава, что работала, все больше воровством. Я этого терпеть не могла! Такой стыд! Хоть не гляди ни на кого. А дети чем виноваты?.. Умерла мать – я рада была. Что мне от нее? Я думала: никогда воровкой не буду, чтоб никто не смел попрекнуть. Я этого не хочу!.. А вот теперь... Разве я клала?..

– Эта женщина давно знакома с вами? – спросила бабушка.

– Она мать мою знала. То-то и есть. Потому и попрекает. Кумой матери была. Брат говорил мне, чтоб я ни с кем из этих прежних не зналась. Но она всегда ласкова ко мне была, будто жалела. Любить я ее не любила – сплетница она, про всех плетет, но только ходила к ней, потому что надо же кого-нибудь иметь. С братом редко видишься, да и брат – точно чужой. Он, как был в учебе, никогда домой не приходил. Говорил, не пускают, может, сам не хотел. Я мало и знаю его, мы с ним никогда не разговаривали.

– Но ведь в мастерскую, кажется, он вас устроил?

– Он. Когда мать умерла. Он только что в подмастерья тогда вышел. Попросил своего хозяина обо мне. Тот через кого-то имел знакомство здесь. Вот и поместили меня... Брат говорит, что эта баба ему на досаду вчерашнюю историю выдумала. Она злится на него за то, что он к ней не ходит. И, кажется, еще что-то неприятное между ними вышло. Она обещала ему отомстить... Зачем же он раньше не сказал мне об этом? Говорил только, чтоб я с ней знакомства не вела.

– Да, конечно, лучше было бы вас предупредить подробнее...

– Теперь он мной очень недоволен. Как будто мне не хуже, чем ему! Требуется, чтобы я мировому жалобу подала на нее за оскорбление. Еще судиться!.. все это повторять!.. Я сказала, чтоб меня в покое оставили. Я не крала – и все тут! Я права!

На ее щеках выступили от волнения два яркие розовые пятна. Глаза горели. Мне хотелось обнять ее, приласкать, утешить, но я не решалась. Бабушка спросила, как она думает, не согласится ли Марья Ивановна взять назад свое распоряжение, если еще раз попросить об этом.

– Ах, нет, нет, не надо просить! Я сама не хочу **оставаться**. Не из-за Марьи Ивановны, из-за других. Они злые, они **рады**, что меня обвиняют, им развлечение.

– Поля добрая, – сказала я.

– Да, Поля добрая, только она не умеет **заступиться**, она молчит, сама не обидит, а другим в обиду даст. Теперь, **если что** пропадет, все на меня станут говорить. Часто мелочи **пропадают**: отделки, остатки разные, катушки шелку. Елена первая скажет: «У нас воровка известная». Да и все тоже. Я лучше **уйду**. Все равно куда.

– Может быть, та женщина уже нашла свою ложку, **послать** бы к ней спросить, – предложила я.

– Она у нее и не пропадала, – сказала Анна.

– Этого мы не знаем, – возразила бабушка, – **может быть**, действительно ложка затерялась: перемывали посуду – попала в грязное ведро; или кухарка нечаянно засунула куда-нибудь, а потом не посмела сказать, когда увидела, что такая **кутерьма** произошла. Во всяком случае, если и найдут, то теперь **едва ли** скажут; каждый порядочный человек, конечно, **сказал бы**, даже поспешил бы сказать, попросить извинения. Но от таких **грубых** людей извинения трудно ждать.

Расспросила бабушка у Борисовой, долго ли она жила в **мастерской** и насколько выучилась работать. Обыкновенно там **делалось так**: вновь поступившей девочке давали сначала самые незначительные и случайные работы – **распарывать что-нибудь**, порублять, собирать оборки, шивать прямые швы там, где это **неудобно** было делать машиной. Затем давали шить юбки, **потом рукава** (или сначала рукава, а потом юбки – я в точности **порядка** не помню), дальше переходили к сложным отделкам, к **корсажу**, а в конце концов к кройке. Мне случалось **слышать**, что это далеко не особенно хороший путь для обучения; очень часто случается, что **девushка** лет пятнадцати, прожившая в **мастерской** три года, выходила с **уменьем** заготавливать рукава и юбки, но не **шила** и тем более не **скроила** ни одного **корсажа**. Так что для нее очень **затруднительно** взять **чужой заказ**, хотя бы самый **простой**, – она знает, как **работают**, но ни одной **работы** не **выполнила** от начала до конца **сама**.

Оказалось, что Борисова тоже знакома со своим делом **только наполовину** или **немногим больше**. За **корсажи** **недавно** в первый раз **взялась** и **никогда** не **пробовала** **кроить**.

– Понщем, как и куда вас устроить, – обещала бабушка, прощая ее.

* * *

Исполнить это обещание не пришлось. В течение следующих суток случилось нечто неожиданное: Анна Борисова чуть не убила Ольгу – не Сорокину, а другую, которая перед тем только что рассорилась с Наташей. Судя по рассказам, дело произошло так.

Вечером Анна сидела далеко от общего стола, на своей постели, и что-то починивала. Вошли Ольга и Елена обнявшись, очень веселые. Они шептались, потом хохотали. У них стали спрашивать, что их смешит. Елена ответила: «Секрет!» Ольга прибавила: «Теперь нельзя сказать», ударив на слове «теперь» и бросив взгляд в сторону Анны. Этот взгляд Анна заметила. Вдруг время она бы, наверное, промолчала, но тут вдруг резко и неожиданно спросила: «Я мешаю?» Вместо ответа Ольга с Еленой опять стали хохотать.

У Анны затряслись руки, она бросила работу возле себя:

– Вы надо мной смеетесь?

– Полно, Борисова, чего ж над тобой смеяться? – попробовала успокоить которая-то из девушек.

– Очень нужно!.. смеяться над ней!.. много мы об ней думаем!.. – заговорила Ольга. – Ее завтра не будет, никто и не вспомнит! гуляй, милая, – скатертью дорога!

– Она еще не завтра уходит, – некстати вставила Евлалия.

– Не завтра? очень жаль! А я, было, располагалась поскорее занять ее постель... Знаете, милые?.. вперед объявляю. Постель Борисовой – моя будет. Я хочу рядом с Леной жить. Лена! весело нам будет! разговаривать станем!

Они схватились вдвоем за плечи и начали кружиться.

– Не радуйтесь, не пляшите... Марья Ивановна Борисову оставит, – сказала Стрекоза.

– Кто это выдумал? – крикнула Ольга, продолжая вертеться.

– Перестань, Оля, – уговаривала ее Елена, – и в самом деле, Борисову могут оставить, мы тогда иначе сделаем...

– Это что? ты уж изменяешь? не хочешь, чтоб я рядом спала? изменница!

Они обе шумно забавлялись, несколько не заботясь о том, что их веселье растревляло больное место Анны. В эти минуты

молодая девушка должна была чувствовать себя очень несчастной: она не знала, что с ней будет, куда она денется. Мастерская, конечно, не была ей родным домом, но все же с мастерской она свыклась: с 12 лет тут жила. А теперь предстояло уйти. Одной, куда-нибудь к незнакомым людям. Ее угол уже не ее. Об ее постели разговаривают, как будто эта постель уже пуста. Ей тяжело, плакать хочется, а другим весело, смеются.

Она убрала свою работу, торопливо разделась и легла, голову закутала в одеяло, чтобы не видеть и не слышать или чтоб заглушить рыдание. Это было около десяти часов. Час спустя и многие другие девушки улеглись, но болтовня в комнате все еще продолжалась. Елена легла. То есть, собственно, не легла, а еще сидела на постели. Ольга, исчезавшая на четверть часа в другую комнату, вернулась и с шалостями, с шутками явилась к Елене прощаться. Она иногда устраивала продолжительные комедии, потешавшие всю мастерскую. В этот вечер настроение ее было из самых веселых. Она болтала всякий вздор, стаскивала Елену с кровати. К их борьбе присоединились и другие.

Вдруг Ольга нечаянно запнулась за свесившийся угол одеяла Борисовой и потащила его за собой. Борисова подумала, вероятно, что ее задевают нарочно.

– Не троньте меня! – крикнула она.

– Голос из могилы!.. мертвое тело разговаривает!.. – закричала, дурачась, Ольга.

В одно мгновение Борисова была на ногах, бледная, страшная.

И прежде чем кто-нибудь успел остановить, она схватила Ольгу и швырнула ее в сторону, точно какую-нибудь вещь.

Голова упавшей девушки ударилась об угол сундука. Ползлась кровь.

– Борисова, что ты?.. – закричали вокруг.

– Не станет дразнить!

– Она не дразнила...

Но разбирать было поздно. Общий хохот сменился испугом, слезами. Бросились сказать Марье Ивановне, побежали за доктором. Целую ночь никто не уснул. Ольге сделали перевязку, потом свезли ее в больницу. Доктор находил рану очень опасной; нужно было окружить больную тишиной, а в мастерской тишины никогда не могло быть.

Борисову тоже увезли куда-то; одни говорили, что к ее брату, другие – что прямо в тюрьму. Она не простилась ни с кем, не произнесла ни одного слова. Ее колени подкашивались, в дверях она чуть не упала, но молча удержалась за косяк. «Тоже была точно раненая», – рассказывали потом о ней девушки.

Всю эту историю мы узнали на другой день. Марья Ивановна пришла к нам рано-рано утром, растрепанная и взволнованная ужасно.

– Вы меня-то пожалейте!.. – настаивала она.

И бабушка ее жалела, но еще больше жалела обеих девушек.

– Эта Борисова – злодейка, убийца! ее судить будут, – твердила Марья Ивановна.

– Она несчастная, – поправляла бабушка. – Надо же, такое шепление обстоятельств! Три дня тому назад она сама бы не поверила, что все это может с ней случиться.

– Нельзя же ее оправдывать!

– Я не оправдываю. Только я вижу, что, не будь той истории сложкой, не было бы и продолжения.

– Конечно, она ложку украла. Я теперь не сомневаюсь. Когда она на все способна!

– Совсем нет, Марья Ивановна. Ее обвинили напрасно, неожиданно. Иначе это бы ее не поразило так. Она стояла на том, чтоб быть честной, но у нее, как говорится, почва ушла из-под ног.

– Чем же Ольга виновата?

– Ольга не поняла чужой печали. Ольга раздражила ее своим весельем. Это само собой вышло. Борисова не смогла с собой справиться. Я не говорю, что так и должно быть. Наверное, она и сама теперь жалеет, мучится тем, что сделала.

– Нам от ее мучений пользы мало.

– Ах, Марья Ивановна! что же о себе говорить в таких случаях! Я понимаю, что для вас все эти происшествия очень неприятны, но разве можно сравнивать неприятность с несчастием? Знаете что: я бы на вашем месте уведомила Борисову, если Ольга станет поправляться; вы этим доброе дело сделаете, облегчите камень на душе у человека.

– Это можно, конечно; только сомневаюсь, чтоб Ольга осталась жива: если б вы видели, какая рана!

– Бедная! дай Бог, чтоб поправилась. Молодым жить надо...

1

Марья Ивановна просидела у нас с час, выливая разные жалобы, это ее успокоило; уходя, она уже не так безжалостно думала о Борисовой. Напротив, несколько винила себя:

— Может быть, было бы лучше мне вначале вступиться. Сказать бы той бабе, что не верю, пока не докажет. И девушку бы не выгонять. Но ведь кто же знал, что так пойдет?..

* * *

Месяц или полтора спустя Ольга вышла из больницы. Она очень исхудала, обритая голова придавала ей странный вид. Борисова была в тюрьме и, кажется, должна была еще довольно долго там остаться. Ольга говорила, что жалеет ее, и просила Марью Ивановну взять ее опять в мастерскую, когда она из тюрьмы выйдет. Но это не состоялось. Кто-то говорил потом, что Борисову видели уже на свободе, что она искала места. Где и как нашла, я не знаю. Ни к нам, ни в мастерскую она не приходила и вообще совсем исчезла из виду. Мне много раз вспоминалось страдальческое выражение ее лица в то время, когда она нам с бабушкой говорила о своей матери, которую «нечем хорошим помянуть». И я задавалась вопросом: «Разве она виновата, что так сложилось?»

Елизавета Петровна Свешникова

Книги, написанные Е. П. Свешниковой

Василий Дмитриевич Сиповский

Виктор Петрович
Острогорский

Алексей Николаевич
Острогорский

Владимир Иванович Вернадский

Иван Михайлович Гревс

Группа студентов Петербургского университета (1884 г.).
Нижний ряд: крайний слева – А. А. Корнилов, в центре – С. Ф. Ольденбург
Средний ряд: крайний справа – В. И. Вернадский.
Верхний ряд: крайний слева – Д. И. Шаховской,
крайний справа – Ф. Ф. Ольденбург.

Федор Федорович Ольденбург

Павел Павлович Максимович

Здание школы Максимовича (г. Тверь, ул. Трехсвятская)

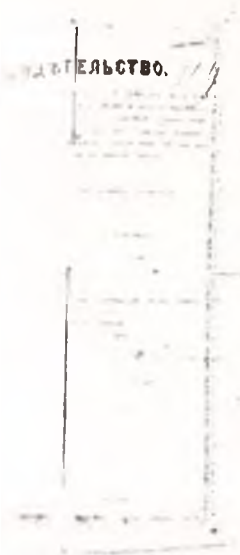

Е. П. Свешникова (в нижнем ряду в центре)
среди учительниц школы Максимовича

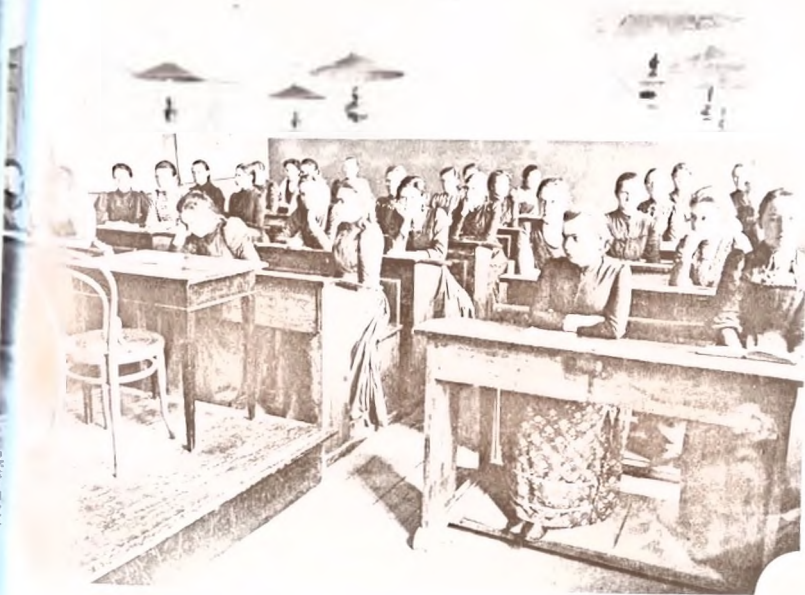
В. Свешников

Вот как живет человек
 добры и прекрасны жизни
 и истинными чувствами
 и светлыми чувствами
 и истинными чувствами
 и истинными чувствами
 и истинными чувствами
 и истинными чувствами
 и истинными чувствами
 и истинными чувствами
 и истинными чувствами

Свидетельство Глафиры Константиновны Соколовой об окончании школы Максимовича (1904 г.)

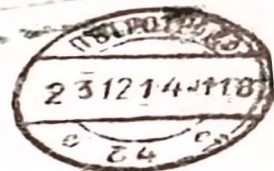
Александра Константиновна Соколова, выпускница 1907 г.

Занятия в школе

Здание Высших женских Бестужевских курсов (10 линия В. О. 33)

Владимиру Ивановичу
Зернадскому

2/3 дек. 91г., 8 вел.

Отт. Ермак тш.ураина:
Спасибо вам Сергеев писем
Здоровья работам привожу свои
Шт. Денбург

Будете Зорковн. и др.
Е. С. Смирнова

Открытка
Е. П. Свешниковой.
Адресованная
Зернадскому
(14 г.)

БИБЛИОГРАФИЯ

**БИБЛИОГРАФИЯ
РАБОТ Е. П. СВЕШНИКОВОЙ
И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕЙ**

ПУБЛИКАЦИИ Е. П. СВЕШНИКОВОЙ

Педагогические статьи

1876

1. Среди детей (Заметки учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1876. – С. 328–340; 381–389.

1877

2. Про детей и за детей (Очерки из школьной жизни) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1877. – С. 28–37; 163–168.
3. Про детей и за детей (Заметки учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1877. – С. 359–368.

1878

4. Про детей и за детей (Из заметок учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1878. – С. 501–511; 574–582.

1879

5. Книга для наглядного обучения родителей / Е. Свешникова // Женское образование. – 1879. – С. 486–497.
6. Про детей и за детей (Заметки учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1879. – С. 225–236.
7. Про детей и за детей (Из заметок учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1879. – С. 305–311.
8. Что думают профаны о баллах / Е. Свешникова // Женское образование. – 1879. – С. 558–566.

1880

9. Избегаемая сторона воспитания / Е. Свешникова // Педагогический листок. – 1880. – № 4. – С. 227–256.
10. Как детей портят (Из заметок учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1880. – № 1. – С. 26–32.

11. Как детей портят: Очерк второй / Е. Свешникова // Женское образование. – 1880. – № 2. – С. 89–98.
12. Пути для добрых детских дел (Из заметок учительницы) / Е. Свешникова // Педагогический листок. – 1880. – № 3. – С. 145–165.
13. Среди детей (Из заметок учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 205–212.

1881

14. Среди детей / Е. Свешникова // Женское образование. – 1881. – № 1. – С. 12–27.

1882

15. Как детей портят (Из заметок учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1882. – № 5. – С. 325–330.

1883

16. Из писем к бывшей воспитаннице / Е. Свешникова // Женское образование. – 1883. – № 4. – С. 307–310.
17. Как в детских сердцах читают (Из заметок учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1883. – № 3. – С. 188–193.
18. Как детей портят (Из заметок учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1883. – № 8. – С. 513–523.

~ 1884

19. Время экзаменов / Е. С. // Женское образование. – 1884. – № 3. – С. 208–209.

1885

20. Детские удовольствия / Е. Свешникова // Женское образование. – 1885. – № 10. – С. 641–646.
21. Один из грехов нашей школы / Е. Свешникова // Женское образование. – 1885. – № 1. – С. 1–6.
22. Поправка / Е. Свешникова // Женское образование. – 1885. № 9. – С. 640.

1886

23. К вопросу о занятиях с маленькими детьми / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 9. – С. 186–188.
24. О подсказыванье в классе (Из письма в редакцию) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1886. – № 4. – С. 653–655.
25. Среди детей (Из заметок учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1886. – № 1. – С. 1–4.

1888

26. Среди детей (Из записок учительницы) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1888. – № 8. – С. 450–460.

1889

27. Деятельность Томского общества попечения о начальном образовании / Е. С. // Женское образование. – 1889. – № 4. – С. 270–273.
28. Мысли об обучении рисованию г. Гирта (с немецкого) / Е. С-ва // Женское образование. – 1889. – № 3. – С. 168–189.

1895

29. Единство целей и средств образования на всех его ступенях / Е. С. // Образование. – 1895. – № 2. – С. 136–143.
30. Ж. Массе (1815–1894) / Е. С. // Образование. – 1895. – № 1. – С. 28–30 (2-я паг.) [*перевод некролога из Revue Pédagogique*]
31. Поездки в Москву / Е. Свешникова // Образование. – 1895. – № 4. – С. 207–214.

1896

32. Из переписки с сельскими учительницами: очерк / Е. Свешникова // Образование. – 1896. – № 1. – С. 75–86; № 2. – С. 51–62.

1898

33. Предисловие // Тверская губерния. 1897–98 учебный год. Низшие образовательные учебные заведения ведомства М. Н. П. и школы церковно-приходские / Е. Свешникова. Тверь, 1898. С. I–IV.
34. Проект школьной карты Старицкого уезда: (июнь 1898 г.) / Е. Свешникова. Тверь: Типография Тверского губернского земства, 1898. – 13 с.

1911

35. Книга 11-летнего мальчика и творения детей / Е. С. // Воспитание и обучение. – 1911. – № 2. – С. 43–48.

Женское образование

36. Женские врачебные курсы в Петербурге / Е. С-ва // Женское образование. – 1877. – С. 109–113.
37. Женские курсы в Париже (Письмо из Парижа) / Е. С. // Женское образование. – 1882. – № 9. – С. 640–641.
38. К вопросу о профессиональных женских школах (По поводу занятий подкомиссии Технического общества) / Е. С. // Женское образование. – 1879. – 329–335.

39. О женских врачебных курсах / Е. С. // Женское образование. – 1886. – № 1. – С. 58–62.
40. Энергичны ли мы? (Из истории одного «Общества») / Е. С.-ва // Женское образование. – 1880. – № 3. – С. 141–144.

Критико-библиографические обзоры и рецензии

Книги для народного и детского чтения, педагогические издания

1877

41. [Рец.:] Андерсен Г.Х. Последние сказки / пер. Е. Сысоевой / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 322–232.
42. [Рец.:] Анненская А. Зимние вечера: рассказы для детей. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 265–268.
43. [Рец.:] Быкова М. Первые рассказы из естественной истории: для детей, только что научившихся читать. СПб., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 620–621.
44. [Рец.:] Быль и вымысел: сборник. СПб., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 559–561.
45. [Рец.:] Гринвуд Д. Маленький оборвыш / переделка с англ. А. Анненской. СПб., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 498–500.
46. [Рец.:] Грубе А. Биографические картинки / пер. с нем. М., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 554–557.
47. [Рец.:] Доде А. Рассказы. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 129–130.
48. [Рец.:] Жизнь детей: собрание повестей и рассказов из английских и французских книг. Вып. 1: История с канарейкой. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 416–419.
49. [Рец.:] Задушевное слово: периодическое издание М.О. Вольфа 1877 г. / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 196–200.
50. [Рец.:] История греческих героев, рассказанная Нибуром своему сыну / пер. Марсовский. М., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 421–423.
51. [Рец.:] Олькот Л. Семь братьев и сестра / пер. с англ. О. Бутеневой; под ред. Цебриковой. СПб., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 419–420.

52. [Рец.:] Острогорский А. Наша библиотека: 1. По белу свету; 2. У рабочих людей. СПб., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 621.
53. [Рец.:] Последнее путешествие Ливингстона по Африке / пер. с англ. СПб.: Изд. А. Якоби, 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 420–421.
54. [Рец.:] Путята Н. А. Виллиам Чаннинг: его жизнь и сочинения: чтение для юношества (старшего возраста). М., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 618–620.
55. [Рец.:] Радости и горести девочки-подросточка / пер. с нем. СПб., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 561–562.
56. [Рец.:] Ростовская М. Ф. Звездочки: повести и рассказы. СПб., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 557–559.
57. [Рец.:] Сборник журнала «Детский сад» для детей младшего возраста / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 270.
58. [Рец.:] Смальс С. Неутомимый труженик: жизнь шотландского натуралиста Томаса Эдварда / пер. с англ. Е. Сысоевой. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 496–497.
59. [Рец.:] Современная детская библиотека: на память о Жорж Санд. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 130–132.
60. [Рец.:] Соковнина Л. В помощь матерям: собрание рассказов для детей от 4-х до 8-ми лет. М., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 621–622.
61. [Рец.:] Соковнина Н. А. Первое знакомство с тем, что мы видим каждый день: повесть для детей. М., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 497–498.
62. [Рец.:] Стэнли. Страна рабства: рассказ Стэнли, автора сочинения «Как я отыскал Ливингстона». СПб., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1877. – С. 423.

1878

63. [Рец.:] Жизнеописания замечательных женщин: с портретами и рисунками в тексте: сборник биографий / пер. Ф. Резенера. СПб., 1878 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 464–467.
64. [Рец.:] Ишимова А. Рассказы для детей из естественной истории. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 617–618.
65. [Рец.:] Коровин В. Две капельки: рассказ для детей. М., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 62–63.
66. [Рец.:] Лилина. Рассказы для маленьких детей. М., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 205–207.

67. [Рец.:] Львов В. В. Серый армяк или исполненное обещание: повесть для детей. М., 1878 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 687–688.
68. [Рец.:] Олькот Л. Юность Розы / пер. с англ. О. Н. Бутеневой. СПб., 1878 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 528–539.
69. [Рец.:] Ростовская М. Ф. Пони: приключения Эмского осла. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 60–61.
70. [Рец.:] Сафронович В. Семь сказок для детей: с силуэтами работы Елизаветы Бем. СПб., 1878 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 612–617.
71. [Рец.:] Сборник журнала «Воспитание и обучение». Т. 1: Чтение для детей старшего возраста. СПб., 1877; Т. 2: Чтение для детей младшего возраста. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 357–361.
72. [Рец.:] Сборник новых театральных пьес для детей / соч. и изд. Л. П-ой. М., 1878 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 280–281.
73. [Рец.:] Семейные вечера – журнал для детей и юношества, издаваемый под редакцией С. Кашпиревой. 1877 г. / Е. Свешникова // Педагогический музей. – 1878. – № 2. – С. 135–140.
74. Наша детская журналистика: [Рец. на ж.: Семья и школа: педагогический журнал, издаваемый под редакцией Юл. Симашко: детский отдел. Т. 1, 2] / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 105–112.
75. [Рец.:] Силуэты пятидесяти русских литераторов и краткие их биографии / сост. В. Д. К. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 59–60.
76. [Рец.:] Скользкий путь: рассказ для детей / Сталь и Марко-Вовчок / пер. с франц. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 539–541.
77. [Рец.:] Сталь П. Ж. Серебряные коньки: история бедного голландского семейства: повесть для юношества. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 278–280.
78. [Рец.:] Счастливая страна / с англ. Москва, 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 205.
79. [Рец.:] Сысоева Е. Очерки и рассказы: книга для юношества Т. 1. СПб., 1877 / Е. С. // Женское образование. – 1878. – С. 276–278.

1879

80. Издания Московского общества распространения полезных книг. Книжки для школ / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 534–544.

81. Рассказы для детей, удостоенные премий С.-Петербургского Фребелевского общества: [Рец. на кн.: Авенариус В. П. Сказка о пчеле-мохнатке. СПб., 1879; Вучетич Н. Р. Красный фонарь. СПб., 1879; Лакидз А. Г. Третий червонец. СПб., 1879] / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 346–347.
82. [Рец.:] Бабушкин подарок: рассказы для детей 6–9-летнего возраста. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 615–616.
83. [Рец.:] Бальдамус, доктор. Птичьи сказки / пер. Степановой. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 348–350.
84. [Рец.:] Библиотека-крошка. М., 1878 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 83–86.
85. [Рец.:] Блинов Н. Жизнь Робинзона. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 274.
86. [Рец.:] Вересов П. Подарок: стихотворения для детей и беседы с детьми. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 16–617.
87. [Рец.:] Гиппиус А. Город и деревня: повести для детей среднего возраста. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 686–688.
88. [Рец.:] Датские народные сказки / собрал Свед Грундвиг. СПб., 1878 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 86–87.
89. [Рец.:] Двадцать пять детских стихотворений / Н. С. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 468–469.
90. [Рец.:] Детское чтение: для детей от 5 до 7 лет / переделано с англ.; изд. г-жи М. Е-ой. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 612–614.
91. [Рец.:] Доде А. Каранузик: история ребенка. М., 1870 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 614–615.
92. [Рец.:] Елка. М., 1879; Колосья. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 149–150.
93. [Рец.:] Заря: иллюстрированная хрестоматия. СПб., 1879; Ясная Зоренька: хрестоматия для младшего возраста. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 466.
94. [Рец.:] Канаев А. Н. Замечательный работник: жизнь башмачника-натуралиста Томаса Эдварда / излож. по Смайльсу СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 86.
95. [Рец.:] Кирпотенко А. П. Руководство к летним занятиям по наблюдению природы и собиранию естественноисторических коллекций. Изд. 2-е. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 350.

96. [Рец.:] Коровин В. На пользу и забаву: рассказы для детей 6–9-летнего возраста. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 220–222.
97. [Рец.:] Маленьким детям: рассказы для детей от 4 до 8 лет / изд. г-жи М. Е-ой. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 219–220.
98. [Рец.:] Нелидова Л. Девочка Лида. М., 1876 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 690.
99. Четыре книжки, изданные Обществом распространения полезных книг: [Рец. на кн.: Русские поэты. М., 1879; Славянские поэты. М., 1879; Немецкие поэты. М., 1879; Английские поэты. М., 1879] / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 689–690.
100. [Рец.:] Журнал «Семья и школа». Т. 1, 2 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 139–148.
101. [Рец.:] Сказка про трех мужиков и бабу-ведунью. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 347–348.
102. [Рец.:] Соковнина. В пользу матерям: для маленьких детей. Вып. 2. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 222–224.
103. [Рец.:] Соловьев-Несмелов Н. А. Маленькие дети: рассказы для детей от 5- до 8-летнего возраста. Кн. 1. СПб., 1878 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 271–274.
104. [Рец.:] Соня в царстве дива. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 469.
105. [Рец.:] Стахеева Л. К. Детский театр: оригинальные сцены и комедийки из детской жизни, приспособленные к дешевой домашней постановке. Изд. 2-е. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 688–689.
106. [Рец.:] Стихи: сборник стихотворений русских поэтов для детей. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 466–468.
107. [Рец.:] Тизенгаузен Н. А. Спектакль любителей: две пьесы для детей. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1879. – С. 148–149.

1880

108. [Рец.:] Авенариус В. П. Что комната говорит. СПб.; Смирнов И. Д. Подпасок. СПб., 1880; Шмидт О. И. Ласточкино гнездо. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 1. – С. 44–46.
109. [Рец.:] Аксаков С. Т. Аленький цветочек / изд. СПб. комитета грамотности. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 10. – С. 667–668.

110. [Рец.:] Анненская А. Н. Брат и сестра: повесть для детей / изд. кн. Е. А. Макуловой. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 9. – С. 609–610.
111. [Рец.:] Ахшарумов Н. Русские сказки для детей. – Изд. 3-е. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 8. – С. 520–523.
112. [Рец.:] Владимирова А. К. Сказки и повести для детей от 8 до 12 лет. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 3. – С. 162–163.
113. [Рец.:] Гомер. Война мышей и лягушек / перелож. В. А. Воскресенского. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 7. – С. 467.
114. [Рец.:] Григорович Д. В. Трудовой крестьянский год (четыре времени года) / переделано для детского чтения Н. Блиновым. Вятка, 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 10. – С. 667.
115. [Рец.:] Гудвиллович А. Я. Звездочка: рассказы для детей от 5 до 9 лет. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 364–366.
116. [Рец.:] Детям от 7 до 9 лет / изд. М. Ергольской. М., 1880 // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 525–528.
117. [Рец.:] Доде А. Из писем с мельницы. М., 1880; Путешествие доктора Э. К. Кэна в северные полярные страны. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 274–276.
118. [Рец.:] Заря: иллюстрированная хрестоматия: песни русского народа и Кольцова / сост. и изд. Горемыкин. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 281.
119. [Рец.:] Застреленная русалка: быль из народной русской жизни / сост. Г. Д.; изд. книгопродавца И. Л. Тулузова. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 1. – С. 46–47.
120. [Рец.:] Золотая книжка, или беседы матери с детьми / изд. Н. Н. Сидорова. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 363–364.
121. [Рец.:] Зотов О. Волшебник Точка и пастух Ваня: сказка. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 9. – С. 612.
122. [Рец.:] Игрушечка: журнал для детей, еженедельное иллюстрированное издание. Год 1880-й / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 270–274.
123. [Рец.:] Коровин В. Маленьким грамотеям: рассказ для детей 6–9-летнего возраста / изд. Л. Субботина. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 279–280.

124. [Рец.:] Круглов А. В. Зимние досуги: рассказы и стихи для детей. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 3. – С. 157–160.
125. [Рец.:] Круглов А. В. Подарок на елку: рассказы и стихотворения для детей / изд. книгопродавца Ф. А. Битепажа. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 3. – С. 160.
126. [Рец.:] Музеус. Волшебные сказки / пер. с нем.; сокращ. для детей Ф. Гоффманом; с предисл. В. Крестовского. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 2. – С. 104–105.
127. [Рец.:] Мунт А. П. Биографии замечательных людей: Джордж Вашингтон: из журнала «Детское чтение» / изд. Бородина. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 9. – С. 610.
128. [Рец.:] Наследник дяди Честертона: роман для детей старшего возраста / пер. с англ. Н. Азбелева; изд. магазина книг М. И. Попова. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 276–277.
129. [Рец.:] Нянина арифметика для детей от 4 до 7 лет: таблицы картинок / сост. А. Н. Канаев; изд. СПб. мастерской уч. пособий и игр. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 9. – С. 607–609.
130. [Рец.:] Олькот Л. Под сиренями / пер. и изд. О. Бутеновой. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 77–279.
131. [Рец.:] От Рождества до Пасхи. Вып. 1: На Рождество. СПб., 1879; Вып. 2: На Новый год. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 3. – С. 160–162.
132. [Рец.:] Пашков И. И. Коробейник Селифан. М., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 10. – С. 669.
133. [Рец.:] Польские сказки / изд. О. Грима. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 2. – С. 99–103.
134. [Рец.:] Пчелка: чтение для старшего возраста / изд. Общ-ва распростран. полезных кн. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 525.
135. [Рец.:] Романова М. Рассказы Кота Васьки. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 7. – С. 466–467.
136. [Рец.:] журнал «Семья и школа»: детский отдел. Т. 1–2 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 1. – С. 36–44.
137. [Рец.:] Сервадак Г. Путешествие и приключения в солнечном мире Жюль Верна / пер. С. Самойлович; изд. книгопродавца Ф. Н. Плотникова. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 10. – С. 669–670.

138. [Рец.:] Слюнин Н. В. Русские народные знаменитости: рассказы о самоучках. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 4–5. – С. 280.
139. [Рец.:] Стреттон Г. Как был завоеван Яблоневый двор. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 8. – С. 523–524.
140. [Рец.:] Тур Е. Семейство Шалонских: из семейной хроники. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 10. – С. 665–666.
141. [Рец.:] Турбин С. Русский Робинзон: рассказ для детей. СПб., 1879 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 7. – С. 465–466.
142. [Рец.:] Фантастические сказки: с немецкого / пер. и изд. А. Степановой и О. Грима. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 2. – С. 103–104.
143. [Рец.:] Фурман П. Князь Яков Федорович Долгоруков: рассказ из русской истории / изд. Общ-ва распростран. полезных кн. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1880. – № 9. – С. 611–612.

1881

144. [Рец.:] Анненская А. Н. Анна: роман для детей / изд. кн. Е. Акуловой. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 6–7. – С. 393–394.
145. [Рец.:] Бобровский С. А. Рассказы моим детям / изд. Н. Фену и К°. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 8. – С. 498.
146. [Рец.:] Буткевич С. Дневник девочки / предисл. И. С. Тургенева. – Изд. 2-е. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 4. – С. 248–249.
147. [Рец.:] Бытовые очерки и картинки: собрание повестей и рассказов для детей старшего возраста / изд. М. Малышевой и А. Пеловой. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 8. – С. 495–496.
148. [Рец.:] Виновата ли кукла: 12 рассказов с 12 раскрашенными картинками / С. Д-с; изд. М. О. Вольф. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 3. – С. 191.
149. [Рец.:] Вучетич Н. Г. Две елки: рассказ для детей. М., 1881; На слке. М., 1881; Сон. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 2. – С. 122–123.
150. [Рец.:] Гофман. Лазутчик: рассказ / пер. с нем. Е. Юношевой; изд. [журнала] «Сотрудник школ» А. К. Залесской. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 5. – С. 314.
151. [Рец.:] Григорович Д. В. Прохожий: рассказ; Приключения Робинзона Крузе / сост. А. Н. Яхонтовым; изд. СПб. Комите-

- та грамотности. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 3. – С. 189–190.
152. [Рец.:] Детское чтение: иллюстрированный журнал / изд. В. П. Бородин, ред. В. П. Острогорский. 1880. Т. 1, 2; Игрушечка: журнал для детей: еженедельное иллюстрированное издание / ред.-изд. Т. Пассек. 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 1. – С. 52–64.
153. [Рец.:] Детство Александра Сергеевича Пушкина (биографический очерк) / изд. Общ-ва распростран. полезных кн. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 3. – С. 191–193.
154. [Рец.:] Живые колокольчики: рассказы для детей с картинками / изд. А. Г. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 6–7. – С. 402–404.
155. [Рец.:] Задушевное слово: периодическое издание / изд. М. О. Вольф; ред. С. М. Макарова. СПб., 1880. Т. 1–2 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 2. – С. 119–122.
156. [Рец.:] Знаменитые собаки: рассказы для детей старшего возраста. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 5. – С. 312–313.
157. [Рец.:] Золотая рыбка: сказочная быль в стихах (из жизни крестьянского мальчика). М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 8. – С. 496–498.
158. [Рец.:] Исторические рассказы / изд. Журнала «Воспитание и обучение». СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 10. – С. 599–600.
159. [Рец.:] Качулкова О. Робинзон в русском лесу: рассказ для детей / изд. Невской кн. торговли. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 6–7. – С. 394–395.
160. [Рец.:] Крапивина С. М. Родные картинки: этнографические очерки для детей старшего возраста. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 9. – С. 547–549.
161. [Рец.:] Рец. на кн.: Лапы и когти: история разумных животных, ручных и диких. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – С. 549–550.
162. [Рец.:] Маленькая хрестоматия. Вып. 1: А. С. Пушкин и другие. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 3. – С. 193.
163. [Рец.:] Маменькины рассказы: рассказы для маленьких детей по Фр. Гофману / изд. кн. маг. Битепажа. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 4. – С. 251.
164. [Рец.:] Между детьми: иллюстрированный сборник рассказов для детей / сост. И. Д.; изд. Общ-ва распростран. полезных

- кн. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 6–7. – С. 398–399.
165. [Рец.:] Минаев Д. Д. Дедушкины вечера: русские сказки для детей в стихах / изд. Плотникова. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 5. – С. 310–312.
166. [Рец.:] Моим любимцам: чтение для детей до 10 лет / изд. А. Г. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 9. – С. 550–551.
167. [Рец.:] Мурка. СПб., 1881; Митина нива. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 1. – С. 64–67.
168. [Рец.:] Мыльные пузыри / изд. Общ-ва распростран. полезных кн. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 6–7. – С. 401.
169. [Рец.:] Некрасов Н. А. Русским детям / изд. А. А. Буткевич. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 1. – С. 67.
170. [Рец.:] О делах житейских: рассказы старого учителя. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 5. – С. 309.
171. [Рец.:] Петушок, красный гребешок: сборник рассказов для детей / изд. И. Маляревского. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 10. – С. 602–603.
172. [Рец.:] Подарок за прилежание и благонравие / изд. Общ-ва распростран. полезных кн. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 5. – С. 313–314.
173. [Рец.:] Попов В. О. Дети. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 1. – С. 67.
174. [Рец.:] Потехин А. Крестьянские дети / изд. маг. «Начальная школа». М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 10. – С. 601.
175. [Рец.:] Путятин А. С. Рассказы из детской жизни: для детей 5–8 лет. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 4. – С. 249–250.
176. [Рец.:] Пчелка: чтение для старшего возраста / изд. Общ-ва распростран. полезных кн. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 5. – С. 310.
177. [Рец.:] «Расскажи еще!»: детские рассказы с картинками / изд. М. Ергольской. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 4. – С. 250–251.
178. [Рец.:] Рассказ о мальчике, который отыскивает своего отца, пропавшего без вести в Северном полярном море / пер. С. И. Нессоревой; изд. Е. Н. Ахматовой. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 6–7. – С. 395.

179. [Рец.:] Смалъс С. Путешествие мальчика вокруг света: жизнь в Виктории и переезд по железной дороге через Сев.<ерную> Америку / пер. с англ. Н. С. Кутейникова; изд. книжн. маг. «Нового времени». – Изд. 2-е. СПб., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 1. – С. 64–67.
180. [Рец.:] Журнал «Семья и школа»: детский отдел. Т. 1–2 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 2. – С. 116–119.
181. [Рец.:] Сон Лиды. Птичка. Из записок медведя. Трезор. Наша обезьяна. Коралловая брошка / изд. Общ-ва распростран. полезных кн. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. № 4. – С. 249.
182. [Рец.:] Телешевская О. Две были, одна сказка и небылица / изд. Общ-ва распростран. полезных кн. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 6–7. – С. 399–400.
183. [Рец.:] Тургенев И.С. Постоялый двор / изд. СПб. комитета грамотности. СПб., 1881; Коваленская А.Г. Крутиков / изд. СПб. Комитета грамотности. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 10. – С. 600–601.
184. [Рец.:] Шелехова Е. Басни. Ч. 1. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 4. – С. 252.
185. [Рец.:] Эзоп. Басни / изд. Общ-ва распростран. полезных кн. М., 1880 / Е. С. // Женское образование. – 1881. – № 6–7. – С. 396–398.

1882

186. [Рец.:] Авенариус В. П. Образцовые сказки русских писателей. СПб., 1882 / Е. С. // Женское образование. – 1882. – № 4. – С. 263–266.
187. [Рец.:] Верн Жюль. Доктор Окс. Драма в воздухе / пер. с франц. А. Владимировой. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1882. – № 2. – С. 133–135.
188. [Рец.:] Гудвиллович А. Я. Фонарик: рассказы для детей. М., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1882. – № 2. – С. 137–138.
189. [Рец.:] Иван-ротозей: книга для малых детей. СПб., 1881 / Е. С. // Женское образование. – 1882. – С. 135–137.

1884

190. Школьные типы (По поводу книги Лесгафта) / Е. Свешн. // Женское образование. – 1884. – № 10. – С. 668–672.

1885

191. Дешевая библиотека / Е. Свешникова // Женское образование. – 1885. – № 8. – С. 537–542.

1886

192. Книги для народного чтения: [Обзор 8 кн. изд. склада «Посредник»] / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 1. – С. 18–23.
193. Книги для народного чтения: [Обзор 5 кн. изд. склада «Посредник»] / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 2. – С. 45–46.
194. Книги для народного чтения: [Обзор 4 кн. изд. «Народной библиотеки» В. Н. Маракуева и 2 кн. изд. СПб. комитета грамотности] / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 3. – С. 58–61.
195. Книги для народного чтения: [Обзор 19 копечных кн. изд. Сытина и К^о] / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 5. – С. 104–106.
196. Книги для народного чтения: [Обзор стихотворных сборников, изд. постоянной комиссией по устройству народных чтений] / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 7. – С. 133–134.
197. Книги для народного чтения: [Обзор 8 дешевых кн. изд. О. В. Лузгиной] / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 7. – С. 134–136.
198. Книги для народного чтения: [Обзор 17 кн. изд. склада «Посредник»] / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 10. – С. 201–206.
199. Книги для народного чтения: [Обзор 12 кн. изд. «Народной библиотеки» В. Н. Маракуева] / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 11. – С. 219–220.
200. Книги для народного чтения: [Обзор 12 кн.: 4 – изд. Общ-ва распростран. полезных кн., 5 – ред. журнала «Русское богатство» и др.] / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 12. – С. 235–238.

1887

201. Книги для народного чтения: [Обзор 13 кн.: 7 – изд. Общ-ва распростран. полезных кн., 3 – Сытина и др.] / Е. С. // Женское образование. – 1887. – № 1. – С. 47–54.
202. Книги для народного чтения: [Обзор 14 кн.: 8 – Общ-ва распростран. полезных кн., 4 – Сытина и др.] / Е. С. // Женское образование. – 1887. – № 2. – С. 124–129.
203. Книги для народного чтения: [Обзор 18 кн., из них 17 – изд. Сытина] / [Б. п.] // Женское образование. – 1887. – № 3. – С. 189–193.
204. Книги для народного чтения: [Обзор 24 кн.: 3 – изд. «Посредника», 5 – Сытина и др.] / Е. С. // Женское образование. – 1887. – № 4. – С. 263–270.

205. Книги для народного чтения: [Рец. на 20 кн.: 2 – «Народной библиотеки» В. Н. Маракуева, 3 – Сытина, 13 – Общ-ва распростран. полезных кн. и др.] / Е. С. // Женское образование. – 1887. – № 5. – С. 322–328.
206. Книги для народного чтения: [Обзор 14 кн.: 7 – Сытина, 3 – «Посредника» и др.] / Е. С. // Женское образование. 1887. № 6–7. С. 451–460.
207. [Рец.:] Детские приюты: справочная книжка для лиц, имеющих надобность помещать детей в приюты. Вып. 1. СПб.: Изд. конторы доверенного С. П. фон Дервиз по благотворительным делам, 1886 / Е. С. // Женское образование. – 1887. – № 6–7. – С. 71–472.
208. Пушкин в изданиях 1887 г.: [Обзор 38 изданий А. С. Пушкина] / Е. Свешникова // Женское образование. – 1887. – № 8. – С. 534–543.
209. [Рец.:] Опыт периодического указателя книг для детского и народного чтения. № 1. 1887 / [Б. п.] // Женское образование. – 1887. – № 9. – С. 606–607.
210. Книги для народного чтения: [Обзор 13 кн.: 4 – Сытина, 2 – Кетрица, 3 – Общ-ва распростран. полезных кн. и др.; доп. к изданиям соч. А. С. Пушкина в 1887 г.] / Е. С. // Женское образование. 1887. – № 9. – С. 601–605.
211. Книги для народного чтения: [Обзор 42 кн.: 1 – А. А. Левенсона, 1 – СПб Комитета грамотности, 40 – кн. магазина «Народная польза»] / Е. С. // Женское образование. – 1887. – № 10. – С. 660–672.
212. Санкт-Петербургский Комитет грамотности (Очерк его деятельности) / Е. Свешникова // Женское образование. – 1887. – № 2. – С. 107–114 (отд. оттиск: [СПб.] [1887] – 8 с.).

1888

213. Книги для народного чтения: [Обзор 10 кн.: 4 – изд. Карцева, 3 – книгопродавца Морозова и др.] / Е. С. // Женское образование. – 1888. – № 1. – С. 52–54.
214. Книги для народного чтения: [Обзор 5 кн.: 1 – СПб. Комитета грамотности, 1 – Сытина, 3 – Общ-ва распростран. полезных кн.] / Е. С. // Женское образование. – 1888. – № 2. – С. 107–110.
215. Книги для народного чтения: [Обзор 17 кн. изд. Я. С. Самойлова, серия «Всеобщая библиотека»] / Е. С. // Женское образование. – 1888. – № 3. – С. 186–190.
216. Книги для народного чтения: [Обзор «Читальни народной школы», еженедельного журнала для детей из народа. СПб.,

1888. Вып. 1–12] / Е. С. // Женское образование. – 1888. – № 5. – С. 302–308.
217. Книги для народного чтения: [Обзор 46 кн.: 15 – изд. Сытина, 12 – ж. «Читальня народной школы», 5 – Общ-ва распростран. полезных кн. и др.] / Е. С. // Женское образование. – 1888. – № 6–7. – С. 407–415.
218. Книги для народного чтения: [Обзор 15 кн.: 8 – изд. ж. «Читальня народной школы», 3 – Сытина и др.] / Е. С. // Женское образование. – 1888. – № 8. – С. 490–494.
219. Дешевая библиотека / Е. Свешникова // Женское образование. – 1888. – № 10. – С. 621–629.
220. Книги для народного чтения: [Обзор 21 кн.: изд. ред. ж. «Чтение для народа», изд. ред. ж. «Мирской вестник», изд. ред. ж. «Чтение для солдат»] / Е. С-ва. // Воспитание и обучение. – 1888. – № 9. – Стб. 350–359.
221. [Рец.:] Что читать детям?: пособие для родителей и воспитателей при выборе книг для чтения и подарков для детей всех возрастов, для юношества и отрочества: полный каталог лучших русских книг для детей и юношества. [Б. м.] [Б. г.] / Е. С. // Женское образование. – 1888. – № 1. – С. 51–52.

1889

222. Книги для народного чтения: [Обзор 8 кн.: 5 – изд. «Читальня народной школы», 1 – «Народной библиотеки» В.С. Маракуева и др.] / Е. С. // Женское образование. – 1889. – № 4. – С. 286–288.
223. Книги для народного чтения: [Обзор 21 кн.: 5 – изд. Сытина, 4 – ж. «Читальня народной школы», 2 – «Народной библиотеки» В.С. Маракуева, 1 – ж. «Начальная школа» Тихомирова и др.] / Е. С. // Женское образование. – 1889. – № 5. – С. 360–364.

1890

224. Книги для народного чтения: [Обзор 6 кн.: 2 – изд. Жиркова и др.] / Е. С-ва // Женское образование. – 1890. – № 1. – С. 80–86.
225. Книги для народного чтения: [Обзор 10 кн. изд. Сытина] / Е. С-ва // Женское образование. – 1890. – № 2. – С. 195–202.
226. Книги для народного чтения: [Обзор 12 вып. ж. «Читальня народной школы»] / Е. С-ва // Женское образование. – 1890. – № 3. – С. 316–320.
227. Книги для народного чтения: [Обзор ж. «Читальня народной школы»: продолжение] / Е. С-ва // Женское образование. – 1890. – № 4. – С. 408–418.
228. Книги для народного чтения: [Обзор ж. «Читальня народной

- школы» за 1890 г.] / Е. С-ва // Женское образование. – 1890. – № 5. С. 509–515.
229. Книги для народного чтения: [Рец. на издания житий святых: 11 – изд. Сытина, 1 – Губанова, также изд. Синодальной типографии] / Е. С-ва // Женское образование. – 1890. – № 9. – С. 842–845.

1891

230. Книги для народного чтения: [Обзор 18 кн.: 7 – изд. Жиркова, 7 – Общ-ва распростран. полезных кн. и др.] / Е. С-ва // Женское образование. – 1891. – № 1. – С. 95–99.
231. Книги для народного чтения: [Обзор 22 кн.: 9 – изд. Сытина, 3 – Холмушина, 2 – свящ. Мельниковского, 1 – П. К. Прянишникова и др.] / Е. С-ва // Женское образование. – 1891. – № 2. – С. 202–206.

1893

232. Народные книги: кое-что о прошлом, настоящем и будущем народной литературы / Е. Свешникова // Образование. – 1893. – № 4. – С. 307–312; № 5–6. – С. 395–400.

1894

233. Народные книги / Е. Свешникова // Образование. – 1894. – № 5–6. – С. 554–564.
234. Народные книги: [Обзор 10 кн. серии «Приходская библиотека», 13 кн. изд. книжного склада А. М. Калмыковой и ж. «Читальня народной школы»] / Е. Свешникова // Образование. – 1894. – № 12. – С. 561–569.

1895

235. Народные книги: [Обзор 33 кн.: 5 – изд. постоянной комиссии по устройству нар. чтений, 2 – Моск. комитета грамотности, 2 – «Народной библиотеки» В. С. Маракуева и др.] / Е. Свешникова // Образование. – 1895. – № 7–8. – С. 89–96.
236. [Рец.:] Пругавин. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. – Изд. 2-е. – СПб., 1895; Частный почин в деле народного образования: сб. статей, изд. Моск. комитетом грамотности в пользу воскресных школ. М., 1895; Ежегодник: обзор книг для народного чтения и народных картин / изд. Моск. комитета грамотности. М., 1895 / Е. Свешникова // Образование. – 1895. – № 9. – С. 89–97.
237. Народные книги: [Обзор 35 кн.: 17 – изд. кн. маг. К. И. Тихомирова, 1 – Харьковского общ-ва распростран. в народе грамотности, 1 – Девриена, 1 – Прянишникова и др.] / Е. Свешникова // Образование. – 1895. – № 10. – С. 78–83.

1896

238. Народные книги: [Обзор изд. книжного склада П. К. Прянишникова] / Е. Свешникова // Образование. – 1896. – № 1. – С. 124–128.
239. Народные книги: [Обзор изд. Кузина] / Е. Свешникова // Образование. – 1896. – № 3. – С. 125–129.
240. Народные книги: [Обзор 36 кн.: 18 – изд. Сытина. 14 – Харьковского общ-ва распростран. в народе грамотности, 1 – Морозова и др.] / Е. Свешникова // Образование. – 1896. – № 5–6. – С. 166–173.
241. Народные книги: [Обзор 16 кн., изданных Общ-вом при постоянной комиссии по устройству народных чтений] / Е. Свешникова // Образование. – 1896. – № 7–8. – С. 196–200.

1897

242. Народные книги: [Обзор 27 изд. СПб. комитета грамотности] / Е. Свешникова // Образование. – 1897. – № 1. – С. 223–229.
243. Книги для детей: [Рец. на ж. «Всходы»] / Е. Свешникова // Образование. – 1897. – № 5–6. – С. 306–310.
244. Народные книги: [Рец. на ж. «Читальня народной школы», 1896 г.] / Е. Свешникова // Образование. – 1897. – № 5–6. – С. 314–317.
245. Народные книги: [Обзор 36 кн.: 18 – изд. Сытина, 3 – Харьковского комитета грамотности, 1 – Девриена и др.] // Там же. – 1897. – № 9. – С. 221–229.

1906

246. [Реферат:] Записка члена ученого комитета В. В. Сиповского по вопросу о введении в курс истории русской словесности новейшей русской литературы (Журнал Министерства народного просвещения, август, 1905 г.) / Е. С. // Педагогический сборник. – 1906. – № 1. – С. 89–92.
247. [Рец.:] Зорька, ежемесячный журнал для детей от 8 до 14 лет. Вильна, 1905, январь–сентябрь / Е. С. // Педагогический сборник. – 1906. – № 2. – С. 210–212.
248. [Рец.:] Корольков А. Е. Что читать детям? Сборник рецензий на лучшие детские книги и журналы, с приложением плана систематизации книг для детского чтения. Пособие при изучении детской литературы. М., 1906 / Е. С. // Педагогический сборник. – 1906. – № 2. – С. 213–215.
249. [Реферат:] Костылев Н. Народное просвещение и католическая реакция во Франции (Вестник Европы. Июль 1905 г.) / Е. С. // Педагогический сборник. – 1906. – № 1. – С. 92–94.

250. [Рец.:] Рубакин Н. А. Среди книг. Опыт справочного пособия для самообразования и для систематизации и комплектования общеобразовательных библиотек. СПб., 1906 / Е. С. // Педагогический сборник. – 1906. – № 1. – С. 108–110.
251. [Рец.:] Силаков А. Руководство к составлению учениками сочинений в связи с систематическим внеклассным чтением. Пособие для старших классов городских училищ (по положению 1872 г.) и учительских курсов при них, для учительских семинарий и для самообразования. М.: Изд. журналов «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1905 / Е. С. // Педагогический сборник. – 1906. – № 2. – С. 213.

1907

252. [Рец.:] Астрономическое обозрение. Научно-популярный журнал. 1907. №№ 1 и 2. Николаев / Е. С. // Педагогический сборник. – 1907. – № 5. – С. 469–470.
253. [Рец.:] Указатель наглядных учебных пособий. Издание Подвижного музея при постоянной комиссии по техническому образованию. СПб., 1906 / Е. С. // Педагогический сборник. – 1907. – № 5. – С. 466–467.
254. [Рец.:] Чернышов В. И. Русское детское чтение. Народные песни и сказки, выбранные и обработанные для детей младшего возраста. СПб., 1906 / Е. С. // Педагогический сборник. – 1907. – № 2. – С. 179.

1908

255. Систематический указатель статей, напечатанных в неофициальной части «Педагогического сборника» за время от 1893 по 1907 год включительно. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1908.

Литературная критика и публицистика

256. Два очерка Щедрина: [Рец.: Отечественные записки. 1878. № 8, 9] / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1878. – № 115. – 1 октября. – С. 1–2.
Рец. на очерки «Убежище Монрепо» и «Похороны».
257. [Рец.:] Дети Москвы. Современная идиллия: Отечественные записки. 1877. № 1, 2, 3 / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1877. – № 53. – 4 мая. – С. 1–2. Перепеч.: Денисюк Н. Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1905. Вып. 3. С. 195–198
Рец. на два рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина.

258. Длинный роман и коротенькая заметка: [Рец.: Отечественные записки. 1879. № 10, 11, 12] / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1880. – № 3. – 6 января. – С. 1–2.
Рец. на роман С. И. Смирновой «У пристани» и очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина «Предостережение», вошедший впоследствии в цикл «Убежище Монрепо».
259. Дядя и племянник: [Рец.: Отечественные записки. 1879. № 8] / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1879. – № 111. – 23 сентября. – С. 1–2.
Рец. на очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина «1 апреля – 1 мая» из цикла «Круглый год».
260. «За рубежом» Щедрина и «Бебе», рассказ Коронина: [Рец.: Отечественные записки. 1880. № 9] / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1880. – № 119. – 12 октября. – С. 1–3.
261. [Рец.:] Игрушечного дела людюшки (статья Щедрина): Отечественные записки. 1880. № 1 / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1880. – № 18. – 10 февраля. – С. 1–2.
262. [Рец.:] «На досуге» Н. Щедрина / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1877. – № 136. – 13 ноября. – С. 1–2. Перепеч.: Денисюк Н. Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1905. Вып. 3. С. 177.
263. Некоторые мотивы русской тоски [Рец.: Отечественные записки. 1880. № 11] / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1880. – № 141. – 30 ноября. – С. 1–2.
Рец. на очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина из цикла «За рубежом»; упомянуты статья А. Н. Энгельгардта «Из деревни» и очерк Н. Н. Златовратского «Устои».
264. О Щедринах и о последнем очерке его: [Рец.: Отечественные записки. 1880. № 12] / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1881. – № 8. – 13 января. – С. 1–2.
Рец. на очерк «Чужой толк».
265. [Рец.:] Отечественные записки (Январь 1879 г.) / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1879. – № 19–20. – 14 февраля. – С. 1–2.
Рец. на произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина: очерк «Первое января» из цикла «Круглый год» и рассказ «Больное место».
266. [Рец.:] Отечественные записки (Январь и февраль 1878 г.) / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1878. – № 34. – 22 марта. – С. 1–2.
Рец. на «Последнюю жертву» А. Н. Островского, очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дворянская хандра», рассказ Н. Яковлева «Как я прозрел», очерк А. Н. Энгельгардта «Из истории моего хозяй-

- ства»; упоминается о начале печатания романа В. Крестовского-псевдонима «Былое».
267. [Рец.:] Тряпичкины-очевидцы: Отечественные записки. 1877. № 8 / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1877. – № 109. – 11 сентября. – С. 1–2. Перепеч.: Денисюк Н. Критическая литература о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. – М., 1905. – Вып. 3. – С. 142–144
Рец. на очерк М. Е. Салтыкова-Щедрина.
268. Тьер по отзывам наших журналов / Некто из толпы // Кронштадтский вестник. – 1877. – № 122. – 16 октября / 29 октября. – С. 1–2.

Произведения для детского и народного чтения

269. Басурман. Сокращено по роману И. И. Лажечникова / Е. Свешникова. – СПб.: Изд. «Русского книжного магазина», 1886. – 60 с.¹
270. Бедность не порок. Взято из комедии А. Н. Островского / Е. Свешникова. – М.: Изд. И. Д. Сытина и К^о, 1887. – 36 с.²
271. Брат на брата / Б. п. – М.: «Посредник», 1886³.
272. Ваня / Б. п. // Детское чтение. – 1874. – Т. XI. – С. 325–346.
273. Весна-красна и Крылатка. Рассказы для детей / Е. С. – СПб., 1889.
274. Дедушка Крылов (Биографический очерк) / Е. Свешникова // Сборник рассказов и статей для учащихся. Приложение к «Педагогическому листку С.-Петербургских женских гимназий» 1875. № 1. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1875. – С. 66–91.
275. Деревенская знакомка / Е. Свешникова // Детское чтение. – 1874. – Т. XII. – С. 247–268.
276. Дети-товарищи / Е. С-ва // Детское чтение. – 1872. – Т. VII. – С. 1–13.
277. Добрый старик / Е. Свешникова. – М.: Изд. И. Д. Сытина, 1887. – 18 с.⁴ (см. № 278).
278. Егор Алексеевич / Е. Свешникова // Детское чтение. – 1885. – № 10. – С. 58–63 (см. № 277).
279. Жизнь Франциска Ассизского / Б. п. – М.: «Посредник», [1885] (в последующих изд.: Франциск Ассизский)⁵.

¹ Всего 9 изданий, последнее – 1916 г.

² Известно переиздание 1891 г.

³ Известно 7 изданий, 6-е – 1909 г.

⁴ 5 изданий, последнее – 1911 г.

⁵ 8-е изд. – 1912 г.

280. Из путешествия по Черногории (по кн.: Meylan A. A travers l'Herzégovine / Б. п. // Сборник статей и рассказов для учащихся старшего возраста. 2-е Приложение к журналу «Женское образование». 1877. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1878. – С. 121–133⁶.
281. Князь Серебряный. Сокращено из романа А. К. Толстого / Е. Свешникова. – СПб.: Изд. «Русского книжного магазина», 1886. – 64 с.⁷
282. Кузьма Захарыч Минин-Сухорук. Из драматической хроники А. Н. Островского. Переделано Е. Свешниковой. – [СПб.]: Изд. Е. Свешниковой, [1886]. – 32 с.⁸
283. Наездница / Е. С-ва // Детское чтение. – 1872. – Т. VIII. – С. 330–350.
284. Ледяной дом (По роману И. И. Лажечникова) / Б. п. – М.: Ред. журн. «Детское чтение» и «Педагогический листок», 1901. – 2-е изд.⁹
285. Любимая книга. Рассказ / Е. П. Свешникова. – М.: Тип. Вильде, 1903. – 16 с. (Библиотека для семьи и школы)¹⁰.
286. Наша собака / Е. Свешникова // Детское чтение. – 1875. – Т. XIV. – С. 275–288.
287. О зырянах. Этнографический очерк / Е. С-ва // Сборник рассказов и статей для учащихся. Приложение к «Педагогическому листку С.-Петербургских женских гимназий» 1875 г. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1875. – С. 169–199.
288. Отчего иным людям худо живется? / Е. С-ва // Детское чтение. – 1873. – Т. IX. – С. 115–126.
289. Скупой и его дочь / Б. п. – М.: Изд. Сытина, 1886. – 72 с.
290. Сорок стихотворений для младшего возраста. Сборник, составленный Е. Свешниковой. – М.: Тип. Общ-ва распростран. полезных книг, 1891. – 40 с.
291. Старая сказка про Кандида-Простодума. Пересказана Е. Свешниковой. – М.: Тип. И. А. Баландина, 1900¹¹.
292. Фабиола, или древние христиане / Б. п. – М.: Изд. кн. скл. «Посредник», 1886. – 70 с.¹².

⁶ Перепеч.: Сборник статей и рассказов для юношества. Изд. журн. «Женское образование». – СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1879. С. – 121–133.

⁷ 13-е изд. – 1917 г.

⁸ Были переиздания.

⁹ 6-е изд. – 1915 г.

¹⁰ Известно издание 1902 г.

¹¹ 2-е изд. – 1903 г.

¹² 8-е изд. – 1913 г.

293. Черногория, Босния и Герцеговина. Этнографический очерк / Е. Свешникова // Сборник статей и рассказов для учащихся старшего возраста. 1-е Приложение к журналу «Женское образование». – СПб.: Тип. В. Демакова, 1876. – С. 65–84¹³.

ЛИТЕРАТУРА О Е. П. СВЕШНИКОВОЙ

Рецензии на книги и статьи

1. *Алчевская А.А.* [Рец.:] *Добрый старик. Е. Свешниковой* / изд. И. Д. Сытина. М., 1887 / А. А. // *Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения.* – СПб., 1889. – Т. 2. – С. 316. – Изд. 2-е, испр.
2. *Алчевская Х.Д.* [Рец.:] *Брат на брата.* М., 1886 / Х. А. // *Что читать народу?* – Т. 2. – С. 88–91.
3. *Алчевская Х.Д.* [Рец.:] *Франциск Ассизский. Е.П. Свешниковой.* М., 1886 / Х. А. // *Что читать народу?* – Т. 2. – С. 72–73.
4. [Б. п.] 28 книг, изданных складом «Посредник» // *Русский начальный учитель.* – 1886. – № 8–9. – С. 420–421 (в том числе: *Фабиола, Франциск Ассизский, Брат на брата*).
5. [Б. п.] [Рец.:] *Книги для народного чтения* // *Женское образование.* – 1887. – № 2. – С. 129 (в том числе: *Скупой и его дочь.* М.: Изд. Сытина, 1886).
6. [Б. п.] [Рец.:] *Скупой и его дочь.* М., 1887; *Кузьма Захарьич Минин-Сухорук.* Из драматической хроники Островского, переделано Е. Свешниковой. СПб., 1887 // *Русская мысль.* – 1887. – № 4. – С. 254–255.
7. *Долгий Ив.* [Обзор:] *Женское образование. Педагогический листок для родителей, наставниц и наставников, издаваемый при С-Петербургских гимназиях.* 1877. № 1–3 // *Педагогический музей.* – 1877. – № 7. – С. 513.
8. *Ефимович Л.Е.* [Рец.:] *Фабиола или древние христиане.* М., 1886; *Фабиола или древние христиане* / изд. «Посредника». СПб., 1887 / Л. Е. // *Что читать народу?* – Т. 2. – С. 83.
9. *Иванов Дм.* «Родник» // *Русский начальный учитель.* – 1887. – № 6–7. – С. 302 (отзыв о «Басурмане»).

¹³ Перепеч.: Сборник статей и рассказов для юношества. Изд. журн. «Женское образование». – СПб.: Тип. В. Демакова, 1877. – С. 65–84.

10. *Калмыкова А. М.* [Рец.:] Басурман. Сокращено из романа Лажечникова Е. Свешниковой / изд. Русского книж. магазина. СПб., 1886; Князь Серебряный. Сокращено из романа гр. А. К. Толстого Е. Свешниковой. СПб., 1880 / А. К. // Что читать народу? – Т. 2. – С. 683–684.
11. *Калмыкова А. М.* [Рец.:] Козьма Минин. Из драматической хроники А. Н. Островского. Переделано Е. Свешниковой / изд. Е. Свешниковой. СПб., 1887 / А. К. // Что читать народу? – Т. 2. – С. 684.
12. *Ольденбург А. П.* Книги для народного чтения / А. О. // Воспитание и обучение. – 1887. – № 3. – С. 49 (в том числе: Козьма Захарьич Минин-Сухорук; Скупой и его дочь).
13. *Ольденбург А. П.* Книги для народного чтения / А. О. // Воспитание и обучение. – 1888. – № 2. – Стб. 37 (в том числе: Добрый старик).
14. *Пенго Н. П.* [Рец.:] Скупой и его дочь. М., 1887 / Н. П. // Что читать народу? – Т. 2. – С. 308.
15. *Позняков Н. И.* [Рец.:] Басурман: сокращено из романа Лажечникова Е. Свешниковой / изд. Русского книжного магазина. СПб., 1886 / Н. П-я-ъ. // Женское образование. – 1886. – № 8. – С. 554.
16. *Позняков Н. И.* [Рец.:] Весна-красна и Крылатка. Рассказы для детей. Е. С. СПб., 1889 / Н. П-я-ъ // Женское образование. – 1889. – № 8. – С. 521.
17. *Позняков Н. И.* [Рец.:] Князь Серебряный: сокращено Е. Свешниковой из романа графа А. К. Толстого / издание Русского книжного магазина. СПб., 1886] / Н. П-я-ъ // Женское образование. – 1885. – № 10. – С. 680.
18. *Свешникова Е.* Книги для народного чтения / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 2. – С. 46 (в том числе: Франциск Ассизский).
19. *Свешникова Е.* Книги для народного чтения / Е. Св. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 10. – С. 206 (в том числе: Фабиола).
20. *Свешникова Е.* Книги для народного чтения / Е. С. // Женское образование. – 1887. – № 1. – С. 53 (в том числе: Бедность не порок. Взято из комедии А. Н. Островского. Е. Свешниковой. М.: Изд. Сытина, 1886; Кузьма Захарьич Минин-Сухорук. Из драматической хроники А. Н. Островского. Е. Свешниковой. СПб.: Изд. Свешниковой, 1886).
21. *Тимофеева-Ольденбург А. П.* По поводу статьи г-жи Свешниковой «Дешевые библиотеки» / А. Т. // Женское образование. – 1886. – № 10. – С. 211–212.

22. *Феоктистов И. И.* Обзор детских журналов за 1885 год: «Детское чтение» / Ив. Ф. // Воспитание и обучение. – 1886. – № 5. – С. 95 (в том числе: Егор Алексеевич, очерк Е. Свешниковой).
23. *Чена Адр.* [Рец.:] Женское образование. 1876. № 3–8 // Педагогический музей. – 1876. – № 12. – С. 742–743.
24. *Чена А.* [Рец.:] Сборник статей и рассказов для учащихся старшего возраста. 1-е и 2-е Приложения к журналу «Женское образование». СПб., 1876 // Педагогический музей. – 1877. – № 1. – С. 30.

О деятельности Е. П. Свешниковой

25. *Веселовский Б. Б.* Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии. – Тверь, 1914. – С. 219–222, 250.
О деятельности С. на посту начальницы Тверской земской женской учительской школы.
26. *Вильям Фрей* // Русские Пропилеи. Т. I. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собр. М. Гершензон. – М., 1915. – С. 349, 353–360.
С. как корреспондент Вильяма Фрея; его письмо к С. от 5 октября 1886 г.
27. *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. – СПб., 1889. – С. 224.
Названы три публикации С. и отзыв о ней в «Новом времени».
28. *Гревс Ив.* В годы юности (За культуру). Отрывок второй // Былое. – 1921. – № 16. – С. 155–158.
Единственное мемуарное свидетельство о С.: характеристика ее человеческих и деловых качеств; сведения о круге общения.
29. *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. – М., 1970. – С. 446.
Упоминание С. как сотрудницы «Посредника».
30. Доклады Тверской губернской земской управы очередному земскому собранию сессии 1899 г. – Тверь, 1900.
Благодарность С. за труды по заведованию справочно-педагогическим бюро.
31. Журналы заседаний Тверского очередного губернского собрания очередной сессии 1900 г. 10–27 ноября 1900 г. и приложения к ним. – Тверь, 1901. – С. 236 (паг. 2-я).
Баллотировочные листы на выдачу пособия С. в размере 1000 рублей.

32. Журналы заседаний Тверского очередного губернского собрания сессии 1902 г. 28 ноября – 15 декабря и приложения к ним. – Тверь, 1903. – С. 2.
Благодарность С. за пожертвование 1000 рублей.
33. Заседания С.-Петербургского Комитета грамотности // Женское образование. – 1887. – № 5. – С. 337.
Доклад С. о современных лубочных книгах, сделанный 5 мая 1887 г.
34. Из личных библиотек учителей школы П. П. Максимовича: Список литературы к выставке // 125-летие Школы Максимовича. Юбилейные чтения / Сост. Е. И. Березкина, Т. А. Ильина. – Тверь, 1997. – С. 76–78.
Перечень некоторых книг из библиотеки С.
35. Ильина Т. А. Тверская земская учительская школа П. П. Максимовича: Опись документальных материалов // Книги. Библиотеки. История: Статьи, публикации, сообщения. – Тверь, 1993. Вып. 1. – С. 36, 41.
Приведены названия рукописных материалов С.
36. История Санкт-Петербургского комитета грамотности (1861–1895) / Сост. Д. Д. Протопопов. – СПб., 1898. – С. 34, 107, 110.
Об участии С. в деятельности комитета.
37. Кайданова О. Очерки по истории народного образования в России и СССР на основании личного опыта и наблюдений. Берлин, 1938. – С. 176, 515.
С. как начальница школы Максимовича и член Санкт-Петербургского комитета грамотности.
38. Кетриц Б. Воспоминания о Санкт-Петербургском комитете грамотности // Санкт-Петербургский комитет грамотности (1861–1911): Исторический очерк и воспоминания Константина Диксона и Б. Кетрица. – СПб., [1911]. – С. 52.
Об участии С. в деятельности комитета.
39. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. – М., 1957. – Т. II. – С. 260, 361; 1958. – Т. III. – С. 69, 71; 1960. – Т. IV. – С. 425.
40. Материалы для истории Тверского губернского земства: 1886–1908 гг. / Сост. И. К. Гудзь; под ред. А. Н. Полтева. – Тверь, 1909. – Т. 6. – С. 1672–1673.
О пожертвовании С. выделенных ей для лечения денег на нужды школы.
41. Некрасова Е. Народные книги для чтения. – Вятка, 1902. – С. 53, 66, 68.
Упоминание реферата С. о лубочных книжках. Приписывает С. авторство ряда книжек, ей не принадлежащих.

42. *Новый Педагог*. Педагогическое обозрение // Новое время. – 1880. – № 1587, – 30 июля / 11 августа. – С. 2.
Положительный отзыв о заметках С. «Как детей портят».
43. «Педагогический сборник» за пятьдесят лет. 1864–1914: Краткий исторический очерк / Сост. И. С. Симонов. – Пг., 1914. С. 63.
44. *Пономарев С. И.* Наши писательницы: Библиографический словарь русских писательниц князя Н. Н. Голицына. СПб., 1889 // Сборник ОРЯС. Т. LII. № 7. – СПб., 1891. – С. 54.
10 дополнений к заметке о С. в словаре Н. Н. Голицына.
45. Протокол заседания Комитета грамотности 8 апреля 1886 г. // Русский начальный учитель. – 1886. – № 6–7. – С. 335–338.
Об избрании С. в члены комитета.
46. Протокол заседания Комитета грамотности 24 февраля 1887 г. // Русский начальный учитель. – 1887. – № 3–4. – С. 183–184.
О пожертвовании С. книг; сообщение С. о лубочных картинах.
47. Протокол заседания Комитета грамотности 5 мая 1887 г. // Русский начальный учитель. – 1887. – № 11. – С. 494–496.
Доклад С. о «современном положении лубочной книжной торговли». Избрание С. в комиссию по устройству библиотеки комитета.
48. *Пругавин А. С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. – М., 1890 – С. 211, 216, 235.
Отсылки к материалам доклада С. о лубочных книгах.
49. *Рапопорт С. А.* Очерки народной литературы / С. А. Ан-ский. – СПб., 1894. – С. 70–72, 94.
Упоминание С. в числе женщин, участвовавших в развитии народной литературы. О деятельности С. в СПб комитете грамотности; переделки для народного чтения произведений известных авторов.
50. *Строганова Е. Н.* Из истории женского движения 1870–1880-х годов (Е. П. Свешникова) // Женщины. История. Общество: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. И. Успенская. – Тверь, 1999. – Вып. 1. – С. 96–107.
51. *Строганова Е. Н.* «Некто из толпы»: автобиография и биография Е. П. Свешниковой // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете / Отв. ред. В. И. Успенская. – Тверь, 2000. – С. 125–135.
52. *Строганова Е. Н.* Роман И. И. Лажечникова «Басурман» в переложении Е. П. Свешниковой // Лажечников и Тверской край:

- Статьи и материалы / Ред. А. Ю. Сорочан. – Тверь, 2005 – С. 260–270.
53. *Строганова Е. Н.* Елизавета Петровна Свешникова // Тверская область : энциклопед. справочник [Электронный ресурс]. – Электрон. текстовые дан. – Тверь, 2001. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
54. *Строганова Е. Н.* «Свешникова милая...» // Друзья и гости Ясной Поляны: Материалы научной конференции, посвященной 160-летию С. А. Толстой / Отв. ред. В. И. Толстой; сост. Т. В. Комарова. – Тула, 2006. – С. 79–86.
55. *Строганова Е. Н.* У истоков народной книги // Культура и провинция: Тезисы докладов. – Липецк, 1990. – С. 17–19.
56. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Юб. изд. – М., 1934–1953. – Т. 25, 50, 63, 64, 65, 83, 85.
57. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма 1882–1883. – Л., 1968. – Т. XIII. Кн. 2. – С. 198, 225.
58. Финансы Тверского губернского земства: 1886–1908 гг. / Сост. И. К. Гудзь; под ред. А. Н. Полтева. – Тверь, 1910. – С. 114–115. *О пожертвовании С. выделенных ей на лечение в 1901 г. денег «для улучшения содержания учащихся».*
59. Школа Максимовича / Сост. Т. А. Ильина. – Тверь, 1992. – С. 29. *Об отказе С. принять выделенные ей на лечение деньги с просьбой израсходовать их на нужды школы (публикация).*
60. Школа Максимовича [Электронный ресурс] / Твер. гос. ун-т. Науч. б-ка. – Тверь, 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
61. *Юкина И. И., Гусева Ю. Е.* Женский Петербург: Опыт историко-краеведческого путеводителя. – СПб., 2004. – С. 184–186.
62. *Яновский А. Е.* Народная литература / А. Я. // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. – СПб., 1897. – Т. XX-A. – С. 579. *Упоминание С. в числе издательниц народных книг.*

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ
Е. П. СВЕШНИКОВОЙ В ТВЕРСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Е. П. Свешникова оставила в Твери собранную ею библиотеку народных книг, особенно ценных тем, что многие из них содержат маргинальные пометы. Работая с этими изданиями, она писала свои библиографические обзоры и составляла библиотечные каталоги. Как целостное образование эта библиотека представляет собой явление уникальное: по всей видимости, это единственная дошедшая до нашего времени «живая» библиотека народных изданий.

1. *Авилова Л.* Сын: рассказ. — М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1899. — 16 с.

На тит. л. в подзагл.: № 336.

На обложке карандашная помета «№ 336».

2. *Александров Вл. Ивашечко:* старинная украинская сказка на новый лад. — Харьков: Тип. окружного штаба, 1882. — 77, [4] с.: ил.

На обложке чернильный автограф «Е. П. Свешникова».

3. *Андреевская М.* В чужом пиру похмелье: Взято из комедии Островского: рассказ. — М.: Тип. И. Ермакова: Изд. В. И. «Кскуль», 1894. — 36 с. — (Правда).

На тит. л.: № 61.

На обложке в левом верхнем углу карандашом написана цена «1½».

На внешней стороне задней части обложки: «Ц. 1 ½».

4. *Андреевская М.* Гроза: Взято из комедии Островского: рассказ для взрослых. — М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. В. И. «Кскуль», 1892. — (Правда).

На тит. л.: № 43.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения — «24 нояб.<ря> 91 г.». Полуистершиеся надписи «№ 43» и «Для взрос.<лых>».

Сохранилась лишь часть книги (титульный лист, передняя часть обложки и 12 страниц).

5. Андрей и Марфа: новгородское предание времен Иоанна Грозного. – СПб.: Изд. ред. журнала «Чтение для народа», 1886. – 20 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
На внутренней стороне задней части обложки заметка: «Рассказ несложный, но довольно характерный и недурно изложенный. Годится в народные библиотеки; возбуждает сожаление к бедной девушке, чувство которой смято чужим произволом».
6. *Арсеньев А. В.* Восвода на Олонце: исторический рассказ. *Додэ А.* Беглец / пер. с фр. А. В. Арсеньева. – СПб.: [Тип. В. Бездоброва и комп.]: Изд. книжного магазина Д. Ф. Федорова (сына), 1887. – 28 с.: ил. – (Дешевая библиотека).
На обложке карандашный автограф: «Е. Свеш.».
7. *Архангельская М. В.* Приключения русских промышленников: Заимствовано из сочинений Гризенгера / пер. с нем. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. И. Д. Сытина и К^о, 1887. – 71 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «10 апр. <еля> 87 г.».
8. Барон: рассказ. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1889. – 31 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «28 янв. 89 г.».
9. *Барыкова А. П.* Спасенный: повесть в стихах: из Теннисона. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1888. – 54 с.
На тит. л. в подзагл.: № 84.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
10. *Бахметева А. Н.* Крепость: рассказ для детей. – Изд. 4-е. – М.: [Тип. В. Гатцук]: Изд. А. Д. Ступина, 1886. – 32 с.: ил. – (Библиотечка Ступина).
На последней странице помещено стихотворение А. Хомякова «Вечерняя песнь».
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «3 мар. <та> 86 г.», в левом верхнем углу – «№ 30».
11. *Бахметева А. Н.* Как Русь освободилась из-под татарского ига в 1480 году. – Изд. 3-е. – М.: [Тип. бр. Вернер]: Изд. А. Д. Ступина, 1888. – 40 с.: ил. – (Библиотечка Ступина).
Название на обложке – «Освобождение Руси от татарского ига».
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», дата цензурного разрешения – «4 сент. <ября> 87 г.», в левом верхнем углу – «№ 29».
12. Бедные дети. I. Воровской сын: рассказ / Н. С. Лесков. II. Мастеричка: рассказ / Н. А. Лейкин. III. Бродяга: рождественский рассказ / К. С. Баранцевич. – М.: Тип. Вильде, 1901. – 53, [1] с.
На тит. л. в подзагл.: № 165.
На обложке карандашная помета «№ 165».

13. Белый и черный: рассказ / под ред. журнала «Русское богатство». – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1887. – 36 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «27 окт.<ября> 86 г.».
Отсутствует задняя часть обложки.
14. *Бестужев А.А.* Аммалат-бек: кавказская быль / А. Марлинский. – Изд. 2-е. – СПб.: [Тип. А. Суворина]: Изд. А. С. Суворина, 1889. – 208 с. – (Дешевая библиотека).
Передняя часть обложки и титульный лист отсутствуют. Привадежность книги Е. П. Свешниковой устанавливается по наличию в ее библиотеке других книг А. Марлинского, изданных в «Дешевой библиотеке» А. С. Суворина.
15. *Бестужев А.А.* Латник: рассказ партизанского офицера / А. Марлинский. – СПб.: [Тип. А. Суворина]: Изд. А. С. Суворина, 1889. – 78 с. – (Дешевая библиотека).
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», в левом верхнем углу – «№ 75».
16. *Бестужев А.А.* Наезды: повесть 1613 года; Изменник / А. Марлинский. – Изд. 2-е. – СПб.: [Тип. А. Суворина]: Изд. А. С. Суворина, 1887. – 164, VIII с. – (Дешевая библиотека).
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», в левом верхнем углу – «№ 32».
17. *Бестужев А.А.* Фрегат «Надежда» / А. Марлинский. – Изд. 2 е. – СПб.: [Тип. А. Суворина]: Изд. А. С. Суворина, 1887. – 176, VIII с. – (Дешевая библиотека).
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», в левом верхнем углу – «№ 25».
18. *Благовещенский Аполлос.* Степаныч-старичок: посмертный биографический очерк сельского дьячка 40-60-х годов. – Изд. 2-е. – Кострома: Губернская тип., 1891. – 62 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и неточная дата цензурного разрешения – «5 нояб.<ря> 90 г.» (25 ноября 1890 г.).
Книга не разрезана, отсутствует задняя часть обложки.
19. *Блинов Николай.* Свет и во тьме светит! Посвящается графу Льву Николаевичу Толстому: драматический эскиз в пяти сценах. – Сарапул: Тип. А. Л. Пойловой, 1888. – 76 [4] с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «23 сент.<ября> 87 г.».
20. *Богатырев П. И.* Лучинушка: рассказ. – М.: [Тип. Вильде]: Изд. книгопродавца Морозова, 1888. – 36 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
21. <*Боголюбов Н.*> Кораблекрушение: историческое происшествие. – М.: [Типолит. Т-ва М. Г. Кувшинова], 1886. – 24 с. – («Народная библиотека»).

Название на обложке – «Рассказы старого матроса».

Фамилия автора устанавливается по кн.: Что читать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения. – СПб., 1889. – Т. 2. С. 945.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и надпись карандашом: «Не одоб.<рено>».

На с. 10 на полях карандашом отчеркнуты слова: «Остров был совершенно безлюден. На другой день, как им казалось, они недавно ночевали с дикарем на нем: они тогда нашли много раковин и ключевую воду».

На последней странице чернильная заметка: «Видим единственно внешнюю сторону крайне драматических происшествий. Внимание от начала до конца поддерживается, но мысли (и даже чувству в настоящем смысле его) не над чем работать».

22. Был ли он трусом? – СПб.: [Тип. П. Вошинской]: Изд. книгопродавца Т. Ф. Кузина, 1889. – 32 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

Карандашные подчеркивания в тексте: с. 1: «идиот» и «жестикულიрующая»; с. 2: «наций»; с. 3: «эпитет» и «мускулов»; с. 8: «нишу».

23. *Быстренин В.* Сухарь: очерк из жизни городской бедноты. – М.: Тип. «Рассвет»: Изд. В. Я. Муринова, 1893. – 32 с.

На тит. л. в надзагл.: № 6.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», дата цензурного разрешения – «2 дек.<абря> 92 г.». Карандашная надпись: «Для взрослых».

24. В чем правда: сборник рассказов для юношества. I. В чем правда? / К. Баранцевич. II. Христианка: быль / И. Горбунов-Посадов. III. Подвиг дикарки: быль / А. Барыкова. IV. Ружье: рассказ / Л. Львов. V. Вперед: поэма / О. Чумина. VI. Стрелочник. VII. Который из двух / Ф. Коппе; пер. В. Лихачева. VIII. Мать: из Андерсена – М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1893. – 89 с.

На тит. л. в подзагл.: № 150.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «17 авг.<уста> 92 г.»; надпись чернилами: «Дет.<ская> оч.<ень> х.<орошо>».

Отсутствуют первые 8 страниц текста и задняя часть обложки.

25. *Васильев П. Г.* Сиротка: сцены из народного быта. – СПб.: Тип. С. Добродеева, 1882. – VII, 31 с. – (Детский театр).

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», в левом верхнем углу карандашом «Одобр.<ено>».

26. Великая сила доброго слова. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1886. – 35 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг).

На тит. л.: № 472.

- На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и полустершаяся дата – «каб. 85», видимо, цензурного разрешения – 9 декабря 1885 г. Не все страницы разрезаны, отсутствует задняя часть обложки.
27. *Вересаев В.* Страшная смерть невинного человека: былль. – Харьков: Тип. губернского правления: Изд. Харьковского Общества распространения в народе грамотности, 1896. – 78 с.
На обложке карандашная помета: «Доп.<олинительно>».
28. *Возюэ М.Е.* Рассказы француза про русских / пересказал по-русски Дядя Антон. – М.: Изд. типографии А.А. Карцева, 1886. – 50 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «23 мар. 86 г.». Кроме того, полустершаяся карандашная надпись: прочитывается «Не одобр.<ено>» и «Ц. 3 к.». Карандашные пометы в тексте: с. 31: подчеркнуто слово «железный» («железный солдатский крест Св. Георгия»), на полях поставлен вопросительный знак; с. 33: внизу заметка: «лишние отступления».
29. *Водовозов В.* Три клада или Никита и его дочери. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. В. И.<кскуль>, 1893. – 53 с. (Правда).
На тит. л.: № 50.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова». В левом верхнем углу полустершаяся надпись в три строчки, прочитывается слово «дочь».
На листе, следующим за титульным, название, над ним карандашная надпись «Хлеб», внизу: «Сказка. – В. Водовозова».
30. Воздушное путешествие: рассказ. – СПб.: [Тип. П. Вошинской]: Изд. книгопродавца Т. Ф. Кузина, 1889. – 32 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
31. Волны жизни. Старец Зосима / по Достоевскому, Катерина / Т. Шевченко; извлечение из перевода Гербеля. Шинель: извлечение из Н. В. Гоголя. О земле и небе. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. В. И.<кскуль>, 1892. – 106 [1] с.: ил. (Правда).
На тит. л.: № 41.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «17 мая 91 г.».
В левом верхнем углу чернильная надпись: «№ 41. Для взрос.<лых>».
Книга почти не разрезана.
32. Война двух племен в Эндилендской школе: рассказ. – СПб.: [Тип. П. Вошинской]: Изд. книгопродавца Т. Ф. Кузина, 1889. – 30 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
33. *Гаршин Всеволод.* Сказание о гордом Аггее. – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1900. – 35 с.
На тит. л. в подзагл.: № 380.
На обложке рукою Свешниковой карандашная помета «№ 380».
Не разрезаны с. 13–16, 21–24, 25–28, 33–36.

34. *Голицын С. В.* Волк и шахматы: рассказ. — М.: Тип. Т. Рис, 1878. — 32 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
Не разрезаны с. 11–14, 19–22.
35. Голодный год. 1. Сиротка: рассказ / П. Заблоцкая. 2. Федосеевна: рассказ / И. Бунин. — Харьков: [Тип. губернского правления]; Изд. Харьковского общества распространения в народе грамотности, 1893. — 32 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова». В левом верхнем углу чернильная надпись «Подр.<ажательно>»; справа цена «1½ к.».
Отсутствуют с. 5–28.
36. *Горбунов-Посадов И.* Рох и его собака: рассказ; Нам жизнь дана, чтобы любить: стихотворение. — М.: Отделение типографии Т-ва И. Д. Сытина, 1901. — 30, [1] с.
На обложке карандашная надпись: «Ж.<урнал> М.<инистерства> Н.<ародного> П.<росвещения>, н. 903, б<есплатные>. н.<ародные> б.<иблиотеки> и ч.<итальни>».
37. *Григорович Д. В.* Четыре времени года: повесть. — СПб.: [Тип. В. Безобразова и комп.]; Изд. книгопродавца Н. Г. Мартынова, 1893. — XIV, 65 с.
На обложке в надзагл.: «Повести, рассказы и очерки Д. В. Григоровича».
На обложке в левом верхнем углу карандашная помета «Одоб.<рено> 58 стр.».
Книга не разрезана.
38. *Гиппиус З.* Злосчастная: рассказ. — М.: Тип. Вильде, 1895. — 36 с. — (Для взрослых).
На тит. л. в подзагл.: № 118.
На обложке карандашная помета «№ 118».
39. Гуак, или Непреоборимая верность: рыцарская повесть. — М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1890. — 60 с.
На обложке карандашный автограф «Е. П. Свешникова».
Книга не разрезана. Отсутствует задняя часть обложки.
40. *Диккенс Ч.* Возвращенный преступник: рассказ старого священника. — М.: [Типолит. Т-ва М. Г. Кувшинова], 1886. — 16 с. — (Народная библиотека).
На обложке год издания: 1887.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
Книга не разрезана.
41. *Добротворский П. И.* Большак, или Любимый внук бабушки: рассказ. — М.: Типолит. Д. А. Бонч-Бруевича; Изд. книжного склада П. К. Прянишникова, 1894. — 31 с.
На обложке год издания: 1895.
На обложке печать «Е. П. Свешникова».

42. *Добротворский П. И.* Добрые люди. Добрый человек; Сумасшедшая; Тетя Наша: рассказы. – М.: Типолит. Д. А. Бонч-Бруевича: Изд. книжного склада П. К. Прянишникова, 1895. – 48 с. На тит. л. в подзагл.: № 37.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
Отсутствует задняя часть обложки.
43. Дюжина без одной серебряных позолоченных столовых ложек: невымышленный случай. – СПб.: [Тип. В. С. Балашева]: Изд. ред. журнала «Чтение для солдат», 1886. – 44 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», в левом верхнем углу карандашом: «Одобр.<ено>».
44. Дядя Мартын, или Сон наяву. – М.: Тип. И. П. Байкова, 1886. – 36 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг).
Переделка рассказа Л. Н. Толстого «Где любовь, там и бог».
На обложке название «Дядюшка Мартын».
На тит. л.: № 469.
В книге помещен также рассказ под названием «Похвали свою жену».
На обложке чернильные надписи: автограф и дата – «30 мая 85», не являющаяся датой цензурного разрешения (на обл. – 15 февраля 1885 г., в книге – 13 мая 1885 г.).
Отсутствует задняя часть обложки.
На с. 5 карандашом подчеркнуто «коморка», на с. 6 – «важный» («важный сапожник»), на с. 19 – «красавица».
45. *Жуковский В. А.* Агасвер, вечный жид; поэма. М.: Печатня С. П. Яковлева, 1870. – 77 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг).
На обложке поперек карандашного чернильный автограф «Е. Свешникова».
Разрезаны только предисловные страницы.
46. *Засодимский П. В.* Из сказок жизни. I. «Король спит!» II. Василек. III. Бабочка и дитя. – СПб.: Типолит. А. М. Вольфа: Изд. М. К., 1891. – 30 [1] с.: ил. – (Добрые души. Чтение для детей и для народа).
На тит. л. в подзагл.: № 1.
На обложке чернильная надпись «Е. С.».
В тексте первого рассказа пометы красным карандашом: с. 7: знак конца и на полях «+ 8» (здесь и в других аналогичных случаях, видимо, подсчитываются строки); следующие за этим абзацы отмечены пунктиром на полях; с. 8: знак начала; с. 9: знак конца и на полях «+ 10»; с. 10: абзац выделен знаками начала и конца и написано «+ 11»; с. 11: знак начала; с. 12: знак конца; через один абзац – знак начала; с. 14: зачеркнутый знак конца; с. 16: знак конца; подчеркнуты слова «три щенка» и «обезьяна Мико»; с. 17: подчеркнуты слова «ложился на ковер», «хватали его за платье».

47. *Златовратский Н. Н.* Деревенский король и Горе старого кабана: два рассказа. – М.: Тип. М.Г. Волчанинова: Изд. В. Я. Муринова, 1892.

На обложке в надзагл.: № 1.

От книги сохранилась лишь передняя часть обложки с чернильным автографом «Е. Свешникова» и датой цензурного разрешения – «22 апреля 92 г.».

48. Из жизни запорожских казаков. – СПб.: [Тип. Е. Евдокимова]: Изд. книжного склада А. М. Калмыковой, 1893. – 36 с. – (Жизнь прежде и теперь).

На тит. л. в надзагл.: № 2.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

Отсутствуют с. 5–28.

49. *Изергин А.* Крупеничка: сказка в стихах. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1884. – 27 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг) (Русские сказки).

На тит. л.: № 387.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», дата цензурного разрешения – «8 июля 83 г.», в левом верхнем углу «№ 8», чернилами: «Одоб.<рено> М<инистерством> П<росвещения>, карандашом: «Одоб.<рено> 59 с.».

50. *Изергин А.* Семен малый: сказка в стихах. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1884. – 28 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг) (Русские сказки).

На тит. л.: № 384.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», дата цензурного разрешения – «8 июля 83 г.», в левом верхнем углу «№ 4», карандашом написано: «Одоб.<рено> 59 с.».

Книга не разрезана.

51. *Изергин В.* Говор цветов: сказка в стихах. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1884. – 22 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг) (Русские сказки).

На тит. л.: № 389.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», дата цензурного разрешения – «28 авг.<густа> 83 г.», в левом верхнем углу «№ 11», карандашом: «Одоб.<рено> 59 с.».

52. *Изергин В.* Соловьиная песня: сказка в стихах. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1884. – 18 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг) (Русские сказки).

На тит. л.: № 383.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», дата цензурного разрешения – «8 июля 83 г.», в левом верхнем углу «№ 3», карандашом: «Одоб.<рено> 59 с.».

Разрезаны с. 3–8.

53. Илья Муромец, крестьянский сын: по сборникам Кирши Данилова, Киреевского, Рыбникова и Гильфердинга / сост. В. и Л. Р-н. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1891. – 71 с. – (Русские народные былины).
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
54. Иоанн-воин: рассказ из времен первых христиан. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1886. – 34 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», дата цензурного разрешения – «20 дек.<абр> 85 г.», в левом верхнем углу зачеркнуто «23», рядом написано «19».
55. *Иокай Мавр.* Кладбищенские привидения: рассказ / пер. А. С. Размадзе. – М.: [Тип. А. А. Фаворского], 1889. – 30 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
Отсутствует задняя часть обложки.
56. *К-ий И.* За батьковский грех: повесть из украинских преданий. – М.: [Тип. Вильде]: Изд. книгопродавца Е. А. Губанова, 1890. – 108 с.
На обл. чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «3 мар.<та> 90 г.».
Разрезаны начальные страницы, отсутствует задняя часть обложки.
57. Какие есть на земле растения и какая от них польза человеку. – СПб.: [Тип. Е. Евдокимова]: Изд. книжного склада А. М. Калмыковой, 1893. – 32 с. – (Силы природы и труд человека).
На тит. л. в надзагл.: № 6.
На обложке чернильный автограф «Е. Свеш.».
На с. 11 (рассказ о кокосовой пальме) помета: «Рассказ Таропыгина»; на с. 13 (рассказ о банане) знак вопроса, относящийся к информации о том, что плоды банана имеют величину с пол-аршина, «с пол-аршина» подчеркнуто.
58. *Капнист В. В.* Ябеда: комедия в пяти действиях: пособие для классного чтения / объяснения П. Н. Полевого. – Изд. 2-е. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1891. – 90, V с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «31 октяб.<ря> 90 г.».
59. *Карамзин Н. М.* Марфа посадница, или Покорение Новгорода: историческая повесть. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1888. – 108 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «26 марта 88 г.».
Книга не разрезана.
60. *Карманов П.* Пропавшая совесть: сказка. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1887. – 36 с.
Переделка сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть».
На обл. чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – 19 декабря 1886 г.
Отсутствует задняя часть обложки.

61. *Кассиров И.* В чем наше счастье: рассказ из крестьянского быта. – М.: [Тип. Вильде]; Изд. книгопродавца Е. А. Губанова, 1886 – 36 с.

На обложке год издания: 1887.

Переложение сказки Н. П. Вагнера «Счастье».

На обложке поверх карандашного чернильный автограф «Е. Свешникова».

Страницы книги испещрены карандашными пометами стилистического характера: замена слов (с. 7: вместо «детям» – «им»); с. 31: вместо «священник» – «пастор»); изменение предложений (с. 31–32: «...что человек недовольный своей судьбой, подпадает различным тревогам и неудобствам в жизни, и только немногие, весьма твердые и сильные духом люди, достигают желанной цели...»). Зачеркнута часть предложения со слова «различным» и вписано: «под власть духа сатанинской гордости и погибает»); вместо русских имен и фамилий восстанавливаются имена оригинала (с. 9: вместо «г. Варламов» – «Ванлоо», с. 12: вместо «Максим» – «Макс» и т. д.). Нет помет на с. 8, 19, 28, 29.

Отсутствует задняя часть обложки.

62. *Кашей:* пьеса в трех действиях / сост. для народного театра. – СПб.: [Тип. брат. Пантелеевых]; Изд. народного журнала «Мирской вестник», 1879. – 29 с.

На обл. чернильный автограф «Е. Свешникова», карандашом написано: «Не одобр.<ено>».

На с. 29 чернильные пометы на полях возле заключительных реплик (характер помет не вполне понятен, похоже на знаки начала и конца).

На внутренней стороне задней части обложки написано: «Совсем не художественно. Нравится своей поучительностью, не имеющей сухой формы».

63. *Ключников В. М.* Богоданка: Деревенская побывальщина: рассказ. – Казань: Тип. В. М. Ключникова, 1886. – 59 с.

На обл. карандашный автограф «Е. Свешникова».

64. *Коппэ Франсуа.* Прощение: драма в одном действии, в стихах / пер. А. Барыковой. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1892. – 36 с.

На обложке в подзагл.: № 144.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «20 февр.<аля> 92 г.».

65. *Коровин В. Д.* Веселый дед: рассказ. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1882. – 29 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг).

На тит. л.: № 334.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «15 мая 82 г.».

66. *Короленко В.* Приемш: быль. – М.: Тип. И. Я. Полякова, 1893. – 18 с.

На тит. л. в подзагл.: № 119.

На обл. карандашная надпись «Для взрослых».

67. *Кузминская Т.* Бешеный волк: истинное происшествие. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1891. – 36 с. – (Правда).

На тит. л. в подзагл. – № 5.

На обл. чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «4 д.<екабря> 90 г.».

68. *Лавренков Михаил.* Чистосердечная исповедь простолюди-на. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг: Изд. Общества распространения полезных книг, 1886. – 34 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «18 февр.<аля> 85», карандашом – «№ 440».

69. *Лазаревич Лазо К.* У колодца (На бунару) / пер. Сергея Шарапова. – М.: Русское Т-во печатного дела Лашкевич, 1891. – 24 с. – (Восточно-европейские писатели в русском переводе).

В подзагл.: Сербы № 1.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата разрешения – «Июль 91 г.».

70. *Ланин В.* Историческая повесть из времен татарского погрома. – СПб.: [Тип. Т-ва «Общественная польза»]: Изд. постоянной комиссии народных чтений, 1880. – 64 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и полустертая дата цензурного разрешения – «<3 ию>ля 80 г.».

71. *Лесков Н. С. I.* Лев старца Герасима: восточная легенда. II. Повесть о богоугодном древоколе: по старинному прологу. – М.: Изд. И. Д. Сытина и К°, 1890. – 36 с.: ил.

На тит. л. в подзагл.: № 92.

На обложке год издания: 1889.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и, видимо, дата цензурного разрешения – «25 мая 89 г.».

Отсутствует задняя часть обложки.

72. *Лесков Н. С.* Прекрасная Аза: легенда по старинному прологу. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1890. – 36 с.: ил.

На тит. л. в подзагл.: № 92.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «24 мая 89 г.».

73. *Лесков Н. С.* Совесть Данила и Прекрасная Аза: две легенды по старинному прологу. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1889. – 71 с.

В подзагл.: № 91.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «25 февр.<аля> 89 г.», внизу – «Ц. 3 коп.».

На внутренней стороне задней части обложки другой рукой написано: «Новый адрес книжного склада “Посредник”: Петербург. Лиговка. д. № 31».

74. *Лето: сборник рассказов, стихов и статей с полезными сведениями / сост. И. И. Горбунов-Посадов.* – М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1895. – 176 с.
На тит. л. в подзагл.: № 209.
На тит. л. рукою Свешниковой карандашная помета, уточняющая имя составителя, – «Горб.<унов>-Посадовъ».
Отсутствует задняя часть обложки.
75. *Львов Сергей.* Что людям пожелаешь, то и себе будет. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1888. – 36 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «21 мая 88 г.».
76. *Малорусские сказки (Бытовые).* – М.: [Типолит. Т-ва М. Г. Кувшинова]; Изд. «Народной Библиотеки», 1886. – 15 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и полустершаяся карандашная надпись: «Одобр.<ено>».
77. *Маляревский Ив.* Осьминог Вакула. – Изд. 3-е. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1892. – 31 с. – (Для народного чтения).
На обложке карандашный автограф «Е. Свешникова».
78. *Мердер Н. И.* Шапка: рассказ для маленьких детей / Н. Северин. – СПб.: Тип. Э. Гоппе, 1890. – 19 с.: ил.
Бесплатное приложение к журналу Родник за 1890 год. – Отд. изд.
На обложке печать «Е. Свешникова».
79. *Мертвое тело: рассказ.* – М.: [Тип. А. А. Фаворского], 1889. – 36 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата – «июль 89» (цензурное разрешение – 29 марта 1889 г.).
80. *Михайлов Владимир.* Горькая судьбина: повесть. – М.: [Тип. Ф. Иогансон]; Изд. книгопродавца А. А. Абрамова, 1888. – 143 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
81. *Михайлова С.* Невзгода: рассказ. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. И. Д. Сытина и К^о, 1888. – 36 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «26 мар.<та> 88 г.».
82. *Михеев В. М.* По хорошей веревочке (По хорошей дорожке): народная комедия из сибирской жизни: в 3 действиях. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1889. – 127 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «22 июля 88 г.».
83. *Народ богатырь, или Французский год в Москве и русские люди в 1812 г. во время народной войны: историческая повесть: в 3-х частях.* – М.: Тип. В. Я. Барбей; [Тип. И. И. Байкова], 1883. – 213, [2] с.
На обложке карандашный автограф «Е. Свешникова».
Отсутствует задняя часть обложки.

84. Наседка тетки Кэрри. – СПб.: [Тип. П. Вошинской]: Изд. книгопродавца Т. Ф. Кузина, 1889 – 32 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
85. Не гонись за большим, малое потеряешь, или Как крестьянин Петр Гужов наживал деньги в Москве: рассказ / под ред. журналы «Русское богатство». – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1886. – 36 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «29 апр.<еся > 86 г.».
Отсутствует задняя часть обложки.
86. *Немирович-Данченко В. И.* Близнецы. – СПб.: [Тип. СПб. акционерного общества печатного дела в России Е. Евдокимова], 1900. – 63 с. – (Книжка за книжкой).
На обложке карандашная надпись: «Ж.<урнал> М.<инистерства> Н.<ародного> П.<росвещения> дек.<абрь> 901, учен.<ические> б.<иблютеки> н.<изших> у.<чебных> з.<аведений>».
87. *Немирович-Данченко Вас. И.* Живодер: повесть. – М.: Тип. «Рассвет»: Изд. В. Я. Муринова, 1893. – 63 с.
В надзагл.: № 5.
На обложке карандашом написано: «нар.<одные> чит.<альни>».
88. *Немирович-Данченко В. И.* Забытый рудник: рассказ. – М.: Тип. А. А. Карцва, 1885. – 52 с.
На обложке год издания – 1884.
На обложке карандашная надпись: «Одобр.<ено>».
89. Несчастные: сборник рассказов. 1. Нищий / Ги де Мопассан. 2. Старый Васька / Ги де Мопассан. Ванька / А. П. Чехов. – М.: Тип. «Рассвет»: Изд. Книжного склада А. М. Муриновой, 1895. – 31 с.
В надзагл.: № 16.
На обложке карандашная надпись: «Ж.<урнал> М.<инистерства> Н.<ародного> П.<росвещения>. июль 90 г. Кат.<алог> б.<есплатных> н.<ародных> ч.<итален>. «Нар.<одная> чит.<альня>»; сверху: «Не для детей».
90. Несчастные: сборник рассказов. Босьяк или «Колокол»; Лошадь «Коко» / Ги де Мопассан. Ванька / А. П. Чехов. Воровской сын / из рассказа Н. С. Лескова. Бродяга / К. С. Баранцевич. Рождественская ночь / К. М. Станюкович. Рассказ о купце / Ф. М. Достоевский. Андель / Г. Сенкевич. – М.: [Тип. Вильде]: Изд. магазина «Книжное дело», 1903. – 70 с.: ил. – (Для школ и домашнего чтения).
На обложке чернильная надпись: «Беспл.<атные> б.<иблютеки>. «Ж.<урнал> М.<инистерства>. 903 г.».
91. *Нефедов Ф.* Перевозчик Ванюшка: рассказ. – М.: Русская типолит.: Изд. для школ и грамотного народа И. Ф. Жиркова, 1893. – 32 с.
В надзагл.: № 13.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «27 янв.<аря> 93 г.».

92. *Новосильцева Е. В.* Благовещение: повесть / Т. Толычева. – М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. – 43 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и, видимо, дата цензурного разрешения – «10 марта 86 г.», карандашом: «Одоб.<рено>. 66 стр.».

Отсутствует задняя часть обложки.

93. *Новосильцева Е. В.* Крест патриарха Филарета / Т. Толычева. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1885. – 76. с.: ил.

На обложке карандашный автограф «Е. Свешникова», помета: «Одоб.<рено>. 66 стр.».

94. *Новосильцева Е. В.* Наталья Борисовна Долгорукова и березовские ссыльные / Т. Толычева. – Изд. 2-е. – М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. – 64 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «3 марта 90 г.».

95. *Новосильцева Е. В.* Рассказы старушки об осаде Севастополя (с тремя портретами) / Т. Толычева. – Изд. 2-е. – М.: Тип. А. А. Карцева, 1887. – 84 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и карандашная надпись: «Одоб.<рено>. 66 стр.».

96. О сильном и могучем богатыре Добрыне Никитиче. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1888. – 36 с. – (Русские народные былины).

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «24 мар.<та> 88 г.».

97. Один для всех: рассказ. – СПб.: [Тип. В. С. Балашева]: Изд. ред. журнала «Чтение для солдат», 1887. – 28 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», в левом верхнем углу – «Одоб.<рено>».

98. *Одюбон Яков.* Приключения в американских лесах, степях и на реках: рассказы. – М.: [Типолит. Т-ва М. Г. Кувшинова], 1886. – 16 с. – («Народная библиотека»).

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и в левом верхнем углу – «Не одоб.<ено>».

99. Орлеанская дева Жана Д'Арк / сост. С. А. Брагинская. – СПб.: [Тип. Дома призрен.<ия> малолетн.<их> бедн.<яков>], [Тип. А. Мучника]: Изд. книгопродавца А. А. Холмушина, 1889. – 32 с.: ил.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», карандашом проставлена дата – «14 янв.<аря> 89 г.» (дата цензурного разрешения – 13 сентября 1888 г.).

Отсутствует задняя часть обложки.

100. *Толстой Лев*. Осада Севастополя: сокращено по «Рассказам о Севастопольской обороне». – М.: Тип. И. Я. Полякова, 1893. – 72 с. На тит. л. в подзагл.: № 31.

На обложке рукою Свешниковой карандашная помета: «№ 31».

101. *Острогорский А. Н.* В своем кругу: повести и рассказы. Как проводит день Мэри; Моя мать; Детство Карла Линнея; Колюшки; Умные рыбы; Неожиданное горе; Иван Иванович; Дробинка; Няня; Моя белка; Заяц; Лиса; Комары; Барбос; Рассказ пастуха; Беспокойная ночь; Осел; Прерванная вечеринка; Старый инвалид; Городская ласточка; Голубиная почта; Листок бумаги; Старые книги; Паша-пастух; Колька; Маленькая сестренка; Ворчунья; В турецкой неволе. – Изд. 2-е, испр. – СПб.: [Тип. и хромолит. А. Траншель]; Изд. книжного магазина П. В. Луковникова, 1889. – 228 с.: ил.

Конволют: см. № 97–99.

На обложке дарственная надпись: «Уважаемой Елизавете Петр. Свешниковой на память от автора».

На тит. л. карандашная надпись: «Для низш.<их> уч.<илищ>».

102. *Острогорский А. Н.* Детский альманах: сборник рассказов. Небольшое зимнее путешествие; Наводнение 1857–1880 годов; Лед тронулся!; Миклухо-Маклай; На Новой Земле; Во сколько дней можно совершить кругосветное путешествие; Как быстро могут двигаться машины, люди и проч.; Железная дорога на Везувий; Воздушные путешествия; Педро Серрано (Настоящий Робинзон); Рождественский рассказ; Как празднуют Рождество; Где делаются игрушки; Пряничная ярмарка в Париже; Гастрономия в Китае; Новый год; Яловцы; Крыса; Праздник в честь обезьян; Из истории кошки; Смывленность собаки; Влияние цветных лучей на развитие животных; Майский союз в Финляндии; Поимка кита; Смесь; Продолжительность жизни; Дальновзоркость некоторых птиц; Миражи; Вес земного шара; Взрыв керосиновых ламп; Письмо, обошедшее земной шар; Задачи, загадки и проч. – Изд. 3-е, испр. – СПб.: [Тип. Т-ва «Общественная польза»]; Изд. книжного магазина П. В. Луковникова. – 1889. – 180 с.: ил.

Конволют: см. № 96, 98, 99.

На обложке дарственная надпись: «Уважаемой Елиз. Петр. Свешниковой на память от автора».

103. *Острогорский А. Н.* По белу свету: сборник рассказов. Караван в степи; Жизнь в оазисах; Пожар в степи; Первобытные леса; Водопад Ниагара; Дюны; На голландских плотинах; Альпийская горная область; Охота за сернами; Снежные вершины; Горные ледники; Случай на леднике; Восхождение Соссюра

на Монблан; Пещеры; Подводные вулканы; Ледовитое море; Пурга; На маяке. – Изд. 2-е., испр. – СПб.: [Тип. Эдуарда Гоппе]: Изд. книжного магазина П. В. Луковникова, 1889. – 184 с.: ил. Конволют: см. № 96, 97, 99.

На обложке дарственная надпись: «Елиз. Петр. Свешниковой от автора».

На тит. л. рукою Свешниковой: «Для низш.<их> уч.<илищ>».

104. *Острогорский А. Н.* У рабочих людей: сборник рассказов. Полевые работы; Друзья и враги сельского хозяина; Корова; Польза приручения животных; Польза от четвероногих домашних животных; Рыбаки на Волге; Рассказ старого казака про тюлений промысел; Бурлаки; Рубка и доставка леса; Через лес; Охотничьи рассказы; В рудниках; Соль и солотоварни; Соляное царство; Чумаки; Офеня; Водолазы; Сестра Марта; Английский поэт Георг Крабб. – Изд. 2-е., испр. – СПб.: Изд. книжного магазина П. В. Луковникова. – 180 с.: ил. Конволют: см. № 96–98.

Обложка и титульный лист отсутствуют.

105. *Острогорский А. Н.* Что придумали люди, чтобы не бояться грозы: из книги «Среди природы»: рассказ. – СПб.: [Тип. Т-ва «Общественная польза»]: Изд. книжного магазина П. В. Луковникова, 1894. – 19 с.: ил.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

106. *Пазухин А.* Пустынное дело: рассказ. – М.: [Тип. И. Я. Полякова]: Изд. книгопродавца И. А. Морозова, 1895. – 35 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

107. *Погожева Е.* Клятвопреступник: из рассказов бабушки. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1888. – 59 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «88 г. 24 мая».

108. *Погожева Е.* Не в деньгах счастье: из рассказов бабушки. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1889. – 90 с.

На обложке штамп справочно-педагогического бюро Тверской губернской земской управы и чернильная помета Свешниковой: «Для взрослых».

На тит. л. карандашная заметка: «В книжке слишком много житейского реализма, чтобы можно было дать ее в руки детей (обольщение хорошей девушки, плутовская торговля, купля и продажа [1 сл. нрб.] и т. п.».

На с. 4 на полях карандашом отчеркнуты несколько предложений.

109. *Погожева Е.* Стражник Яша: из рассказов бабушки. – Изд. 3-е. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1890. – 32 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «5 марта 90 г.». Карандашом написано: «Одоб.<рено>». 63 стр.».

110. *Погорельский Антон*. Черная курица, или Подземные жители: волшебная повесть для детей. – СПб.: [Тип. А. С. Суворина]: Изд. А. С. Суворина, 1888. – 56, VIII с. – (Дешева́я библиотека).
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и «№ 64».
Книга не разрезана.
111. *Погоский А.* Неспособный человек: быль: издание для юношества. – СПб.: [Паровая скоропечатня П. О. Яблонского]: Изд. Н. Фену и К°, 1893. – 92, [1] с.: ил.
На тит. л. карандашная надпись: «Одоб.<рено>».
112. *Позняков Н. И.* Святочные рассказы; Из милого далека. – [СПб.]: Изд. книжного магазина П. В. Луковникова, 1892. – 64 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «2 апреля 92 г.».
113. *Полевой Н. А.* Повесть о суздальском князе Симеоне: историческая повесть. – Изд. 3-е. – М.: [Тип. Елизаветы Гербек]: Изд. книгопродавца М. В. Клюкина, 1899. – 87 с. – (Добрые души. Чтение для детей и для народа).
На обложке чернильная надпись: «Кат.<алог> нар.<одных> «чит.<ален>. 107 стр.».
114. *Поливанов Н. П.* Рассказы ученикам начальных народных училищ. Без отца. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1885. – 15 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг).
На тит. л.: № 460.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «12 нояб.<ря> 84 г.».
115. *Поливанов Н. П.* Рассказы ученикам начальных народных училищ. I. Лошадь украли. II. Мельница. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1884. – 17 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг).
На тит. л.: № 397.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
116. *Поливанов Н. П.* Рассказы ученикам начальных народных училищ. Трактирщик. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1883. – 20 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг).
На тит. л.: № 399.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «20 авг.<уста> 83».
117. *Правда в сказках*. – СПб.: Тип. департамента уделов, 1880. – 64 с.
На обложке карандашный автограф «Е. Свешникова».
118. *Принц Мордж (История одной собаки)*: рассказ. – СПб.: [Тип. П. Вошинской]: Изд. книгопродавца Т. Ф. Кузина, 1889. – 31 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

119. Про лису: сборник сказок, басен и статей. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. В. И. <кскуль>, 1891. – 54 с. – (Правда).
На тит. л.: № 8.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «20 дек.<абря> 90 г.». В левом верхнем углу пометы: «№ 8» и «Дет.<ям>».
120. Про льва, про слона, про тигра и про разных других зверей: сборник басен, рассказов и статей. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. В. И. <кскуль>, 1891. – 50, [3] с.: ил. – (Правда).
На тит. л.: № 12.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «7 янв.<аря> 91 г.». В левом верхнем углу пометы: «№ 12» и «Дет.<ям>».
121. Про обезьяну-мартышку и про медведя-мишку: сборник сказок, басен и статей. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1891. – 53 с.: ил. – (Правда).
На тит. л. в подзагл.: № 7.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «4 дек.<абря> 90 г.». В левом верхнем углу: «№ 7» и «Одоб.<рено>».
122. Пушкин А. С. Золотая рыбка: народная сказка / переделанная для детского театра В. Яковлевым, с пением, танцами и превращениями, в 3 действиях и 4 картинах с апофеозом. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел: Изд. В. Бенуа, 1892. – 18 с. – (Русский детский театр. В.Я.Я. Вып. 1).
На обложке в правом верхнем углу карандашом: «Е. С.».
123. Пэйверинт П. Попутчик: рассказ. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. «Посредника», 1887. – 34 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «28 нояб.<ря> 86 г.», в левом верхнем углу – «№ 40». Карандашная помета: «Ж<урнал> М<инистерства> Н<ародного> П<росвещения>. 7/904 б.<иблюотеки> нар.<одных> чит.<ален>».
124. Разин А. Откуда пошла Русская земля и как стала быть: русская история в повестях. 3. Денница спасения (945–969 г.). – СПб.; М.: [Тип. М. О. Вольфа]: Изд. книгопродавца М. О. Вольфа, 1875 – 52 с.
На обл. чернильный автограф «Е. Свешникова».
125. Рассказы в сельской школе. – Изд. 2-е. – М.: [Тип. А. А. Гатцука]: Изд. А. Д. Ступина, 1889, – 64, [1] с.: ил. – (Общедоступная библиотека Ступина).
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «20 мар.<та> 89 г.».
126. Резенер Ф. Славные жизни: десять биографий замечательных женщин: рассказаны для юношества старшего возраста

по иностранным источникам. – Изд. 2-е., без измен. книги «Жизнеописания замечательных женщин». – СПб.: [Тип. и лит. Л. Бермана и Г. Рабиновича]: Изд. Л. Бермана и Г. Рабиновича, 1885. – VIII, 192 с.: ил. – (Библиотека для юношества).

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

127. Рождественский подарок: рассказ. – СПб.: [Тип. В. С. Балашева]: Изд. ред. народного журнала «Мирской вестник», 1885. – 13 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

128. Рождественская сказка. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. «Посредника», 1887. – 36 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», дата цензурного разрешения – «17 июля 86 г.», в левом верхнем углу – «№ 37».

129. *Сагайдачная Настя*. У неволи: оповидання. – Харьков: [Тип. М. Зильберберга]: Изд. книжного магазина Б. Хавкина и Д. Полухтова, 1886. – 39 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата – «24 окт. <ября> 85 г.» (цензурное разрешение – 28 сентября 1885 г.).

30. Сборник стихов. Вып. второй. – Изд. 2-е. – СПб.: [Тип. д-ра М. А. Хана]: Изд. постоянной комиссии по устройству народных чтений, 1885. – 44 с. – (Народные чтения).

На обложке поверх карандашного чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «25 янв. <аря> 85 г.».

Отсутствует задняя часть обложки.

31. Сборник театральных пьес / под ред. А. А. Фёдорова-Давыдова. – М.: [Типолит. И. И. Пашкова], 1906. – 44 с. – (Домашний театр).

Бесплатное приложение к журналу «Путеводный огонек» за 1906 год. – Отд. изд.

На обложке рукою Свешниковой: «Домик-крошка в два окошка» (название первой пьесы).

32. *Сенкевич И. Г.* Мальчик Геркулес (Орсо): рассказ. – Изд. 2-е. – М.: [Типолит. Т-ва М. Г. Кувшинова], 1887. – 32 с. – (Народная библиотека).

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

Книга не разрезана.

33. *Серебровский Е.* В бору и Лучше поздно, чем никогда: рассказы. – М.: [Тип. И. Д. Сытина и К^о]: Изд. И. Д. Сытина и К^о, 1887. – 36 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «12 дек. <абря> 86 г.».

34. *Серебровский Е.* Месть: рассказ. – М.: [Тип. И. Д. Сытина и К^о]: Изд. И. Д. Сытина и К^о, 1887. – 34 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «12 дек. <абря> 86 г.».

Отсутствует задняя часть обложки.

135. *Серебровский Е.* На родине: рассказ. – СПб.: [Тип. В. С. Балашева]; Изд. ред. журнала «Чтение для солдат», 1886. – 16 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», надпись: «Не одоб.» Карандашом написано: «Этот рассказ есть 1 ½ коп. <еечно> издания Сытина (в числе десяти книжек Серебровского).»

Отсутствует задняя часть обложки.

136. *Серебровский Е.* Неожиданное наследство: рассказ. – СПб.: [Тип. В. С. Балашева]; Изд. ред. журнала «Чтение для солдат», 1886. – 12 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», надпись карандашом: «Неодобр.<ено>».

После слова «рассказ» карандашом в скобках написано «Серебровского» и чуть ниже: «Есть в 1 ½ коп. <еечно> изд. Сытина».

137. *Сеткова (Катенкамн) А. П.* Братья: рассказ. – СПб.: Тип. д-ра М. А. Хана: Изд. Общества при постоянной комиссии по устройству народных чтений, 1884. – 54 с.: ил.

На обложке поверх карандашного чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «29 сент.<ября> 83». Нечитаемая карандашная надпись.

138. *Сеткова (Катенкамн) А. П.* Лучшая месть: рассказ. – СПб.: [Тип. д-ра М. А. Хана]; Изд. Общества при постоянной комиссии по устройству народных чтений, 1884. – 45 с.: ил.

На обложке поверх карандашного чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «25 фев.<раля> 84 г.», карандашом написано: «Одоб.<рено>». 66».

139. Сказки в стихах / собр. А. Павловская. – СПб.: Типография Т-ва «Общественная польза»: Изд. Т-ва «Общественная польза», 1871. – 114 с.

На обложке печать «Е. П. Свешникова».

Книга не разрезана.

140. Славное Севастопольское сиденье: чтение для войск и народа / сост. А. В. Арсеньев. – СПб.: [Тип. В. Безобразова и комп.]; Изд. книжного магазина Д. Ф. Федорова (сына), 1887. – 51 с.

На обложке рукою Свешниковой чернилами: «Одоб.<рено> для публ.<ичного> чтения в сообщ.<ении> г. Мин.<инистра> Н.<ародного> Пр.<освещения> попечителю одесск.<ого> учебн.<ого> окр.<уга> 6 июня 90 г.».

141. *Случевский К.* Книжки моих старших детей. Т. I, кн. 2-я: Последние минуты Перуна; Дьячок; Воскресшие. – М.: Университетская тип., 1890. – 36 с.

Параллельная нумерация 43–76.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

142. *Случевский К.* Книжки моих старших детей. Т. I, кн. 3-я: Два дня в древнем Египте, за 5000 лет до нас; Бандурист. – М.: Университетская тип., 1890. – 48 с.
Параллельная нумерация 79–124.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова»; рядом с названием первого произведения чернильная заметка: «Оч.<ень> хорошо, если начать с конца 6-й страницы». На с. 6 отмечено место, с которого следует начать (последний абзац).
143. *Случевский К.* Книжки моих старших детей. Т. I, кн. 4-я: Лунную ночью; Полдневный час; На военном судне. – М.: Университетская тип., 1890. – 35 с.
Параллельная нумерация 127–150.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
144. *Случевский К.* Книжки моих старших детей. Т. I, кн. 5-я: Великаны и старцы растительного мира; Рассвет в деревне. – М.: Университетская тип., 1890. – 33 с.
Параллельная нумерация 163–193.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова»; рядом с названием первого произведения чернильная заметка: «Содержательно и интересно».
145. *Случевский К.* Книжки моих старших детей. Т. I, кн. 6-я: Выстрел; Дубок; Огненная жертва. – М.: Университетская тип., 1890. – 30 с.
Параллельная нумерация 195–224.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
146. *Случевский К.* Книжки моих старших детей. Т. I, кн. 7-я: Дон-Кихот и Санхо; Пруд; Поездка на водопад Кивач. – М.: Университетская тип., 1890. – 29 с.
Параллельная нумерация 225–253.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
147. *Случевский К.* Книжки моих старших детей. Т. I, кн. 8-я: Завянет ли? Первое тепло; Буря на Ледовитом океане. – М.: Университетская тип., 1890. – 30 с.
Параллельная нумерация 255–284.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
148. *Случевский К.* Книжки моих старших детей. Т. I, кн. 9-я: Императрица Екатерина II и киевские угодники; Две тучи; Охота на Климецком острове. – М.: Университетская тип., 1890. – 29 с.
Параллельная нумерация 285–313.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова»; рядом с названием первого произведения чернилами: «Хор.<ошо>», рядом с названием третьего – «Хор.<ошо>, живо».
149. *Случевский К.* Книжки моих старших детей. Т. I, кн. 10-я: Ко-

ринфская капитель; Памяти отца; Китовый промысел. – М.: Университетская тип., 1890. – 30 с.

Параллельная нумерация 315–344.

Передняя часть обложки отсутствует. Принадлежность книги Е. Свешниковой устанавливается по наличию в ее библиотеке предшествующих выпусков.

150. *Соковнина Л.Л.* Дети, школа и учитель: рассказ для чтения в народных училищах. – Изд. 5-е. – М.: [Тип. Т-ва А. Левенсон и К°]: Изд. магазина «Сотрудник школ» А. К. Залесской, 1888. – 39 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», карандашом написано: «Одоб.<рено>. 65».

151. *Соколов А.А.* Весна: Из воспоминаний детства: для детей. – М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1885. – 147 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», в левом верхнем углу – «Не одоб.<рено>».

152. *Соловьев-Несмелов Н.А.* Ночь на Рождество: рассказ. *Иванов-Классик А. Ф.* Капля крови и Сон Маши: рассказы в стихах. – СПб.: [Тип. В. Безобразова и Комп.]: Изд. книжного магазина Д. Ф. Федорова (сына), 1886. – 45 с.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

153. *Толстой Л.Н.* Чем люди живы: рассказ. – М.: [Типолит. И. Н. Кушнерева и К°]: Изд. «Народной библиотеки», 1883. – 31 с. – (Народная библиотека).

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».

154. *Успенский Г.* Взбрело в башку: (Из записок деревенского обывателя). – М.: [Тип. И. Д. Сытина и К°], 1890. – 36 с. – (Правда).

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «3 дек.<абря> 90 г.», в левом верхнем углу – «№ 4».

155. *Успенский Г.* Живые цифры: (Из записок деревенского обывателя). – М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1891. – 36 с. – (Для взрослых) (Правда).

В подзагл.: № 3.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», в левом верхнем углу – «№ 3».

На последней странице карандашная пометка: «О народе, но не для народа».

156. *Успенский Г.* Нужда песенки поет. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К°: Изд. В. И.<кскуль>, 1891. – 36 с. – (Правда).

На тит. л.: № 15.

На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «11 янв.<аря> 91 г.», в левом верхнем углу – «№ 15».

157. *Успенский Г.* Перестала! – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. В. И. <кскуль>, 1891. – 36 с. – (Для взрослых).
На тит. л.: № 16.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «11 янв.<аря> 91 г.», в левом верхнем углу – «№ 16».
158. *Успенский Г.* Про счастливых людей (Святочный рассказ). – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1891. – 36 с. – (Правда).
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «24 окт.<ября> 90 г.», в левом верхнем углу – «№ 1».
159. *Успенский Г.* Сконки на конку; Зимний вечер. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. В. И. <кскуль>, 1892. – 36 с. – (Для взрослых) (Правда).
На тит. л.: № 38.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «28 авг.<уста> 91 г.», в левом верхнем углу – «№ 38».
160. *Федоров И. В.* Земной рай. Тайны карьеры: юмористические стихотворения / Омудевский. – СПб.: Типолит. А. М. Вольфа: Изд. Библиотеки А. Иванова, 1884. – 15 с.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова».
161. *Хероудинов А.* Грех дедушки Пахожа: рассказ. – М.: Тип. Общества распространения полезных книг, 1890. – 31 с. – (Изд. Общества распространения полезных книг).
На тит. л.: № 529.
На обложке в надзагл.: Рассказы из русского быта; год издания: 1889.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «7 окт.<ября> 89 г.», в левом верхнем углу – «№ 19»; рядом со словами «Издание Общества распространения полезных книг» – № 529.
На внешней стороне задней части обложки напечатан каталог изданий Общества распространения полезных книг. В перечне книг из серии «Рассказы из русского быта» рядом с названием большинства книг чернилами проставлен порядковый номер, под которым каждая из книг была напечатана.
162. *Хитров М. И.* Герои веры. – М.: Тип. А. Левенсон и К^о: Изд. учебного магазина «Начальная школа» Е. Н. Тихомировой, 1888. – 44 с.: ил.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «сентяб.<рь> 88».
163. *Хитров М. И.* Ученье свет. – М.: Тип. А. Левенсон и К^о: Изд. учебного магазина «Начальная школа» Е. Н. Тихомировой, 1888. – 31 с.: ил.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «сентябрь 88 г.».

164. <Хитров М.И.> Ученье – свет, неученье – тьма. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о, 1891. – 35 с.: ил.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова» и дата цензурного разрешения – «3 июня 91 г.».
165. *Цебрикова М. К.* Сирота: рассказ/Николаева. – М.: Тип. И. Д. Сытина и К^о: Изд. В. И. <кскуль>, 1893. – 71 с. – (Правда).
На тит. л. № 55.
На обложке чернильный автограф «Е. Свешникова», в левом верхнем углу: «№ 55» и «Одобр.<ено>».
На последней странице карандашная заметка: «Не художественно. Мысли хорошие. Картина неправд, совершающихся под прикрытием водки на “миру”».
166. *Эрленвейн. А.* Иван Гус: рассказ (из «Ясной Поляны» графа Л. Н. Толстого). – М.: Тип. Вильде, 1890. – 35 с.
В подзагл.: № 32.
На с. 34–35 стихотворение Ф. Тютчева «Гус на костре».
На обложке рукою Свешниковой: «№ 32».
167. *Эртель А. И.* Повесть о жадном мужике Ермиле. – М.: Тип. Вильде: [Изд. склада «Посредник»], 1895. – 72 с.
На обложке название «Жадный мужик».
В подзагл.: № 23.
На обложке рукою Свешниковой – «№ 23».

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ И ПРОПАГАНДЫ ЖЕНСКОГО ТВОРЧЕСТВА

«Другая» литература: женская проза XIX века: Каталог выставки книг и журналов из фондов научной библиотеки Тверского государственного университета: Пособие по спецкурсу / Сост. Е. Строганова. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 20 с.

В каталоге содержится библиография по творчеству писательниц XIX века – Н.А. Дуровой, М.С. Жуковой, Е.В. Салиас де Турнемир, Н.С. Соханской, Н.Д. Хвоцинской, О.А. Шапир и др.: указаны журнальные публикации, издания отдельных произведений и собрания сочинений, выходявшие в XIX и XX вв., критические статьи и научные исследования, посвященные женским авторам.

Глазами женщины: Русские художницы XIX века: Каталог выставки / Идея проекта Е.Н. Строгановой; сост. Л.С. Болошова. Тверь: Золотая буква, 2003. – 8 с.

Представлены графические и живописные работы русских художниц XIX века: С.В. Сухово-Кобылиной, А.А. Венециановой, С.П. Кувшинниковой, С.В. Гурко и др. из коллекции Тверской областной картинной галереи.

Русские писательницы первой половины XIX века: Пособие для факультативных занятий по литературе в 10 классе / Сост. С.Н. Воробьева, Е.Н. Строганова. Ред. Е.Н. Строганова. Тверь: Золотая буква, 2004. – 518 с.

Пособие включает материалы для факультативных занятий по творчеству русских писательниц первой половины XIX века: З.А. Волконской, Н.А. Дуровой, Е.А. Ган, Е.В. Кологривовой, Е.П. Ростопчиной. Выбор имен и текстов ориентирован на школьную программу. В книгу входят также критические и историко-литературные очерки и статьи, методические рекомендации по организации занятий и примерная программа факультативного курса.

Русская литература XIX века в гендерном измерении: Опыт коллективного исследования / Науч. ред. Е.Н. Строганова. Тверь: Лилия принт, 2004. – 162 с.

В сборнике с гендерных позиций рассматриваются темы, мотивы и персонажи произведений мужских и женских авторов XIX в. (Н.А. Дуровой, Е.А. Ган, О.И. Сенковского, А.Я. Панаевой, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.). Впервые дана библиография работ на русском языке, посвященных гендерным аспектам изучения литературы и русским писательницам XIX века.

Задушевное слово: Произведения русских писательниц второй половины XIX – начала XX века: Для младшего и среднего школьного возраста / Сост., ред., примеч. Е. Н. Строгановой. Тверь: Лилия принт, 2004. – 144 с.

В книге впервые републикуются рассказы, повести и сказки популярных детских писательниц второй половины XIX – начала XX века – С. П. Соболевой, А. Г. Коваленской, А. К. Павловой, С. И. Лаврентьевой, К. В. Лукашевич, А. И. Макаровой, М. Е. Еллинской, чьи произведения широко выходили отдельными изданиями и печатались в журналах «Игрушечка», «Детское чтение», «Родник», «Задушевное слово» и др.

Русские писательницы XIX – начала XX века: Тексты и судьбы: Учебное пособие по спецкурсу / Сост. Е. Н. Строганова, Н. И. Павлова. Науч. ред. Е. Н. Строганова. Тверь: Изд-во М. Ю. Батасовой, 2006. – 136 с.

В пособии прослеживается эволюция женской прозы XIX – начала XX века на примере творчества таких авторов, как Е. А. Ган, М. С. Жукова, Е. В. Салиас де Турнемир, Е. В. Новосильцева, Н. Д. Хвоцинская, О. А. Шапир, Е. П. Леткова и др. Представлены общая характеристика творчества, анализ произведений и их рецепция в критике

Женский вызов: Русские писательницы XIX – начала XX века / Под ред. Евгении Строгановой и Элизабет Шоре. Тверь: Лилия принт, 2006. – 316 с.

Сборник составлен по материалам двух международных конференций, проведенных кафедрой истории русской литературы Тверского государственного университета и Славянским семинаром Фрайбургского университета. В статьях, различных по своим исследовательским стратегиям, обсуждается амбивалентность авторского сознания женщин и создаваемых ими текстов, выдвигаются обоснования принципиального новаторства женского письма, анализируются особенности рецепции женского творчества.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

Задушевное слово: Произведения русских писательниц второй половины XIX – начала XX века. Вып. 2.

Книга продолжает знакомить современных читателей с творчеством популярных детских писательниц второй половины XIX – начала XX века. Во второй выпуск вошли рассказы и повести Е. А. Сысоевой, Е. В. Балобановой, Г. Галиной, В. И. Дмитриевой, В. Н. Харузиной, А. Г. Сахаровой, М. Юрьевой.

Е. П. Свешникова

О детях и взрослых
Статьи. Рассказы. Библиография

Дизайн – И. А. Горцевич
Вёрстка – Г. Ю. Лужаева
Технический редактор – О. В. Смирнова

Издательство «Лилия Принт»
г. Тверь, ул. Вольного Новгорода, 5.
Тел.: 8 (4822) 35-83-11, 347-247.
E-mail: liliyaprint@tvcom.ru

ISBN 5-94205-047-8

Объем 16,75 п.л. Формат 60x84/16
Подписано в печать 17.08.2007 г. Тираж 200 экз.

